

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 3 № 1 2021

VOL. 3 No. 1 2021

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)
languagestudies.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1>
2021. Том 3, № 1
2021. Vol. 3, no. 1

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018
Рецензируемое научное издание
Журнал открытого доступа
Учрежден в 2018 году
Выходит 2 раза в год
16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018
Peer-reviewed journal
Open Access
Published since 2018
2 issues per year
16+

Редакция

Главный редактор
В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)
Зам. главного редактора
З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)
Ответственный редактор
И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)
Ответственный секретарь
Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)
Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)
Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)
Д. О. Добровольский (Москва, Россия)
М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)
М. Журавицки (Эссен, Германия)
О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)
В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)
О. А. Невзорова (Казань, Россия)
В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)
Л. Сальмон (Генуя, Италия)
Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)
О. Суте (Париж, Франция)
С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)
Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 5,66 Мб

Подписано к использованию 26.04.2021

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Исследования языка и современное
гуманитарное знание» и на авторов материала
обязательна.

Editorial Team

Editor-in-chief
Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)
Deputy Editor-in-chief
Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)
Executive Editor
Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)
Assistant Editor
Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)
Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)
Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)
Dmitriy O. Dobrovol'skij (Moscow, Russia)
Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)
Michael Szurawitzki (Essen, Germany)
Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)
Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)
Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)
Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)
Laura Salmon (Genoa, Italy)
Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)
Olivier Soutet (Paris, France)
Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)
Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., St Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 26.04.2021

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal "Language Studies
and Modern Humanities" and the author(s) of the material
in question.

Редактор В. М. Махтина
Корректор А. Ю. Гладкова
Оформление обложки О. В. Рудневой
Верстка А. М. Ходан

Санкт-Петербург, 2021
© Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	4
Лингвистика и междисциплинарные исследования языка и речи.	6
Гурова Е. А. Извинения в современном датском языке и культуре	6
Жильцова Е. Л. Шведские связующие наречия, выражающие причинно-следственные отношения, и их роль в смысловой организации текста	18
Ливанова А. Н., Гурова Е. А., Григорьева Ю. М. О проблемном статусе лексико-семантической группы псевдопричастий/прилагательных в норвежском, датском и шведском языках	27
Минеев Т. А. Сопоставительный анализ английской и русской речи через иерархии релевантности	36
Осьмак Н. А. К вопросу о функционировании контактных глаголов в русской и финской спонтанной речи (на примере глаголов <i>katsoa</i> и <i>(no)sempettä</i>)	54
Yalovenko M. A. The creative remembering of the self: Spatial and temporal characteristics of Will Self's "Walking to Hollywood: Memories of before the fall" and Ben Lerner's "10:04" ..	62
Теория литературы и литературоведение	69
Ломагина А. В., Гулькова К. М. Авторская стратегия создания образа эпохи в историческом графическом романе (на примере романа А. ван Хансена «Скорбные воспоминания», Дания, 2019)	69
Макаридина М. Я. Между Словом и Изображением: интермедийность в творчестве Эдварда Мунка	80
Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам	97
Хахалина М. С., Щерба О. Ю., Порязь Н. В. Проблемы применения системы дистанционного образования MOODLE при обучении иностранному языку студентов педагогического вуза	97
Обзоры, рецензии, персоналии	106
Алексеева И. С. Конкурс переводов как диагностический и дидактический инструмент, или Уроки <i>Sensum de Sensu</i> : к 20-летию юбилею конкурса.	106

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief	4
Linguistics and interdisciplinary research in language and discourse	6
<i>Gurova E. A.</i> On apologizing in the modern Danish language and culture	6
<i>Zhiltsova E. L.</i> Swedish linking adverbs, expressing causality, and their role in the semantic organization of the text	18
<i>Livanova A. N., Gurova E. A., Grigoryeva Yu. M.</i> On the problematic status of the lexical-semantic group of pseudo participles/adjectives in Norwegian, Danish, and Swedish	27
<i>Mineev T. A.</i> Contrastive analysis of the Russian and English spoken languages through relevance hierarchies	36
<i>Osmak N. A.</i> More on the question of functions of contact verbs in Russian and Finnish spontaneous speech (based on usage of verbs <i>katsoa</i> and <i>(po)smotret</i>)	54
<i>Yalovenko M. A.</i> The creative remembering of the self: Spatial and temporal characteristics of Will Self's "Walking to Hollywood: Memories of before the fall" and Ben Lerner's "10:04"	62
Theory of literature and literature study	69
<i>Lomagina A. V., Gulkova K. M.</i> Communication strategies: Representing historical past in graphic novel (on the example of the novel "A Memory of Lament" by Allan van Hansen, Denmark, 2019)	69
<i>Makaridina M. Ya.</i> Between word and image: Intermediality in Edvard Munch's oeuvre	80
Linguodidactics and language teaching methodology	97
<i>Khakhalina M. S., Scherba O. Yu., Poriya N. V.</i> Some problems of using MOODLE platform when teaching ESL to university students of non-linguistic departments majoring in Education science	97
Reports, reviews, personalities	106
<i>Alexeeva I. S.</i> Translation competition as diagnostic and didactic tool, or Lessons of Sensum de Sensu: Marking the 20 th anniversary of the competition	106

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

В очередной выпуск журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание» вошло десять статей, шесть из которых посвящены вопросам изучения языков и литератур Северной Европы. Эти статьи представляют безусловный интерес не только для специалистов, область научного интереса которых определяется как «скандинавистика». Ставя вопросы, касающиеся как отдельных феноменов языка и речи, так и совокупности речевых и неречевых средств, направленных на достижение определенных коммуникативных целей, авторы статей по скандинавистике включаются в общий для современной гуманитаристики научный диалог, базирующийся на принципах антропоцентризма, а их наблюдения над процессами, происходящими в датском, финском, шведском и др. языках, мотивируют к проведению аналогичных исследований на материале других языков.

Так, в статье Е. А. Гуровой «Извинения в современном датском языке и культуре» (исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146) рассматривается коммуникативный феномен извинения на примере современных сериалов, романов и корпуса датского языка; полученные результаты дают автору основание говорить о «датском стиле коммуникации», одной из характеристик которого является стремление к консенсусу. Сравнительный анализ контактных глаголов в статье Н. А. Осьмак «К вопросу о функционировании контактных глаголов в русской и финской спонтанной речи (на примере глаголов *katsoa* и *(no)смотреть*)» показывает сходство в функционировании данных единиц в финской и русской спонтанной речи, что позволяет автору высказать предположение о близости двух лингвокультур. Анализ шведских связующих наречий, выражающих причинно-следственные отношения, в статье Е. А. Жильцовой «Шведские связующие наречия, выражающие причинно-следственные отношения, и их роль в смысловой организации текста» основывается на данных лингвистического корпуса и фокусируется на их участии в формировании смысловой полноты и целостности текста как результате взаимодействия адресанта и адресата текста в его поле. Авторы статьи «О проблемном статусе лексико-семантической группы псевдопричастий/прилагательных в норвежском, датском и шведском языках» А. Н. Ливанова, Е. А. Гурова, Ю. М. Григорьева скрупулезно систематизируют сходства и различия данных форм в трех континентальных скандинавских языках и приходят не только к выводам, которые имеют значение для понимания статуса псевдопричастий в системе языка, но и к выводам, имеющим практическое значение, в частности для применения результатов описания в обучении.

Авторы статей из раздела «Теория литературы и литературоведение», а именно: «Авторская стратегия создания образа эпохи в историческом графическом романе (на примере романа А. ван Хансена «Скорбные воспоминания», Дания, 2019)» (А. В. Ломагина, К. М. Гулькова) и «Между Словом и Изображением: интермедialность в творчестве Эдварда Мунка» (М. Я. Макаридина) — обращают внимание читателей на особенно актуальные сегодня, но имеющие, как выясняется, историческую традицию феномены поликодовости и интермедialности, которые, становясь авторской стратегией, порождают высокую информационную плотность литературно-художественного текста.

«Нескандинавские» статьи выпуска продолжают линию исследования «языка в человеке» и «человека в языке» (выражение Ю. С. Степанова). Так, статья М. А. Яловенко «The creative remembering of the self: Spatial and temporal characteristics of Will Self's "Walking to Hollywood: Memories of before the fall" and Ben Lerner's "10:04"» дает определение и вводит в научный обиход понятие автофикции, внося тем самым ясность в дискуссию, ведущуюся в последнее время вокруг жанра автобиографии, который включает в жизнеописание его протагониста как факты, так и вымыслы.

Статья Т. А. Минеева «Сопоставительный анализ английской и русской речи через иерархии релевантности» содержит сопоставительный анализ частотности употребления лексических

единиц разных классов на материале оригинальных устных корпусов английского и русского языков, что позволяет автору установить корреляции между ними и что, в свою очередь, дает материал для совершенствования межъязыковых поисковых систем, машинных переводчиков и т. д. и позволяет судить о современном состоянии языка.

Единственная статья из раздела «Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам» «Проблемы применения системы дистанционного образования MOODLE при обучении иностранному языку студентов педагогического вуза» (авторы М. С. Хахалина, О. Ю. Щерба, Н. В. Порязь) предвосхищает публикацию серии статей из редакционного портфеля на актуальную тему дистанционного обучения, которое в условиях пандемии COVID-19 определило жизнь всех университетов нашей страны.

Завершает выпуск публикация, посвященная 20-летию юбилею молодежного конкурса письменного перевода *Sensum de Sensu* (раздел «Обзоры, рецензии, персоналии»). Ее автор, директор Санкт-Петербургской высшей школы перевода И. С. Алексеева, дает ретроспективу этого популярного профессионального конкурса и показывает его немалый дидактический и просветительский потенциал, а также его роль в объединении переводческой отрасли страны.

Не сомневаюсь, что каждая статья этого выпуска нашего журнала заслуживает внимания и непременно найдет своего читателя.

*С уважением,
главный редактор журнала
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
РГПУ им. А. И. Герцена
Валерия Анатольевна Андреева*

УДК 811.113.4

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-6-17>

Извинения в современном датском языке и культуре

Е. А. Гурова^{✉1}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
190034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Сведения об авторе

Елена Александровна Гурова,
SPIN-код: 5549-2293,
ResearcherID: C-8503-2016,
ORCID: 0000-0002-3119-0025,
e-mail: e.gurova@spbu.ru

Для цитирования:

Гурова, Е. А.
(2021) Извинения в современном датском языке и культуре. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 3, № 1, с. 6–17.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-6-17>

Получена 25 января 2021;
прошла рецензирование
8 февраля 2021; принята
13 февраля 2021.

Финансирование:

Исследование проведено
при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта
№ 19-012-00146.

Права: © Автор (2021).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается коммуникативный феномен извинения в контексте датской культуры на примере современных сериалов, романов и корпуса датского языка. Датский стиль коммуникации, который связан с такими культурными ценностями, как равенство, естественность, прямота, стремление к хюгге и отсутствию разногласий, накладывает отпечаток на употребление тех или иных формул извинения в различных ситуациях общения. Самой распространенной формулой извинения является *undskyld*, которая воспринимается как самое искреннее признание своей вины и используется в метаязыковых извинениях, конвенциональных извинениях и извинениях по существу. Другая частотная формула *jeg er ked af* используется для выражения не только извинения, но и сочувствия. Выражения *jeg er ked af*, *jeg beklager* часто употребляются в официальной обстановке, письменной коммуникации и публичных извинениях и демонстрируют стремление дистанцироваться от неудобной ситуации, снимая с себя ответственность за проступок. Основным интенсификатором в формулах извинения является наречие *virkelig* 'действительно', а также выражение с модальным глаголом *må*, придающее извинениям некоторую настойчивость. В статье также анализируются публичные извинения, принесенные премьер-министрами от имени государства, представителями Датского банка и политиками. В публичных извинениях от имени государства важную роль играет тип общения (массовое, публичное, групповое) и политические цели, которые обуславливают коммуникативные стратегии. Публичные извинения со стороны известных личностей и организаций в большей мере нацелены на убеждение в их искренности для восстановления утраченного доверия и репутации.

Ключевые слова: извинения, датский язык, датская культура, вежливость, речевой этикет, лингвокультурология.

On apologizing in the modern Danish language and culture

Е. А. Gurova^{✉1}

¹ Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 190034, Russia

Author

Elena A. Gurova,
SPIN: 5549-2293,
ResearcherID: C-8503-2016,
ORCID: 0000-0002-3119-0025,
e-mail: e.gurova@spbu.ru

Abstract. The article examines the communicative phenomenon of apologizing in the context of the Danish culture as revealed in contemporary Danish serials, novels and the corpus of the Danish language. The Danish communication style, which derives from such cultural values as equality, naturalness, downrightness, and the craving for hygge unhampered by discord, affects the use of different forms of apologizing in various instances of communication. *Undskyld*, the most frequent apology formula, is taken as the most sincere acknowledgment of one's fault, and occurs in metalanguage apologies, conventional and true apologies. Another frequent formula, *jeg er ked af*,

For citation:

Gurova, E. A.

(2021) On apologizing in the modern Danish language and culture. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 6–17.<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-6-17>**Received** 25 January 2021;
reviewed 8 February 2021;
accepted 13 February 2021.**Funding:** This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Research Project No. 19-012-00146.**Copyright:** © The Author (2021).

Published by Herzen State

Pedagogical University of Russia.

Open access under CC BY-NC

License 4.0.

carries not only an apology but also a compassion. Phrases *jeg er ked af, jeg beklager* often occurring in official parlance, written communication and public apologies testify to the urge to shun a moment of awkwardness, while shedding responsibility for misconduct. The adverb *virkelig* 'really', as well as the use of the modal *må*, which adds insistency to the apology, act as major intensifiers in apologies. The article analyzes public apologies made by prime-ministers on behalf of the State, as well as those made by representatives of the Danske Bank and statesmen. Of paramount importance in public apologies made on behalf of the State is the type of communication (mass, public, group) as well as political aims which determine communicative strategies. Public apologies made by well-known persons and organizations are largely aimed to win the public trust and to restore the lost prestige.

Keywords: apologies, Danish language, Danish culture, politeness, speech etiquette, linguocultural studies.

Введение

Извинение занимает важное место в культуре разных народов, являясь способом сгладить неловкую ситуацию и предотвратить возможный конфликт. Феномен извинения давно находится в фокусе внимания исследователей, которые рассматривают его с разных теоретических позиций. В теории речевых актов (РА) извинения рассматривают в группе бехабитивов (реакции на поведение других людей) (Austin 1975, 83) или экспрессивов (Серль 1986, 183). В работах по лингвистической прагматике данный класс слов и выражений также, как правило, рассматривается среди экспрессивов, основная функция которых заключается в восстановлении гармонии между участниками общения (Leech 1983, 125). Однако Р. Ратмайр относит извинения к перформативным РА, «перлокуция которых в случае их успеха состоит в предоставлении прощения; при этом в отличие от исполнения приказа, выбор перлокуции остается за адресатом» (Ратмайр 2003, 63). Как указывает Т. В. Ларина, главное прагматическое значение РА извинения — заверить адресата в том, что с ним хотят поддерживать бесконфликтные отношения, поэтому данный РА также необходимо рассматривать в связи со стратегиями вежливости сближения, несмотря на то, что он связан с соблюдением дистанции, то есть со стратегиями дистанцирования (Ларина 2009, 347).

Целый ряд кросскультурных исследований свидетельствует о том, что феномен извинения имеет множество культурно-специфических особенностей (Плетнева 2007; Ратмайр 2003; Blum-Kulka, Olshtain 1984; Oigermann 2009;

Shardakova 2005). При этом сравнительные исследования языков, принадлежащих к разным языковым семьям, обнаруживают заметные отличия в коммуникативном взаимодействии представителей разных культур, а также возможную несостоятельность самого термина РА. Так, анализируя РА извинения в английском и японском языках, Е. А. Плетнева обращает внимание на ситуации, в которых формула извинения в японском одновременно используется для реализации РА извинения и благодарности. Исследователь приходит к выводу о том, что речь идет об отдельном типе РА, который не может быть проанализирован с точки зрения европейских систем координат, и ставит под сомнение вопрос об универсальности существующих классификаций РА (Плетнева 2007, 23).

Работы, посвященные феномену извинения в скандинавских языках, достаточно малочисленны (Awedyk 2011; Trosborg 1987) и, как правило, выполнены в русле социопрагматики с применением методики письменного завершения дискурса (Discourse Completion Test). Поскольку на реализацию РА извинений может влиять целый ряд прагматических факторов (сама ситуация общения, интонация, невербальные составляющие, возрастные, ролевые и статусные характеристики говорящих, характер их отношений, предшествующих общению, их психологический настрой и физиологическое состояние), в качестве материала для данного исследования, посвященного анализу извинений в датском языке, были использованы диалоги из современных датских сериалов, двух романов, содержащих большое количество диалогов,

корпус датского языка (KorpusDK) и ряд интернет-источников.

Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать языковые формулы извинений в датском языке и выявить их особенности, обусловленные датским стилем коммуникации. Задачи вытекают из поставленной цели и заключаются в определении характерных черт датского стиля коммуникации, классификации извинений исходя из их функционально-семантических особенностей и сравнения формул извинения в разговорной речи и публичном пространстве.

Коммуникативные ценности датской культуры

Ситуация извинения предполагает некое предшествующее событие — совершенный проступок, который нанес ущерб собеседнику, в связи с чем говорящий испытывает вину и просит ее с него снять с помощью произнесения той или иной формулы извинения. Набор подобных формул вежливости обусловлен культурными особенностями общества, а также принятыми в нем нормами и правилами коммуникативного взаимодействия.

Несмотря на то, что датская культура относится к западным культурам, в которых традиционно большее значение придается негативной вежливости, предполагающей признание независимости и личной автономии собеседника, между датской и, например, британской культурой существует ряд различий (Гурова 2020, 71–72). Так, принцип автономии личности (*privacy*) и связанное с ним использование многочисленных знаков внимания в адрес собеседника имеют гораздо большее значение для британского стиля коммуникации, чем для датского. В датской культуре прежде всего ценится **естественность, прямота и равенство** (Levisen, Waters 2015, 256), т. е. доминирует содержание, а не форма. Неудивительно поэтому, что многие британцы поражаются отсутствию в датском языке аналога *please* (Levisen, Waters 2015, 245) и воспринимают коммуникативный стиль датчан как невежливый (Бут 2017, 53–54). Так как в датской системе ценностей огромную роль играет равенство и равноправие, социальный статус собеседника не имеет большого значения. В связи с этим датский стиль коммуникации характеризуется высокой степенью неформальности: общение на «ты» возможно не только с хорошо знакомыми людьми, но и с незнакомцами, начальниками, учителями и людьми, старшими по возрасту, то есть индекс

вертикальной (статусной) дистанции достаточно низок.

Датскую культуру можно отнести к дистантным культурам, где ценится личное пространство собеседника и тактильная коммуникация используется ограниченно, т. е. проявляются черты индивидуализма. Однако также для Дании характерен своеобразный коллективизм. Некоторые исследователи определяют подобную общность как *трайбализм*: с одной стороны, он проявляется в заботе о членах своей группы, а с другой стороны, в одержимости делать все «по-датски», в связи с чем внедриться в группу неучастнику довольно сложно, поэтому она превращается в эксклюзивное сообщество (подробнее см. Levisen, Waters 2015, 258). Не последнюю роль в датском обществе играет негласный Закон Янте, предполагающий неодобрительное отношение к тем, кто выделяется на общем фоне (Бут 2017, 118).

Кроме вышеуказанных ценностей, для датчан важны понятия *hygge* «уют», *tryghed* «защищенность» и *trivsel* «благополучие» (Avakova 2020, 8). Согласно К. Левисену, *hygge* подразумевает своего рода «социальную близость» и основывается на вере в доброжелательность других и возможность стать сопричастным происходящему в рамках общения (цит. по: Avakova 2020, 8). Для того чтобы ощутить *hygge*, необходимо единение, а также отсутствие недоверия и разногласий.

Стремление к **консенсусу** — еще одна важная черта датского менталитета, которую необходимо принимать во внимание при анализе прагматических смыслов извинения в датском языке. На примере голосований в многочисленных датских союзах и ведения общественно-политических дискуссий антрополог А. Кнудсен показывает важность установки на единство мнений: любое обсуждение в идеале должно закончиться фразой *i grunden er vi enige* «по существу мы все согласны» (Knudsen 1998, 23).

Все указанные ценности влияют на датский стиль коммуникации, который можно охарактеризовать как личностно-ориентированный, дистантный, естественный и ориентированный на содержание, а не на форму.

Формулы извинения

Многие специалисты отмечают, что в связи с всеобщим переходом на «ты» в конце 1960-х и выходом из употребления многих вежливых оборотов изменился стиль поведения датчан, а хорошие манеры молодого поколения оставляют желать лучшего. Например, известная журналистка, писательница и сценаристка

Л. Нёргор указывает на то, что вместо вежливого *undskyld* 'извините' из уст молодых людей нередко можно услышать просто *hov!* 'эй!' (Andersen 2014, 60). Кроме этого, речевое поведение современных людей в целом характеризуется высоким уровнем агрессии, которая часто проявляется в социальных сетях и среди участников уличного движения. Это связано с рядом экстралингвистических процессов: с ускорением времени, многозадачностью, ростом объема получаемой информации, а также с тем, что целое поколение датчан выросло во времена, когда нормы поведения стали менее строгими, а традиционные христианские ценности утратили былое значение.

Несмотря на указанные тенденции, ситуации извинения по-прежнему играют большую роль в коммуникативном взаимодействии членов общества. В датском языке существует целый ряд форм для передачи РА извинения: *undskyld*, *jeg vil sige undskyld*, *det må du undskylde*, *det er jeg ked af*, *beklager*, *det er beklageligt*, *sorry*, *du må meget pardon*, *om forladelse*, *godt ord igen*, *bebe*, *klebager*.

Основной формулой извинения в датском языке является слово *undskyld* 'извини(те)/прости(те)'.

Датский толковый словарь (Den Danske Ordbog) выделяет следующие значения данного междометия:

1) используется как вежливая форма просьбы о прощении за какой-либо проступок;

1.а) используется для исправления собственной оговорки;

2) используется как существительное среднего рода в выражениях извинения;

3) используется в качестве вежливого обращения (DDO).

Словарь разговорного датского языка (Ordbog over Dansk Talesprog) выделяет несколько других значений, основываясь на функциональном подходе и рассматривая *undskyld* в качестве эмотивной леммы:

1) используется в качестве извинения за прерывание собеседника (*afbrydelse*), связанное с физическим или вербальным вмешательством;

1.1) используется в качестве извинения за прерывание собеседника, связанное с непроизвольными физическими реакциями (кашель, чихание);

1.2) используется при переспрашивании для смягчения вопроса, часто, когда слушающий не расслышал или не понял сказанное говорящим;

2) используется в качестве просьбы простить (*tilgivelse*) за слова или поступок, которые могут обидеть собеседника;

2.1) используется для смягчения высказывания (*formildner*), которое может вызвать дистанцирование слушающих;

3) используется в качестве вежливого исправления оговорок (*korrektion*);

3.1) используется для извинения за неправильное понимание сказанного говорящим (*misforståelse*) (ODT).

Указанные значения *undskyld* свидетельствуют о том, что данная лексема может употребляться в качестве метакоммуникативных извинений, конвенциональных извинений и извинений по существу, т. е. носит универсальный характер.

Под метакоммуникативными извинениями Р. Ратмайр понимает такие высказывания, которые относятся не к экстралингвистическому поведению говорящего, а к самому высказыванию, то есть к нарушениям норм ведения разговора (Ратмайр 2003, 138). Как правило, это вставные конструкции, включенные в более сложное высказывание, которые не требуют никакой реакции адресата. Данная категория извинений может быть связана с нарушением постулата согласия (критика, возражение, отказ), нарушением постулата качества (оговорки, неточности), нарушением постулата количества (повторы), нарушением постулата способа (сбивчиво, громко, грубо), нарушением организации диалога и дискурсного этикета (требование не перебивать говорящего, отвечать на вопросы). Среди отобранного материала были выявлены метакоммуникативные извинения, связанные с нарушением постулата такта (вербальное вторжение в личную сферу) (1) и с обращением к незнакомым людям, вводящее в ситуацию просьбы (2):

(1) Гро сводной сестре: *Undskyld jeg blander mig, men har Emil bedt om at låne penge?* [«Извини, что вмешиваюсь, но Эмиль что — попросил у тебя в долг деньги?»; *здесь и далее перевод наш.* — Е. Г.] (Arv. s. 1, а. 9, 47:14).

(2) *Undskyld, unge mand. Jeg har så få varer. Må jeg ikke nok få en forlomme i køen?* [«Извините, молодой человек. У меня совсем мало покупок. Можно я встану в очередь перед вами?»] (Р., s. 498).

Конвенциональные извинения употребляются в связи с незначительными нарушениями этикета и могут состоять из одной минимальной формулы извинения или дополняться расширениями (Ратмайр 2003, 159). Эта категория

извинений свидетельствует о нарушении социальных норм и этикета, принятых в данной культуре, поэтому ситуации извинений наглядно показывают, какие именно действия расцениваются как неприличное поведение. В датской культуре неприлично опаздывать (3), беспокоить людей, особенно в неподходящее время (4, 5), заставлять людей ждать (6) или прерывать запланированную встречу (7), а также не выключать звук мобильного телефона во время встречи, заседания и т. д. (8).

(3) Андреас своей девушке: *Hej. Undskyld, jeg kommer lidt sent.* [«Привет. Извини, что немного задержался»] (Arv. s. 1, а. 5, 40:49).

(4) Адвокат, звоня коллеге: *Hej, det er mig. Undskyld jeg ringer så sent.* [«Привет, это я. Извини, что так поздно»] (Arv. s. 1, а. 6, 30:17).

(5) Полицейский, стуча в дверь обсерватории: *Undskyld forstyrrelsen. Jeg kommer angående en anmeldelse.* [«Извините за беспокойство. Я по поводу одного заявления»] (Jul. а. 15, 14:36).

(6) Полицейский коллегам: *Undskyld, jeg måtte lade jer vente.* [«Простите, что заставил вас ждать»] (R. а. 25, 11:58).

(7) Гро собравшимся: *Undskyld mig lige et øjeblik.* [«Простите, я на минутку (отлучусь)»] (Arv. s. 1, а. 5, 25:37).

(8) Эмиль в зале суда (его мобильный телефон звонит во время заседания):
Fuck. Undskyld, undskyld. Sorry. [«Черт, простите, извините. Сорри»] (Arv. s. 1, а. 7, 43:13).

Кроме этого, у датчан не принято бурно выражать эмоции (9) и проявлять недостаточное внимание к слушающему. Например, извинения требуют ситуации, когда говорящий не узнает собеседника (10, 11).

(9) Сотрудница спецотдела полиции по телефону начальнице: *Han (morderen) boede på værelset lige ved siden af mig. (begynder at græde) Undskyld.* [«Он (убийца) жил прямо в соседнем номере. (Плечет.) Извини»] (R. а. 30, 10:43).

(10) Начальница спецотдела полиции звонит домой и не узнает по голосу сына: *Undskyld, hvem taler jeg med?* [«Извините, с кем я говорю?»] (R. а. 30, 09:05).

(11) Сигне стучит в сарай, где живет Томас: *Undskyld, er det dig, der er Thomas?* [«Извините, это вы Томас?»]

Томас: *Kom lige ind og luk døren.* [«Заходи и закрой дверь»].

Сигне: *Veronika er kommet på hospitalet.* [«Веронику отвезли в больницу»].

Томас: *Hvad? Hvad er der sket?* [«Что? Что случилось?»]

Сигне: *Hun er faldet om.* [«Ей стало плохо»].

Томас: *Undskyld, hvem er du?* [«Извини, а ты кто?»] (Arv. s. 1, а. 1, 35:46).

Иногда подобные извинения сопровождаются объяснениями, которые частично снимают вину с говорящего, когда речь идет о непредвиденных обстоятельствах (12).

(12) Полицейский коллегам: *Undskyld, jeg havde et møde med en journalist.* [«Извините (за опоздание), у меня была встреча с журналистом»] (R. а. 27, 16:48).

Кроме *undskyld*, конвенциональные извинения могут быть выражены формулой *du må undskylde* (13, 14), придающей им большую настойчивость, или оборотом *at have nogen undskyldt*, который часто используется для завершения коммуникативной ситуации, предваряя прощание (15, 16).

(13) Гро коллеге: *Jeg havde et møde, der trak ud. Det må du undskylde.* [«У меня одна встреча затянулась. Извини, пожалуйста (за опоздание)»] (Arv. s. 1, а. 4, 42:04).

(14) Сигне своему адвокату: *Du må undskylde, at vi er her lidt tidligt.* [«Мы чуть-чуть пораньше пришли, извините, пожалуйста»] (Arv. s. 1, а. 6, 02:13).

(15) Профессор подросткам: *Der er stadig gang i meteorstormen, så hvis I vil have os undskyldt. Tak for besøget. I er altid velkomne en anden gang.* [«Метеорный поток все еще активен, так что прошу нас простить. Спасибо, что заглянули. Будем рады видеть в другой раз»] (Jul. а. 17, 05:56).

(16) Отец Боба знакомой: *Nu må du have mig undskyldt, Vera. Jeg har travlt. Jeg skal beskæftige mig med det du kalder "humbug". Farvel.* [«А теперь прошу меня извинить, Вера. Я занят. Занимаюсь тем, что вы называете "шарлатанством". До свидания»] (Jul. а. 16, 09:11).

Извинения по существу предполагают ситуацию, когда собеседник обижен или рассержен или у говорящего есть повод этого опасаться в связи с совершенным поступком (Ратмайр 2003, 179). Вербальная реакция слушающего может быть разнообразной, а само извинение в определенных ситуациях — отклонено. Причиной подобных извинений могут быть телесные повреждения (17), оскорбления, грубости, неуместные слова (18), нарушение договоренности (19) или нанесение материального ущерба собеседнику (20):

(17) Андреас сильно попадает гандбольным мячом в ногу своей девушки, стоящей на воротах: **Undskyld! Nej, nej.** [«Прости! О нет, нет»] (Arg. s. 1, a. 3, 01:44).

(18) Комиссар полиции: *Jeg forstår, at Torben Riis har begået selvmord.* [«Как я понимаю, Торбен Риис совершил самоубийство»].

Инспектор полиции: *Ja.* [«Да»].

Комиссар полиции: *Det er jo glimrende.* [«Но это ведь отлично»].

Начальница спецотдела полиции: *Hvad for noget?* [«Что?»]

Комиссар полиции: **Undskyld.** *Det var et uheldigt ordvalg.* [«Извините. Неудачная формулировка»] (R. s.4, a. 2, 01:12:10).

(19) Роберт, любовник Гро: *Kan du huske, hvad du sagde til mig i går?* [«Помнишь, что ты вчера мне сказала?»]

Гро: *Nej, jeg var fuld og træt.* [«Нет, я устала и была пьяна»].

Роберт: *Du sagde, du elskede mig.* [«Ты сказала, что любишь меня»].

Гро: *Ja, undskyld. Det ved jeg godt. Undskyld. Du har Claudia. Vi har en aftale. Det er fint.* [«Да, извини. Я знаю. Извини. У тебя есть Клаудиа. У нас договоренность. Все нормально»] (Arg. s. 1, a. 4, 51:35).

(20) Ханна своему дяде, который надел ее футболку: *Du udvider den megameget.* [«Ты ее ужасно растянешь»].

Эмиль: **Undskyld.** *Jeg tager den af om lidt. Den er bare så fed.* [«Прости. Сейчас сниму. Просто она такая суперская»] (Arg. s. 1, a. 5, 04:22).

Интенсивность извинения зависит от тяжести вины, степени знакомства и близости собеседников, желания говорящего сохранить хорошие отношения, а также в целом от особенностей языковой личности. Извинения по существу могут быть осложнены повтором (19, 21),

объяснением или оправданием (22, 23), обещанием исправить нанесенный ущерб (20), признанием своего проступка (21, 24) или сопровождаться обращением по имени (22), которое придает разговору более интимный характер.

(21) Эмиль брату: *Jeg ved ikke, hvad han kan finde på, hvis jeg ikke betaler ham tilbage snart. Undskyld, mand. Undskyld. Jeg ved godt, jeg er et kæmpe kvaj, mand.* [«Я не знаю, что он предпримет, если в ближайшее время не заплачу ему. Ну извини меня. Прости. Я ужасный идиот, знаю-знаю» (хлопает себя по лбу)] (Arg. s. 1, a. 7, 36:54).

(22) Эмиль сводной сестре: *Gider du ikke lige give en hånd med ude i haven?* [«Не поможешь нам в саду?»]

Сигне: *Er det ikke muligt lige at få fred to minutter i det her hus? Det er utroligt.* [«А нельзя ли в этом доме на пару минут остаться одной? Просто невероятно»].

Эмиль: *Jo, selvfølgelig.* [«Да, конечно»].

Сигне: **Undskyld, Emil,** *det var ikke sådan ment. Jeg har brug for at tænke lidt.* [«Извини, Эмиль, я не это имела в виду. Просто мне нужно немножко подумать»] (Arg. s. 3, a. 9, 16:41).

(23) Полицейский: *Støvsuger du her hver dag?* [«Вы здесь каждый день пылесосите?»]

Уборщица в доме убитых: *Jo, det ved Gud i himlen jeg gør.* [«Да, Бог видит, каждый день»].

Полицейский: *Ja, undskyld jeg spørger, det er ikke fordi man kan se det.* [«Извините, что спрашиваю, это не потому, что уборки не видно»] (R. a. 25, 16:21).

(24) Гро брату: *Du har fået 4 millioner kroner allerede og du har ikke sagt en skid.* [«Ты уже получил 4 миллиона крон, и ни фига об этом не сказал»].

Эмиль: *Nej, og det skulle jeg have gjort. Undskyld.* [«Да, нужно было сказать. Прости»] (Arg. s. 1, a. 9, 22:34).

Настойчивость извинению придает выражение с модальным глаголом *må* (н. в. от *måtte* 'мочь'), которое часто сочетается с интенсификатором *virkelig* 'действительно' (25, 26).

(25) Амалия однокласснику: *Jeg bliver nødt til at aflyse vores aftale i dag. Jeg havde fuldstændig glemt jeg havde en aftale med min kæreste. Det må du virkelig undskylde.* [«С нашей встречей сегодня ничего не получится. Я совсем забыла,

что договорилась со своим парнем. Извини меня, пожалуйста»] (Kl. s. 1, a. 2, 7:49).

(26) Секретарь входит в конференц-зал, где начальство смотрит новый рекламный ролик компании.

Начальница PR-отдела: *Hvad er det, Eva?* [«Что такое, Ева?»]

Секретарь: *Det må du virkelig undskylde. Hvis jeg havde vidst at I var midt i, så havde jeg ventet.* [«Извините, пожалуйста. Если бы я знала, что вы как раз сейчас смотрите, я бы подождала»] (L. s. 1, a. 1, 09:47).

В том случае, если поступок и извинение отдалены друг от друга во времени, часто используется формула *jeg vil gerne sige undskyld* (27, 28).

(27) Сигне приходит на ферму к соседу: *Jeg vil gerne sige undskyld. Skal vi ikke lade være med at modarbejde hinanden?* [«Я хотела бы извиниться. Может, нам перестать друг другу палки в колеса вставлять?»] (Argv. s. 3, a. 8, 06:42).

(28) Фредерик встречается жену после работы: *Jeg vil bare sige undskyld til dig.* [«Я хочу просто извиниться перед тобой»] (Argv. s. 1, a. 10, 51:50).

Оборот *jeg er ked af* 'мне жаль' часто встречается в разговорной речи, публичных выступлениях и письменной коммуникации. Он используется для выражения сочувствия (29), извинения за другого человека (30), признания собственной вины (31) или попытки дистанцироваться от ситуации, снимая с себя ответственность (32).

(29) Профессор подростку, узнав о его пропавшей матери: *Det er jeg meget ked af at høre, Bob* [«Мне очень жаль, Боб»] (Jul. a. 17, 05:44).

(30) Фредерик сводной сестре после драки у нее в гостях: *Jeg er ked af min søsters opførsel. Du har gjort det så fint. Jeg vil gerne betale skaderne* [«Мне жаль, что сестра повела себя подобным образом. Ты так все прекрасно устроила. Я хочу заплатить за причиненный ущерб»] (Argv. s. 1, a. 4, 39:52).

(31) Сигне сводному брату: *Jeg er virkelig ked af, jeg kom til at sige det med jeres far i retten. Jeg blev så hidsig* [«Мне очень жаль, что я сказала так о вашем отце в суде. Я ужасно распахивалась»] (Argv. s. 1, a. 8, 14:49).

(32) Гро собравшимся коллегам: *Museet kan ikke blive til noget. Der er kommet nye oplysninger frem, som betyder, at det ikke kan lade sig gøre. Jeg er virkelig ked af det* [«Проект с музеем не может быть реализован. Появились новые данные, которые свидетельствуют о невозможности осуществить проект. Мне очень жаль»] (Argv. s. 1, a. 5, 28:26).

Схожей функцией дистанцирования от сложившейся неприятной ситуации обладают формулы *jeg beklager* (33) и *det er beklageligt* (34).

(33) Ким спонсору после того, как Гро объявила о том, что проект музея не может быть реализован: *Jeg beklager virkelig. Det gør jeg. Jeg troede, Gro var seriøs* [«Мне очень жаль, действительно. Я думал, у Гро серьезные намерения»] (Argv. s. 1, a. 5, 29:26).

(34) Ответ железнодорожной компании на письмо клиента: *Jeg er enig med Dem i, at informationen til vores kunder er vigtig, og især ved uregelmæssigheder. Det er derfor beklageligt, at De og vores øvrige passagerer ikke fik den information, som vores kunder naturligt kunne forvente* [«Мы согласны с Вами в том, что важно информировать наших клиентов, особенно в отношении изменений в расписании. Поэтому очень жаль, что Вы и другие пассажиры не получили той информации, на которую наши клиенты вправе рассчитывать»] (KorpusDK).

Кроме этого, подобные формулы в большей степени характерны для письменной коммуникации (34) и общения в официальной обстановке (35, 36).

(35) Полицейский коллеге из другого отдела о внутреннем расследовании: *Jeg beklager ulejligheden* [«Прошу прощения за неудобство»] (R. a. 27, 34:56).

(36) Полицейские родителям пропавшей девочки: *Mange tak. Vi har hørt det, vi skulle. Beklager forstyrrelsen.* [«Большое спасибо. Мы выяснили, что необходимо. Простите за вторжение»¹] (KM, s. 79).

Среди заимствованных лексем самой распространенной является *sorry*. Как отмечает Й. Лунд, если кто-то нечаянно задел прохожего,

¹ Пер. А. Н. Чеканского. Свейиструп, С. (2019) *Капитановый человек*. М.: Эксмо, 480 с.

можно извиниться, сказав *sorry*, но, если этот человек упал, уже не обойтись без *undskyld* (Lund 2016, 148). *Sorry* может быть использовано в качестве обращения, в конвенциональных извинениях за незначительные нарушения этикета и в качестве аналога *jeg beklager* (37).

(37) Охранник перед дискотекой группе подростков: *«I kommer ikke ind, drenge. Sorry,» siger det store brød af en securityvagt <...> Det er ikke en fest for jer. Jeg beklager. Godt nytår.* [«Вам сюда нельзя, парни. Сорри», — говорит громила-охранник <...> «Эта вечеринка не для вас. Сожалею. С новым годом»] (Р. s. 495).

Остальные выражения извинения не зафиксированы в собранном материале, но занесены в толковый словарь (DDO) и встречаются в KorpusDK, хотя и в довольно малочисленном количестве. Среди них устаревшее *om forladelse* 'прошу прощения', характерное для детской речи *bebe* (от глагола *bede* 'просить'), устойчивое выражение *godt ord igen* (рус. 'ну что — мир?') и шутивно-ироничные *du må meget pardon* (рус. 'вы уж меня пардоньте') и *klebager* (вместо *beklager*).

Публичные извинения

В датском публичном пространстве все чаще звучат извинения со стороны политиков и других известных личностей, а в 2013 г. *undskyld* стало в связи с этим словом года. Насколько публичные извинения можно считать искренними, вопрос довольно спорный, ведь у них есть свои мотивы и политические цели. В этой связи любопытна критика бывшего премьер-министра Л. Лёкке Расмуссена, который неоднократно извинялся в 2013 г. за слишком дорогие авиаперелеты. Критика основывалась на использовании Расмуссеном формул *jeg er ked af, jeg beklager*, которые были восприняты как формальные извинения, не предполагающие признания своей вины. Как выразилась специалист по риторике из Копенгагенского университета, «Расмуссен сожалел 45 раз, но ни разу не сказал "извините"» (Nielsen 2013). Со времен другого премьер-министра П. Нюрупа Расмуссена публичные извинения стали использоваться политиками как стратегия для завершения неприятной дискуссии во избежание появления новых нелицеприятных подробностей, которые могут обнаружить журналисты.

Особый феномен представляют официальные извинения государства — в новейшей истории Дании их было три (Brandt, Eller 2019):

1) В 1999 г. П. Нюруп Расмуссен в совместном заявлении с премьер-министром Гренландии Й. Мотцфелдтом принес извинения за насильственное переселение жителей г. Туле в Гренландии из-за строительства американской военной базы:

I Rigsfællesskabets ånd og med respekt for Grønland og Thules befolkning, vil regeringen på den danske stats vegne overbringe en undskyldning — utoqqatserpugut — til Inughuit, Thules befolkning og til hele Grønland for den måde, hvorpå beslutningen om flytningen blev truffet og gennemført i 1953 [«В соответствии с принципами Соединенного Королевства и из уважения к населению Гренландии и Туле правительство от имени датского государства приносит извинения — *utoqqatserpugut* — инуитам, населению Туле и всей Гренландии за то, как было принято и реализовано решение о переселении в 1953 г.»].

2) В 2005 г. премьер-министр А. Фог Расмуссен извинялся за отказ принимать немецких беженцев во время оккупации 1940–1945 гг.

Jeg vil derfor gerne <...> på regeringens og dermed den danske stats vegne beklage og undskyldte disse handlinger [«Поэтому я хотел бы <...> от имени правительства и датского государства выразить сожаление и извиниться за эти действия»].

3) В 2019 г. премьер-министр М. Фредериксен извинялась перед воспитанниками детского дома «Годхавн», которые в 1960-е гг. подвергались унижениям и насилию.

På vegne af vores fortid, vores nutid og vores fælles fremtid — vil jeg se jer i øjnene, hver og en, og sige jer undskyld for den uret, der er gjort imod jer og jeres kære. For dem, der er her, for dem, der var, og for dem, der også følger efter. På vegne af Danmark, undskyld [«От имени нашего прошлого, настоящего и общего будущего — я хочу взглянуть вам всем в глаза и попросить прощение за ту несправедливость, которая была совершена по отношению к вам и вашим близким. [Простите] те, кто здесь, кто ушел и кто придет. От имени Дании — простите»].

В указанных примерах выбор формул извинения зависит от цели и жанра публичного извинения. В первом случае оно носит характер сатисфакции, сформулировано в письменном виде с использованием формального выражения *overbringe en undskyldning* и преследует целью поставить точку в судебном процессе, начатом

жертвами насильственного переселения против датского государства. Во втором случае извинения произнесены в устной форме на церемонии в Мемориальном парке в Копенгагене, где не присутствовал никто из беженцев или их родственников. Таким образом, само извинение предназначалось не столько указанной группе людей, сколько всему датскому населению. В контексте участия Дании в иракской войне данное заявление было использовано Фогом Расмуссеном в качестве стратегии убеждения в необходимости морального выбора (Schirrer, Jensen, Segal, Jønsson 2019, 10). Само извинение сформулировано с использованием глаголов *beklage* и *undskyld* и носит формальный характер. В третьем случае М. Фредериксен произносила прочувствованную речь в своей резиденции Мариенборг в присутствии людей, кому эта речь предназначалась. За счет использования *undskyld* и *sige undskyld*, а также риторического приема градации данное извинение выглядит наиболее искренним.

В последнее время в датском публичном пространстве было произнесено множество других извинений. В 2019 г. Датский банк (Danske Bank) извинялся перед клиентами за обнаруженное отмывание денег:

Vi forstår spørgsmålstegnet ved vores troværdighed. Vi forstår vreden, og vi forstår, at vi bliver nødt til at forklare os og sige undskyld rigtigt højt til den almene befolkning [«Мы понимаем, что доверие к нам теперь под вопросом. Мы понимаем гнев и отдаем себе отчет в том, что необходимо дать разъяснения и во всеуслышание извиниться перед гражданами»] (Singh Kailay, Olsen 2019).

В 2020 г. Данию накрыла вторая волна движения #MeToo, многие политики приносили извинения оскорбленным женщинам, а некоторые вынуждены были уйти с занимаемых постов.

Например, министр иностранных дел Й. Коффод извинялся за сексуальную связь в 2008 г. с несовершеннолетней:

Det er en sag, jeg har fortrudt så mange gange. Jeg fortrod den dengang og tog det fulde ansvar. Jeg ved godt, det ikke er nok at undskyld. Jeg ville ønske, at jeg kunne lave det om. Det eneste, jeg kan gøre, er at angre [«Я сожалел о случившемся много раз. Сожалел тогда и взял на себя всю ответственность. Я знаю, что извинений недостаточно. Я хотел бы иметь возможность все исправить. Единственное, что могу сделать сейчас, — это раскаяться»] (Ritzau 2020).

Глава социал-либеральной партии (Det Radikale Venstre) М. Эстергор также приносил извинения за сексуальные домогательства во время вечеринок на своей странице в Facebook:

Jeg undskylder til de pågældende, hvilket jeg aldrig har haft lejlighed til. Jeg beder om, at man respekterer deres ret til privatliv og fortrolighed.

Jeg undskylder overfor mine kolleger og mit parti <...> Og jeg beklager dybt, at jeg har svigtet tilliden hos mange mennesker [«Я приношу извинения тем, перед кем не имел возможности извиниться. Я прошу уважать их право на частную жизнь и конфиденциальность. Я приношу извинения своим коллегам и своей партии. <...> И мне очень жаль, что я не оправдал доверие многих людей»] (Cordes 2020).

Мэр Копенгагена Ф. Йенсен также приносил извинения в Facebook по схожему поводу:

Jeg skriver til jer for at sige, at jeg er forførdelig ked af, at der har været episoder, hvor kvinder har følt sig krænket af min opførsel. Det vil jeg først og fremmest sige undskyld for [«Я пишу вам, чтобы сказать, насколько мне жаль, что были случаи, когда мое поведение наносило оскорбление женщинам. В первую очередь я хочу за это извиниться»] (Ritzau 2020).

В указанных письменных публичных извинениях, в которых используются такие риторические приемы, как анафора и повторы, присутствует тот же набор формул, что и в собранном материале. В отличие от извинений от имени государства, указанные извинения в большей мере нацелены на убеждение в своей искренности для восстановления утраченного доверия и репутации. В языковом плане интересно использование М. Эстергором глагола *undskyld* в значении не «извинять, прощать», а «извиняться», что является довольно новой тенденцией в датском языке (Lund 2008, 2–3).

Выводы

Извинения обусловлены культурно-специфическими особенностями и играют большую роль в коммуникативном взаимодействии людей любой общности. Для датчан, ценящих ответственность, равенство и прямоту, самым искренним словом для признания своей вины и принятия ответственности за проступок является слово *undskyld* или выражения с однокоренным глаголом. Характерное для датского менталитета избегание конфликтов и стремле-

ние к консенсусу приводит к тому, что датчане в основном не скупаются на извинения. Самой распространенной формулой является *undskyld*, которая используется в метаязыковых извинениях, конвенциональных извинениях и извинениях по существу. Конвенциональные извинения свидетельствуют о принятых в обществе этикетных нормах поведения. Извинения по существу могут сопровождаться объяснениями и оправданиями, которые способствуют снятию вины с говорящего. Выражения *jeg er ked af, jeg beklager* часто используются в официальной обстановке, письменной коммуникации и пуб-

личных извинениях в качестве стратегии дистанцирования. В публичных извинениях от имени государства важную роль играет тип общения (массовое, публичное, групповое) и политические цели, которые обуславливают коммуникативные стратегии. Публичные извинения со стороны известных личностей и организаций в большей мере нацелены на убеждение в их искренности для восстановления утраченного доверия и репутации. Они построены с использованием особых риторических приемов, а также формул извинения, которые характерны для разговорной речи.

Список сокращений

РА — речевой акт
DDO — Den Danske Ordbog
ODT — Ordbog over Dansk Talesprog
Arv. — Arvingerne
P. — Planen
s. — sæson (сезон)
a. — afsnit (серия)
Jul. — Julestjerner
R. — Rejseholdet
Kl. — Klassen
L. — Lykke
KM — Kastanjemanden

Литература

- Бут, М. (2017) *Почти идеальные люди: Вся правда о жизни в «Скандинавском раю»*. М.: Э, 512 с.
- Гурова, Е. А. (2020) Способы выражения вежливости в побудительных речевых актах датского языка. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, № 5 (834), с. 69–83.
- Ларина, Т. В. (2009) *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 512 с.
- Плетнева, Е. А. (2007) Извинение как социокультурно обусловленный коммуникативный феномен. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2-2, с. 19–25.
- Ратмайр, Р. (2003) *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*. М.: Языки славянской культуры, 272 с.
- Серль, Дж. Р. (1986) Классификация иллокутивных актов. *Новое в зарубежной лингвистике*, № 17, с. 170–194.
- Andersen, B. (2014) *Høflighed uden grænser: Om du & De og den måde vi behandler hinanden på*. Copenhagen: LIVA Forlag, 423 p.
- Austin, J. L. (1975) *How to do things with words*. Cambridge: Harvard University Press, 192 p.
- Avakova, Yu. (2020) The dark side of Danish hygge: Neologisms hyggeracisme и hyggesexisme, their meaning and translation options. *Scandinavian Philology*, vol. 18, no. 1, pp. 5–20. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2020.101>
- Awedyk, W. (2011) On apologizing in Norwegian. *Folia Scandinavica Posnaniensia*, vol. 13, pp. 50–62.
- Blum-Kulka, S., Olshtain, E. (1984) Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns. *Applied Linguistics*, vol. 5, no. 3, pp. 196–213. <https://doi.org/10.1093/applin/5.3.196>
- Knudsen, A. (1998) *Her går det godt, send flere penge*. Copenhagen: Gyldendal Forlag, 135 p.
- Leech, G. N. (1983) *Principles of pragmatics*. London; New York: Longman Publ., 250 p.
- Levisen, C., Waters, S. (2015) Lige, a Danish “magic word”? An ethnopragmatic analysis. *International Journal of Language and Culture*, vol. 2, no. 2, pp. 244–268. <https://doi.org/10.1075/ijolc.2.2.05lev>
- Lund, J. (2016) *Hvor går gransen? 55 statusopdateringer om det danske sprogs rummelighed*. Copenhagen: Gads Forlag, 231 p.
- Lund, J. (2008) *Sprogligheder. Mål og mæle*, no. 31 (2), pp. 2–3.

- Ogiermann, E. (2009) *On apologising in negative and positive politeness cultures*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 296 p.
- Schirrer, A. K., Jensen, S. G., Segal, L. B., Jønsson, A. B. R. (2019) Undskyld. *Tidsskriftet Antropologi*, vol. 80, pp. 3–24.
- Shardakova, M. (2005) Intercultural pragmatics in the speech of American L2 learners of Russian: Apologies offered by Americans in Russian. *Intercultural Pragmatics*, vol. 2, pp. 423–451. <http://dx.doi.org/10.1515/iprg.2005.2.4.423>
- Trosborg, A. (1987) Apology strategies in natives/non-natives. *Journal of Pragmatics*, vol. 11, pp. 147–167.

Sources

- Arvingerne [The legacy]*. (2014–2017) Directed by H. M. Faisst, J. Christensen, P. August et al. [TV Series]. Denmark: Danmarks Radio. (In Danish)
- Brandt, F., Eller, E. (2019) OVERBLIK Her er de officielle danske undskyldninger — og dem, der ikke blev givet [OVERVIEW Official Danish apologies as well as those not given]. *DR*, 13 August. [Online]. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/indland/overblik-her-er-de-officielle-danske-undskyldninger-og-dem-der-ikke-blev-givet> (accessed 21.02.2021). (In Danish)
- Cordes, T. (2020) Morten Østergaard: Jeg har krænket flere og »har festet på en måde, som ikke tilkommer nogen med ansvar« [Morten Østergaard: I have offended several and “have partied in a way that was not appropriate to anyone with responsibility”]. *Berlingske*, 9 October. [Online]. Available at: <https://www.berlingske.dk/www.berlingske.dk/morten-oestergaard-jeg-har-kraenket-flere-og-har-festet-paa-en> (accessed 21.02.2021). (In Danish)
- Julestjerner [Christmas stars]*. (2012) Directed by S. Rasmussen, M. Wikke. [TV Series]. Denmark: Danmarks Radio. (In Danish)
- Klassen [The class]*. (2016–2019) Directed by M. N. Andreassen, M. B. Halvorsen, L. K. Nielsen et al. [TV Series]. Denmark: STV Production. (In Danish)
- Lykke [Happy life]*. (2011–2012) Directed by K. Gaardsøe, J. W. Nielsen. [TV Series]. Denmark: Danmarks Radio. (In Danish)
- Nielsen, N. (2013) Forsker: Løkke beklagede 45 gange, men sagde aldrig undskyld [Researcher: Løkke apologizes 45 times, but never says “sorry”]. *DR*, 21 October. [Online]. Available at: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/forsker-loekke-beklagede-45-gange-men-sagde-aldrig-undskyld> (accessed 21.02.2021). (In Danish)
- Pape, M. (2015) *Planen [The plan]*. Copenhagen: Politikens Forlag, 565 p. (In Danish)
- Rejseholdet [Unit one]*. (2000–2004) Directed by J. Faurschou, Ch. Sieling, M. Schmidt. [TV Series]. Denmark: Danmarks Radio. (In Danish)
- Ritzau. (2020) Frank Jensen undskylder krænkelser: Jeg var del af usund kultur [Frank Jensen apologizes for violations: I was a part of unhealthy culture]. *Berlingske*, 16 October. [Online]. Available at: <https://www.berlingske.dk/politik/frank-jensen-undskylder-kraenkelser-jeg-var-del-af-usund-kultur> (accessed 21.02.2021). (In Danish)
- Ritzau. (2020) Jeppe Kofod: UNDSKYLD [Jeppe Kofod: SORRY]. *Avisen.dk*, 17 September. [Online]. Available at: https://www.avisen.dk/jeppe-kofod-undskylder-for-sexsag-fra-2008_615329.aspx (accessed 21.02.2021). (In Danish)
- Singh Kailay, S., Olsen, S. M. (2019) Danske Bank siger undskyld for hvidvasksagen — men bankforretningen er ikke ramt [Danske Bank apologizes for money laundering case — the banking business not affected]. *Berlingske*, 1 February. [Online]. Available at: <https://www.berlingske.dk/virksomheder/danske-bank-siger-undskyld-for-hvidvasksagen-men-bankforretningen-er> (accessed 21.02.2021). (In Danish)
- Svejstrup, S. (2018) *Kastanjemanden [The chestnut man]*. Copenhagen: Politikens Forlag, 528 p. (In Danish)

Dictionaries and reference literature

- Den Danske Ordbog [The Danish Dictionary]*. [Online]. Available at: <https://ordnet.dk/ddo> (accessed 22.01.2021). (In Danish)
- Ordbog over Dansk Talesprog [Dictionary of Danish Spoken Language]. *Københavns Universitet [University of Copenhagen]*. [Online]. Available at: <https://odt.hum.ku.dk/form/undskyld/> (accessed 22.01.2021). (In Danish)
- KorpusDK*. [Online]. Available at: <https://ordnet.dk/korpusdk> (accessed 23.01.2021). (In Danish)

References

- Andersen, B. (2014) *Høflighed uden grænser: Om du & De og den måde vi behandler hinanden på [Politeness without limits — about “du & De” and the way we are treating each other]*. Copenhagen: LIVA Forlag, 423 p. (In Danish)
- Austin, J. L. (1975) *How to do things with words*. Cambridge: Harvard University Press, 192 p. (In English)
- Avakova, Yu. (2020) The dark side of Danish hygge: Neologisms hyggeracisme и hyggesexisme, their meaning and translation options. *Scandinavian Philology*, vol. 18, no. 1, pp. 5–20. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2020.101> (In English)
- Awedyk, W. (2011) On apologizing in Norwegian. *Folia Scandinavica Posnaniensia*, vol. 13, pp. 50–62. (In English)

- Blum-Kulka, S., Olshtain, E. (1984) Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns. *Applied Linguistics*, vol. 5, no. 3, pp. 196–213. <https://doi.org/10.1093/applin/5.3.196> (In English)
- Booth, M. (2017) *The almost nearly perfect people*. Moscow: E Publ., 512 p. (In Russian)
- Gurova, E. A. (2020) Sposoby vyrazheniya vezhливosti v pobuditel'nykh rechevykh aktakh datskogo yazyka [Politeness strategies in Danish directives and requests]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki — Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 5 (834), pp. 69–83. (In Russian)
- Knudsen, A. (1998) *Her går det godt, send flere penge* [All is well here, send more money]. Copenhagen: Gyldendal Forlag, 135 p. (In Danish)
- Larina, T. V. (2009) *Kategoriya vezhливosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsij* [The category of politeness and the communication style: Juxtaposition of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 512 p. (In Russian)
- Leech, G. N. (1983) *Principles of pragmatics*. London; New York: Longman Publ., 250 p. (In English)
- Levisen, C., Waters, S. (2015) Lige, a Danish “magic word”? An ethnopragmatic analysis. *International Journal of Language and Culture*, vol. 2, no. 2, pp. 244–268. <https://doi.org/10.1075/ijolc.2.2.05lev> (In English)
- Lund, J. (2016) *Hvor går gransen? 55 statusopdateringer om det danske sprogs rummelighed* [Where is the limit? 55 status updates on the inclusiveness of the Danish language]. Copenhagen: Gads Forlag, 231 p. (In Danish)
- Lund, J. (2008) *Sprogligheder* [Language questions]. *Mål og mæle*, no. 31 (2), pp. 2–3. (In Danish)
- Ogiermann, E. (2009) *On apologising in negative and positive politeness cultures*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 296 p. (In English)
- Pletneva, E. A. (2007) Izvinenie kak sotsiokul'turno obuslovlennyj kommunikativnyj fenomen [Apology as a socio-culturally defined communicative phenomenon]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya — Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2-2, pp. 19–25. (In Russian)
- Rathmayr, R. (2003) *Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichen de Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 272 p. (In Russian)
- Schirrer, A. K., Jensen, S. G., Segal, L. B., Jønsson, A. B. R. (2019) Undskyld [Sorry]. *Tidsskriftet Antropologi*, vol. 80, pp. 3–24. (In Danish)
- Searle, J. R. (1986) A taxonomy of illocutionary acts. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, no. 17, pp. 170–194. (In Russian)
- Shardakova, M. (2005) Intercultural pragmatics in the speech of American L2 learners of Russian: Apologies offered by Americans in Russian. *Intercultural Pragmatics*, vol. 2, pp. 423–451. <http://dx.doi.org/10.1515/iprg.2005.2.4.423> (In English)
- Trosborg, A. (1987) Apology strategies in natives/non-natives. *Journal of Pragmatics*, vol. 11, pp. 147–167. (In English)

Шведские связующие наречия, выражающие причинно-следственные отношения, и их роль в смысловой организации текста

Е. А. Жильцова^{✉1}

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Сведения об авторе

Елена Леонидовна Жильцова,
SPIN-код: 5549-2293,
e-mail: el-zhilc@yandex.ru

Для цитирования:

Жильцова, Е. А.
(2021) Шведские связующие
наречия, выражающие причинно-
следственные отношения, и их
роль в смысловой организации
текста. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 1, с. 18–26.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-18-26>

Получена 18 января 2021; прошла
рецензирование 17 февраля 2021;
принята 17 февраля 2021.

Права: © Автор (2021).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье на материале произведений современной шведской художественной литературы и корпуса шведского языка рассматриваются семантика и текстообразующие функции наречий, выражающих причинно-следственные отношения, в шведском языке. В шведской грамматике они относятся к категории связующих наречий, которые, наряду с союзами, обеспечивают логическую, смысловую и коммуникативную целостность текста, его когерентность. Такие наречия, будучи по своей природе коннекторами, указывают на причинно-следственную связь как отдельных предложений в тексте, так и целых его фрагментов.

Наречия следствия *alltså*, *följaktligen*, *således*, *sålunda* представляют высказывание, в котором употребляются, как заключение, сделанное на основе полученной ранее информации. Среди них особо выделяется наречие *alltså*, которое может использоваться для связи отдельных частей текста, расположенных не только контактно, но и дистантно, и соотносить таким образом высказывание не с ближайшим, а с весьма отдаленным предыдущим контекстом. В последнем случае высказывание, в котором используется *alltså*, часто обобщает информацию, представленную в предшествующем контексте. В коммуникативном плане роль наречия *alltså* обычно заключается в том, чтобы вернуть собеседника к ранее затронутой теме либо чтобы, подведя итог всему сказанному выше, лучше донести до него содержание информации. Занимая позицию в абсолютном конце предложения, *alltså*, помимо связующей, приобретает еще и усилительную функцию.

Поясняющее наречие *nämligen* употребляется в предложениях, обозначающих причину возникновения ситуации, описанной в предшествующем высказывании, которое по отношению к предложению с *nämligen* всегда располагается исключительно в контактной позиции. На русский язык данное наречие переводится чаще всего посредством подчинительных союзов причины.

Анализ показал, что связующие наречия в шведском языке выражают более широкий спектр причинно-следственных отношений, чем союзы. В отличие от последних, они могут объединять по смыслу не только отдельные предложения, но и более развернутые фрагменты текста, в том числе расположенные дистантно по отношению друг к другу. Данные наречия являются, таким образом, одним из важнейших средств, обеспечивающих логическую связность и смысловую спаянность текста.

Ключевые слова: шведский язык, когерентность текста, коннекторы, связующие наречия, причинно-следственные отношения.

Swedish linking adverbs, expressing causality, and their role in the semantic organization of the text

E. L. Zhiltsova✉¹

¹ Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskije Gory, Moscow 119991, Russia

Author

Elena L. Zhiltsova,
SPIN: 5549-2293,
e-mail: el-zhilc@yandex.ru

For citation:

Zhiltsova, E. L.
(2021) Swedish linking adverbs,
expressing causality, and their role
in the semantic organization of the
text. *Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 18–26.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-18-26>

Received 18 January 2021;
reviewed 17 February 2021;
accepted 17 February 2021.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](#).

Abstract. The article reviews the semantics and text-forming functionality of adverbs expressing causality in the Swedish language based on the material of the works of contemporary Swedish literature and Swedish language corpus. In the Swedish grammar they are categorised as connective adverbs which yield logical, semantic, and communicative cohesion and coherence of the text along with conjunctions. Such adverbs show causation between distinct sentences in a text as well as between whole fragments of the text.

The adverbs describing consequences *alltså*, *följaktligen*, *således*, *sålunda* are used in an utterance to express a conclusion based on previously received information. The adverb *alltså* especially stands out among them since it can not only connect adjacent parts of the text, but distant ones as well, and connect the new utterance with a distant previous context. In the area of communication, the role of the adverb *alltså* is frequently to return the interlocutor to a previously mentioned topic or to summarise the information and deliver it to the interlocutor in a better optimised way. In case of being in the absolute final position in the sentence, *alltså* also receives the intensifying function along with the connective one.

The explanatory adverb *nämligen* is used in sentences to describe the cause of the situation which was described in a previous sentence which can only be adjacent to the sentence where the adverb *nämligen* is used.

The analysis has shown that the connective adverbs in the Swedish language express a wider range of causality than conjunctions. In contrast to conjunctions, they can connect in meaning not only separate sentences, but also larger fragments of text, including ones which are distant from each other. The given adverbs are, as a result, one of the most important means which yield logical cohesion and semantic coherence of the text.

Keywords: the Swedish language, text coherence, connectors, linking adverbs, causality.

Введение

В шведском языке логическая и смысловая связность, или когерентность (Andersson 1978, 127; Enkvist 1978, 101), текста обеспечивается большим арсеналом средств, носящих общее название «коннекторы». Наряду с союзами, которые, являясь наиболее естественными коннекторами текста, обеспечивают его структурную, смысловую и коммуникативную целостность (Леушева 2001, 333), это могут быть местоименные наречия, анафорически указывающие на предшествующее высказывание, а также целый ряд наречий, выражающих модальные, противительные, уступительные или причинно-следственные отношения (Леушева 2001, 334). Последние носят в шведской грамматике название связующих (*konjunktionella*) и играют в предложении роль фразовых обстоятельств (*satsadverbial*) (Teleman, Hellberg, Andersson 1999, 122), указывая на смысловую соотнесенность как

отдельных предложений, так и целых фрагментов текста.

Функционально многие из таких наречий близки сочинительным союзам, и даже их классификации основаны на одних и тех же принципах, что обусловлено идентичностью выражаемых ими логических связей. Поэтому шведские связующие наречия, как и сочинительные союзы, подразделяются на присоединительные, противительные, разделительные, поясняющие и следствия (Teleman, Hellberg, Andersson 1999, 122–123).

Однако в синтаксическом плане между союзами и наречиями имеется существенное различие: последние, в отличие от союзов, могут стоять не только в начале предложения или его части, но и в его середине после финитной формы глагола, в позиции, характерной для фразовых обстоятельств, либо в конце предложения. Когда же такие наречия помещаются в начало предложения, то они в абсолютном большинстве

случаев вызывают инверсию, которой после союзов по правилам шведской грамматики никогда не бывает.

Связующие наречия в шведском языке многочисленны. В «Шведской академической грамматике» их насчитывается более 90 (Teleman, Hellberg, Andersson 1999, 122–150). В настоящей статье на материале произведений современной шведской художественной литературы и корпуса шведского языка (Språkbanken Text) будут рассмотрены семантика, а также текстообразующие и коммуникативные функции наречий, посредством которых устанавливаются причинно-следственные отношения между ситуациями, описываемыми в отдельных предложениях или в более крупных фрагментах текста. Это наречия следствия и единственное в шведском языке поясняющее наречие *nämligen*.

Наречия следствия *följaktligen, således, sålunda*

Наречия следствия, такие как *följaktligen* ‘следовательно, поэтому’, *således* ‘таким образом, итак’, *sålunda* ‘так, таким образом’, представляют высказывание, в котором они употребляются, как заключение, сделанное на основе полученной ранее информации.

Предложения с этими наречиями могут обозначать следствие ситуации, описанной в предыдущем высказывании. Такое высказывание может представлять собой одно предложение (1) или быть более развернутым и содержать несколько предложений, объединенных в абзац (2):

(1) *Jag hade tingat Arne Olsson att frakta oss med sin minibuss till Malmö och invänta oss framemot kvällningen. Vi anlände sålunda till Skeppsbron i god tid.* [«Я нанял Арне Ульссона, чтобы он отвез нас на своем микроавтобусе в Мальмё и подождал нас до вечера. Таким образом, мы прибыли в Шеппсбрун сильно заранее»; здесь и далее перевод наш. — Е. Ж.] (Lundgren 1996).

(2) *På morgonen hade han också fått en inbjudan att fira jul med Erika och hennes man i Saltsjöbaden. Han hade tackat nej i förvisningen om att det måste finnas en gräns för Greger Beckmans välvilliga inställning till triangeldramer och han hade ingen önskan att utröna var den gränsen gick.*

Följaktligen *knackade han istället på hos sin syster Annika Blomkvist, gift Giannini.*

[«Утром он также получил приглашение отпраздновать рождество с Эрикой и ее мужем в Сальтшёбаден. Он отказался, понимая, что должен существовать предел доброжелательному отношению Грегера Бекмана к любовным треугольникам, и у него не было желания выяснять, где проходил этот предел.

Поэтому он попросился на праздник к своей сестре Аннике Блумквист, в замужестве Джаннини»] (Larsson 2005).

Предложения с данными наречиями могут также содержать вывод, который делается на основе информации, представленной в том же предложении:

(3) *Mikael Blomkvist är född den 18 januari 1960 och är **följaktligen** fyrtyotretre år.* [«Микаэль Блумквист родился 18 января 1960 года, и, следовательно, ему сорок три года»].

Однако чаще информация, на основе которой делается вывод, содержится в предшествующем высказывании, которое может либо представлять собой одно предложение (4), либо быть более развернутым (5):

(4) *Milton Security hade 380 heltidsanställda medarbetare och ytterligare drygt 300 pålitliga frilansare, som arvoderades efter behov. Det var **följaktligen** ett litet företag i jämförelse med Falck och Svensk Bevakningstjänst.* [«На “Милтон Секьюрити” работало 380 постоянных сотрудников и еще больше 300 надежных фрилансеров, которых нанимали при необходимости. Это было, **таким образом**, небольшое предприятие по сравнению с Фальком и Шведской службой наблюдения»] (Larsson 2005).

(5) *Var kunde man skära? Inte på annonsavdelningen, det var helt uteslutet. ... Upplageanalytikerna och distributörerna kunde inte heller röras. Tekniken var redan färdigslimmad.*

Således *återstod redaktionen och administrationen.*

[«Где можно было сократить?

Не в отделе объявлений, это было совершенно исключено... Аналитиков изданий и распространителей тоже нельзя было трогать. Технический персонал был уже полностью урезан.

Следовательно, оставались редакция и администрация»] (Marklund 2010).

Наречие следствия *alltså*

Среди наречий следствия особое место занимает наречие *alltså* ‘таким образом, итак, следовательно’. Предложения с ним, как и с рассмотренными выше наречиями, могут указывать на следствие ситуации, описанной в предшествующем контексте:

(6) *Att avbryta insatser stred mot alla mina erfarenheter och instinkter. Det var mycket nära att jag vägrade lyda order. Då hade min militära bana varit över. Men nånstans hade jag lite förnuft kvar. Vi flyttade alltså våra helikoptrar och två utfartyg till Danziger Gatt.* [«Прервать операцию — это противоречило всему моему опыту и инстинктам. Я чуть было не отказался выполнить приказ. Тогда бы моя военная карьера завершилась. Но у меня все же оставалось немного здравого смысла. **Так что** мы перебазировали наши вертолеты и два корабля в Данцигский фарватер»] (Mankell 2009).

Они могут также содержать вывод, сделанный на основе фактов, описанных в предыдущем высказывании:

(7) *Samma ordning, gamla skolbetyg, intyg, ett flygcertifikat. I mars 1958 fick Håkan von Enke behörighet att framföra enmotoriga plan, examen avlagd på Bromma flygplats. Han levde alltså inte bara nere i djupet, tänkte Wallander. Han härmade inte bara fisken utan även fågeln.* [«Такой же порядок, старые школьные аттестаты, свидетельства, летное удостоверение. В марте 1958 года Хокан фон Энке получил право управлять одномоторными самолетами, сдав экзамен в аэропорту Брома. — **Значит**, он жил не только на глубине, — подумал Валландер. — Он подражал не только рыбам, но и птицам»] (Mankell 2009).

Нередко *alltså* употребляется в диалогической речи, в вопросах, которые, однако, имеют структуру повествовательного предложения. На то, что это вопрос, в устной речи указывает интонация, обозначаемая в письменном тексте пунктуационно или лексически. Такой вопрос обычно содержит вывод, который делает говорящий на основе предшествующих высказываний собеседника. При этом говорящий в большей или меньшей степени сомневается в своем выводе и своим вопросом как бы стимулирует собеседника его подтвердить:

(8) *"Rapporten är på 193 sidor men drygt 120 av dessa är faktiskt bara kopior på artiklar han skrivit eller pressklipp där han själv fungerat i nyheterna. Blomkvist är en offentlig person med få hemligheter och inte särskilt mycket att dölja." "Men han har alltså hemligheter", frågade Frode. "Alla människor har hemligheter", svarade hon neutralt. "Det handlar bara om att lista ut vilka de är".*

[«— В докладе 193 страницы, но больше 120 из них на самом деле просто копии его статей или выдержки из прессы, когда он сам фигурировал в новостях. Блумквист — человек публичный, у него немного секретов и ему особо нечего скрывать. — Но, **значит**, у него есть секреты, — **спросил** Фроде. — У всех людей есть секреты, — спокойно ответила она. — Нужно только понять, какие»] (Larsson 2005).

(9) — *Du har inte avlossat skott, sa Holmberg. Du har glömt ditt tjänstevapen när du varit på krog i berusat tillstånd. Det är grovt, men du har inte begått någon egentlig brottslig handling. Du har inte misshandlat någon, inte tagit emot mutor, inte trakasserat någon.*

— *Jag blir alltså inte avskedad?*

— *Knappast. Men det är inte jag som avgör.*

[«— Вы не открыли огонь, — сказал Хольмберг. — Вы забыли свое служебное оружие в баре в состоянии алкогольного опьянения. Это серьезное нарушение, но вы не совершили никакого действительно преступного деяния. Вы никого не избили, не брали взяток, никого не домогались. — **Значит**, меня не уволят? — Вряд ли. Но это не мне решать»] (Mankell 2009).

На вопросительный характер реплик с наречием *alltså* в данных примерах указывают глагол *fråga* (8) и вопросительный знак (9).

Вывод может быть более определенным, и говорящий его делает, не прося подтверждения. Вопрос при этом становится риторическим:

(10) — *Jag erbjuder dig att träffa Julia och höra efter hur hon mår. Om du finner det lämpligt kan du ju alltid fråga henne om den andra kvinnan och vad som hände i lägenheten igår morse.*

— *Jag ska alltså genomföra någon form av förhör utan att det är någon försvarare närvarande? sa Nina. Det är ju oetiskt!*

[«— Я предлагаю вам встретиться с Юлией и узнать, как она себя чувствует. Если вы сочтете это уместным, вы всегда сможете спросить ее о второй женщине и о том, что произошло в квартире вчера утром. — Я, **значит**, должна провести что-то вроде допроса без

присутствия адвоката? — сказала Нина. Это же неэтично!»] (Marklund 2010).

В отдельных случаях вывод делается не на основании чего-то сказанного другим лицом, а на основе его поведения:

(11) *Linda följde honom ut på gården, fram mot grinden, när de hade ringt efter taxin. Hon höll honom under armen och lutade huvudet mot hans axel. Det gjorde hon bara när hon var nöjd med honom.*

— *Jag skötte mig **alltså** bra, sa Wallander.*

— *Du var bättre än nånsin. Du kan ju om du bara vill.*

[«Когда они вызвали такси, Линда проводила его во двор, до калитки. Она взяла его под руку и склонила голову ему на плечо. Так она делала, только когда была им довольна. — **Значит**, я хорошо себя вел, — сказал Валландер. — Ты был лучше, чем когда-либо. Ты ведь можешь, когда захочешь»] (Mankell 2009).

В отличие от других связующих наречий следствия, *alltså* может использоваться в качестве коннектора для связи отдельных частей текста, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии (Гальперин 2007, 73–74), т. е. расположенных дистантно, соотнося таким образом высказывание не с ближайшим, а с весьма отдаленным предыдущим контекстом.

Это происходит, во-первых, когда говорящий хочет вернуть собеседника к теме, которую он затронул ранее, но от которой по тем или иным причинам уклонился. Так, в романе Стига Ларсона «Девушка с татуировкой дракона» героиня рассказывает о семье Микаэля Блумквиста:

(12) — *Familjen flyttade till Stockholm när Mikael började skolan.* [«— Семья переехала в Стокгольм, когда Микаэль пошел в школу»].

Затем следует достаточно большой отрывок текста, в котором описывается, как героиня ставит чайник и достает чашки. Собеседник спрашивает:

— *Tänker du servera kaffet?* [«Ты собираешься налить кофе?»].

И после того, как героиня отвечает утвердительно и разливает кофе, она продолжает прерванный рассказ, с помощью наречия *alltså* отсылая собеседника к тому, на чем она его закончила:

— *1966 flyttade **alltså** familjen till Stockholm. De bodde på Lilla Essingen.* [«**Итак**, в 1966 году семья переехала в Стокгольм. Они жили на Лилла Эссинген»] (Larsson 2005).

Во-вторых, это может происходить в том случае, когда говорящий повторяет то, что сказал раньше, с целью обобщить информацию и лучше донести ее до собеседника. В таких высказываниях, помимо собственно связующей, *alltså* приобретает еще и усилительную функцию.

В романе Лизы Марклунд «Пожизненный срок» героиня, у которой вместе с домом сгорели все документы и наличные деньги, приходит в банк, где у нее открыт счет, с просьбой выдать ей немного денег без документов и объясняет ситуацию:

(13) — *Jag har ett problem... Mitt hus har brunnit ner. Jag har inget id-kort och inga bankkort, eftersom jag inte fick med mig någonting ut ur huset. Det är därför jag måste ta ut pengar på det här sättet. Jag hoppas det går bra.* [«— У меня проблема... Мой дом сгорел. У меня нет ни удостоверения личности, ни банковских карт, так как я ничего не смогла вынести из дома. Именно поэтому мне нужно снять деньги таким способом. Надеюсь, это возможно»].

В ответ на это банковский служащий довольно долго и пространно объясняет, что не имеет права выдать клиенту деньги без удостоверения личности. Выслушав это, героиня вновь пытается донести информацию до собеседника, в обобщенном виде повторяя свой рассказ и усиливая это обобщение посредством наречия:

Annika nickade bekräftande.

— *Jo, sa hon, jag förstår det. Men jag har **alltså** inga identitetshandlingar, eftersom alltsammans brann upp, och jag har inga pengar heller, det är därför jag behöver ta ut lite nu.*

[«Анника понимающе кивнула.

— Да, — сказала она, — Я понимаю. Но у меня **ведь** нет документов, удостоверяющих личность, потому что все сгорело, и денег у меня нет, поэтому-то мне и нужно снять немного прямо сейчас»] (Marklund 2010).

Наконец, говорящий может употребить *alltså* при повторе своего ранее сделанного высказывания с целью подвести итог тому, что было сказано выше. В романе Стига Ларсона главная героиня Лисбет Саландер рассказывает своему шефу об одном из его нерадивых подчиненных:

(14) "Du har en gubbe som ägnat tre veckor åt **att skriva en fullständigt värdelös rapport** om den där yuppien som de tänker rekrytera som styrelseordförande för det där dot.com.företaget". [«— У вас есть мужик, который потратил три недели на то, чтобы **написать абсолютно бесполезный отчет** о том молодом карьеристе, которого они хотят назначить на должность председателя правления предприятия dot.com»].

Затем Лисбет подробно рассказывает, почему, по ее мнению, отчет плох, и делает вывод, что сотрудник не выяснил о кандидате на должность никакой необходимой информации, обобщая это в своей заключительной реплике:

"Men poängen är **alltså** att ditt skämt till privatdeckare **har gjort en helt värdelös personundersökning**" [«— Но смысл, **следовательно**, в том, что ваш частный горе-детектив **провел совершенно бесполезное расследование о личности кандидата**»] (Larsson 2005).

Такой прием обобщения используется не только в прямой речи, но и в повествовании. Так, в прологе романа Х. Манкеля «Беспокойный человек» первая фраза звучит следующим образом:

(15) *Historien börjar med ett plötsligt raseriutbrott.* [«**Эта история начинается с внезапного приступа ярости**»].

Это начало пролога и начало всей книги. Затем на пяти страницах описывается предыстория, причины произошедшего и, наконец, само событие. В последнем же абзаце пролога автор подводит итог, в общих чертах раскрывая содержание истории, которая началась с описанного им перед этим события:

*Det var **alltså** med detta raseriutbrott som **allting började**.* Historien om politikens villkor, resan in i de träskmarker, där sanning och lögn bytte förtecken med varandra och ingenting egentligen till sist gick att nå klarhet om. [«**Итак, именно с этого приступа ярости все и началось**. История о политических условностях, хождение по краю трясины, где правда и ложь поменялись местами и в конечном итоге ни во что невозможно было внести ясность»] (Mankell 2009).

Лишь после этого начинается основное повествование.

Alltså в диалогах нередко употребляется при обобщении, когда говорящий, отвечая на вопрос собеседника или выполняя его просьбу о чем-то рассказать, подытоживает имеющуюся у него информацию. На обобщающий характер высказывания в таких случаях могут указывать также лексические средства. В примере 16 это словосочетание *för att sammanfatta*:

(16) "Aha. Berätta mer."

"*Alltså... **för att sammanfatta**.* SIB fick en förklaring av Wennerström. Papper skrevs. Resterande pengar betalades tillbaka." [«— Вот как. Расскажи еще. — **Итак... обобщаю**. Веннерстрём дал объяснение Шведскому индустриальному банку. Были написаны бумаги. Оставшиеся деньги были выплачены назад»] (Larsson 2005).

(17) "Hur kommer Wennerström in i bilden?"

"Wennerström är jokern i sammanhanget. *Alltså*, det är en kille som kommer från ingenstans, som inte har någon bakgrund i den tunga industrin och som egentligen inte har något i de här sammanhangen att göra. ...". [«— Какое отношение ко всему этому имеет Веннерстрём? — Веннерстрём — темная лошадка в этом деле. **Итак**, это парень, который появился ниоткуда, который никогда не занимался тяжелой промышленностью и который на самом деле не имеет никакого отношения к данной ситуации...»] (Larsson 2005).

В таких случаях *alltså* всегда стоит в начале предложения; при этом, как видно из примера 17, инверсии после него нет. Данный факт свидетельствует о том, что обобщение содержится во всем следующем после *alltså* высказывании, а не только в первой его части.

В тех случаях, когда *alltså* стоит в конце предложения, оно часто употребляется не как связующее средство, а в усилительной, эмфатической функции. С его помощью говорящий старается обратить внимание слушателя на свои слова. Такое использование *alltså* характерно для разговорной речи:

(18) *Hon sitter på Kronobergshäktet från och med just nu, faktiskt. Jag kan utverka tillstånd så att du släpps in, om du tror det skulle underlätta, **alltså**.* [«Она вообще-то сидит в камере предварительного заключения в Кронеберге уже сейчас. Я могу добиться разрешения, чтобы тебя туда пускали, если ты считаешь, что это облегчит ее положение, **конечно**»] (Marklund 2010).

(19) "O, herre jösses, ett sånt smörgåsbord! Ingen av oss hade ätit den dan, det förstår envar, **alltså således**. Ja, där fanns allt..." [«О, Господи Иисусе, какой стол! Никто из нас в тот день не ел, это **ведь** каждому ясно, **конечно же**. Да, там было всё...»] (Lundgren 1996).

В примере 19 для большего усилительного эффекта, помимо *alltså*, в конце предложения употреблено еще и наречие *således*.

Поясняющее наречие *nämligen*

Поясняющее наречие *nämligen* 'а именно, собственно, ведь' выражает логическую связь, противоположную той, на которую указывают наречия следствия, — оно употребляется в предложениях, обозначающих причину возникновения той или иной ситуации.

Nämligen выступает обычно в двух функциях. Оно может раскрывать содержание какого-либо слова или словосочетания в рамках одного предложения. Чаще всего это существительные с абстрактной семантикой *fråga* 'вопрос' (20), *faktor* 'фактор' (21), *tema* 'тема' (22) и т. п., само значение которых требует конкретизации:

(20) *Eskil Engström lyfte i sin insändare upp en viktig fråga, nämligen samarbete inom politiken och mellan de olika politiska partierna*. [«Эскиль Энгстрём поднял в своем письме в редакцию **важный вопрос, а именно**, сотрудничество в политике между разными политическими партиями»] (Spraakbanken).

(21) *Det betyder att en annan avgörande faktor kommer med i bilden, nämligen klimatförändringen*. [«Это значит, что в поле зрения попадает **другой определяющий фактор, а именно**, изменение климата»] (Spraakbanken).

(22) *Båda två betonar att den här boken har ett allvarligt tema i botten, nämligen mobbning*. [«Оба они подчеркивают, что эта книга затрагивает **серьезную тему, а именно**, травлю в школе»] (Spraakbanken).

В таких предложениях *nämligen* не выражает причинно-следственной связи.

Nämligen употребляется также в предложениях, поясняющих предшествующее высказывание в тех случаях, когда без такого объяснения смысл последнего может быть непонятен слушателю:

(23) — *Jag ville se på uret, svarade jag. Det är nämligen så att jag är urmakare*. [«— Я хотел

посмотреть на часы, — ответил я. — **Дело в том**, что я часовщик»] (Lundgren 1996).

(24) *Mormor nös. Hon hade svårt för att skratta, en hörntand hade nämligen växt in i kindbenet. I stället för att skratta nös hon alltså*. [«Бабушка чихнула. Ей было трудно смеяться, **потому что** у нее клык врос в скулу. Так что, вместо того чтобы смеяться, она чихала»] (Lundgren 1996).

(25) *Jag hörde sen efter födselen att veterinären i Lackalänga nästan blivit tosig. Han kunde nämligen inte för sitt liv komma ihåg vad det var i sprutan som han gav Pittejoel den där natten*. [«Я слышал потом, после рождения ребенка, что ветеринар из Лаккарлэнга чуть с ума не сошел. **Ведь** он так и не смог вспомнить, какой укол сделал Питтейоэлю в ту ночь»] (Lundgren 1996).

(26) *Vi fattigfolk i Nöden i Lund, vi kastade inga skuggor, vi var skuggor. Vi hade nämligen inte friheten att bli det vi var ämnade för, riktiga människor*. [«Мы, бедняки из района Нёден в Лунде, мы не отбрасывали тени, мы сами были тенями. **Ведь** мы не обладали достаточной свободой, чтобы стать тем, для чего мы были предназначены, — настоящими людьми»] (Lundgren 1996).

Как видно из примеров, предложения с *nämligen* могут пояснять либо первое предложение в рамках сложносочиненного (24), либо непосредственно предшествующее высказывание, состоящее, как правило, из одного предложения (23, 25, 26). С дистантно расположенными частями текста предложения с *nämligen* не соотносятся.

Наречие *nämligen* не всегда легко перевести на русский язык. Когда это наречие вводит слово или словосочетание, раскрывающее содержание существительного с абстрактной семантикой, оно переводится чаще всего сочетанием 'а именно'. При переводе на русский язык устойчивого сочетания *Det är nämligen så att* обычно используется также устойчивое сочетание 'Дело (собственно) в том, что'. Сложнее перевести *nämligen* в предложениях, поясняющих предшествующее высказывание, поскольку в этой функции данное наречие не имеет аналога в русском языке. Нередко в переводах используется частица «ведь» (25, 26), которая в русском языке может выражать отношения причинности (Николаева 2013, 74). Кроме того, возможен

перевод предложения с *nämligen* придаточным причины с союзом «потому что» (24). Такой перевод предпочтителен в тех случаях, когда предложение с *nämligen* объясняет причину того, о чем говорится в предшествующем высказывании.

Заключение

Характеризуя в целом шведские наречия, служащие для создания причинно-следственных связей в тексте, следует отметить, что они имеют более широкие возможности для выражения этих связей по сравнению с такими коннекторами, как союзы. Союзы выражают причинно-следственные отношения либо внутри сложных предложений, либо между отдельными самостоятельными предложениями, расположенными в контактной позиции. Связующие же наречия могут устанавливать причинно-следственную связь между ситуациями, обозначенными более развернутыми, объемными фрагментами текста, в том числе расположенными дистантно по отношению друг к другу. Они являются, таким образом, одним из важнейших средств, обеспечивающих логическую связность и смысловую спаянность текста в целом.

Причинно-следственные отношения, выражаемые связующими наречиями, весьма

разнообразны. Предложения, в которых они используются, обозначают по отношению к ситуации, описанной в предшествующем высказывании или контексте, следствие, вывод, причину или объяснение. Вместе с тем ряд рассматриваемых наречий может иметь в тексте и другие, дополнительные, коммуникативные функции. Это касается прежде всего наречия *alltså*, которое нередко используется говорящим для того, чтобы вернуть собеседника к ранее затронутой теме, либо чтобы, подведя итог всему сказанному, лучше донести до него содержание передаваемой информации. В ряде случаев данное наречие употребляется как усилительное с целью привлечь особое внимание слушающего к определенному высказыванию. Особенностью наречия *nämligen* является то, что оно не только указывает на причинную связь между двумя высказываниями, представляя второе из них как объяснение ситуации, описанной в первом, но и используется в именных словосочетаниях, раскрывающих содержание некоторых существительных с абстрактной семантикой.

Таким образом, шведские связующие наречия, выражающие причинно-следственные отношения, играют существенную роль в смысловой и коммуникативной структуре текста и являются важным текстообразующим фактором.

Литература

- Гальперин, И. Р. (2007) *Текст как объект лингвистического исследования*. 5-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 144 с.
- Леушева, В. В. (2001) О роли коннекторов в структурной организации текста. В кн.: *XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии (Архангельск, ПГУ, 12–16 сент.)*: Тезисы докладов. Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, с. 333–334.
- Николаева, Т. М. (2013) *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*. 3-е изд. М.: URSS, 170 с.
- Andersson, E. (1978) An analysis of textual cohesion in a passage from Maria Gripe's "Hugo och Josefin". In: *Cohesion and semantics. Reports on text linguistics. Meddelanden Fran Stiftelsens for Abo Akademi Forskningsinstitut, Nr 41*. Abo: Abo Akademi Publ., pp. 126–137.
- Enkvist, N. E. (1978) Text, cohesion and coherence. Coherence, pseudo-coherence and non-coherence. In: *Cohesion and semantics. Reports on text linguistics. Meddelanden Fran Stiftelsens for Abo Akademi Forskningsinstitut, Nr 41*. Abo: Abo Akademi Publ., pp. 100–125.
- Teleman, U., Hellberg, S., Andersson, E. (1999) *Svenska Akademiens Grammatik. Bd 3: Fraser*. Stockholm: Svenska Akademiens förlag, 704 p.

Sources

- Larsson, S. (2005) *Män som hatar kvinnor [The girl with the dragon tattoo]*. Stockholm: Norstedts Förlag, 567 p. (In Swedish)
- Lundgren, M. (1996) *21 nästan sanna berättelser [21 almost true stories]*. Stockholm: En bok för alla Förlag, 254 p. (In Swedish)
- Mankell, H. (2009) *Den orolige mannen [The troubled man]*. Stockholm: Leopard Förlag, 556 p. (In Swedish)
- Marklund, L. (2010) *Livstid [Lifetime]*. Stockholm: Pocketförlaget, 427 p. (In Swedish)
- Språkbanken Text*. [Online]. Available at: <https://spraakbanken.gu.se/korp/> (accessed 14.09.2019). (In Swedish)

References

- Andersson, E. (1978) An analysis of textual cohesion in a passage from Maria Gripe's "Hugo och Josefin". In: *Cohesion and semantics. Reports on text linguistics. Meddelanden Fran Stiftelsens for Abo Akademi Forskningsinstitut, Nr 41*. Abo: Abo Akademi Publ., pp. 126–137. (In English)
- Enkvist, N. E. (1978) Text, cohesion and coherence. Coherence, pseudo-coherence and non-coherence. In: *Cohesion and semantics. Reports on text linguistics. Meddelanden Fran Stiftelsens for Abo Akademi Forskningsinstitut, Nr 41*. Abo: Abo Akademi Publ., pp. 100–125. (In English)
- Gal'perin, I. R. (2007) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]*. 5th ed., stereotype. Moscow: KomKniga Publ., 144 p. (In Russian)
- Leusheva, V. V. (2001) O roli konnektorov v strukturnoj organizatsii teksta [About the role of connectors in the structural organization of text]. In: *XIV konferentsiya po izucheniyu skandinavskikh stran i Finlyandii (Arkhangelsk, PGU, 12–16 sent.): Tezisy dokladov [XIV conference on the study of the Scandinavian countries and Finland (Arkhangelsk, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov, 12–16 September). Abstracts]*. Arkhangelsk: Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov Publ., pp. 333–334. (In Russian)
- Nikolaeva, T. M. (2013) *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov) [Functions of particles in an utterance (on the material of the Slavic languages)]*. Moscow: URSS Publ., 170 p. (In Russian)
- Teleman, U., Hellberg, S., Andersson, E. (1999) *Svenska Akademiens Grammatik. Bd 3: Fraser*. Stockholm: Svenska Akademiens förlag, 704 p. (In Swedish)

УДК 811.113.4+811.113.5+811.113.6

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-27-35>

О проблемном статусе лексико-семантической группы псевдопричастий/прилагательных в норвежском, датском и шведском языках

А. Н. Ливанова¹, Е. А. Гурова¹, Ю. М. Григорьева^{✉1}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Сведения об авторах

Александра Николаевна
Ливанова,
SPIN-код: 4950-0675,
ResearcherID: D-1919-2016,
ORCID: 0000-0002-4694-6411,
e-mail: a.livanova@spbu.ru

Елена Александровна Гурова,
SPIN-код: 5549-2293,
ResearcherID: C-8503-2016,
ORCID: 0000-0002-3119-0025,
e-mail: e.gurova@spbu.ru

Юлиана Михайловна Григорьева,
SPIN-код: 3983-8553,
ResearcherID: C-7911-2016,
ORCID: 0000-0001-5164-3864,
e-mail: y.grigorieva@spbu.ru

Для цитирования:

Ливанова, А. Н., Гурова, Е. А.,
Григорьева, Ю. М.
(2021) О проблемном статусе
лексико-семантической группы
псевдопричастий/прилагательных
в норвежском, датском
и шведском языках. *Исследования
языка и современное
гуманитарное знание*, т. 3, № 1,
с. 27–35.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-27-35>

Получена 8 января 2021; прошла
рецензирование 1 февраля 2021;
принята 2 февраля 2021.

Права: © Авторы (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Континентальные скандинавские языки, будучи близкородственными, имеют много общего как в грамматической, так и в лексической системе, а также характеризуются взаимосвязанностью своих структурных различий. В современном норвежском языке (букмол) имеется особая группа качественно-оценочных прилагательных, неизменяемых по форме, — так называемых псевдопричастий, которые образуются от существительных; их форма совпадает со слабой формой истинных страдательных причастий слабых глаголов, однако многие из них образуются от субстантивных основ.

В современном датском языке существует похожая лексико-семантическая группа прилагательных, в большинстве случаев образованных от тех же корней, что и норвежские. Данные прилагательные образуются от существительных или глаголов с помощью адъективного суффикса *-et* и по форме совпадают с причастиями слабых глаголов первого класса. В отличие от норвежского букмола в датском языке не существует неизменяемого варианта псевдопричастий — формы на *-ete*. Указанные словообразовательные модели весьма продуктивны и частотны как в разговорной речи, так и в диалектах норвежского и датского языков. В шведском же языке адъективная лексика подобной семантики образуется не по модели причастия II, а в основном путем аффиксации, преимущественно при помощи суффикса *-ig*. Кроме этого, фиксируются производные, образованные путем присоединения суффиксов *-aktig*, *-sam* и *-ad*. Представляется, что более четко очерченные границы функционирования истинного причастия и супина в шведском языке послужили препятствием для распространения словообразовательной активности окончания причастия на иные основы, помимо глагольных.

Ключевые слова: причастия, псевдопричастия, прилагательные, норвежский язык, датский язык, шведский язык, близкородственные языки, скандинавские языки.

On the problematic status of the lexical-semantic group of pseudo participles/adjectives in Norwegian, Danish, and Swedish

A. N. Livanova¹, E. A. Gurova¹, Yu. M. Grigoryeva^{✉1}

¹ Saint-Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg 199034, Russia

Authors

Alexandra N. Livanova,
SPIN: 4950-0675,
ResearcherID: D-1919-2016,
ORCID: 0000-0002-4694-6411,
e-mail: a.livanova@spbu.ru

Elena A. Gurova,
SPIN: 5549-2293,
ResearcherID: C-8503-2016,
ORCID: 0000-0002-3119-0025,
e-mail: e.gurova@spbu.ru

Yuliana M. Grigoryeva,
SPIN: 3983-8553,
ResearcherID: C-7911-2016,
ORCID: 0000-0001-5164-3864,
e-mail: y.grigorieva@spbu.ru

For citation:

Livanova, A. N., Gurova, E. A.,
Grigoryeva, Yu. M.
(2021) On the problematic status
of the lexical-semantic group
of pseudo participles/adjectives
in Norwegian, Danish, and Swedish.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 27–35.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-27-35>

Received 8 January 2021;
reviewed 1 February 2021;
accepted 2 February 2021.

Copyright: © The Authors (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. Not only do the grammatical and lexical systems of the continental Scandinavian sister languages have much in common but also their structural differences are interrelated. The modern Norwegian language (bokmål) has a special group of qualitative-attitudinal inflexible adjectives, the so-called pseudo adjectives that are formed from nouns; they take the form of genuine weak passive participles of weak verbs, but many derive from the nominal stem.

The modern Danish language has a similar lexical and semantic group of adjectives largely derived from the same roots as those in Norwegian. These adjectives are formed from nouns or verbs by means of the suffix *-et* and they take the same form as participles of weak verbs of the first class. Contrary to the Norwegian bokmål, the Danish language does not have an inflexible variant of pseudo participles ending in *-ete*. These word formation patterns are highly productive and frequent both in vernacular speech and in dialects of Norwegian and Danish.

Yet, in the Swedish language, adjectival vocabulary of such semantics is modeled not on the participle II pattern, but by taking affixes, mainly the suffix *-ig*. Also, there are derivatives formed with suffixes *-aktig*, *-sam* and *-ad*. Stricter rules governing the functioning of genuine participles and the supine in the Swedish language seem to have curbed the capacity of the participle ending to be affixed to any base morphemes other than the verbal stem.

Keywords: participles, pseudo participles, adjectives, Norwegian language, Danish language, Swedish language, sister languages, Scandinavian languages.

Введение

В последние десятилетия в норвежском букмоле¹ активно развивается особая группа качественно-оценочных прилагательных, неизменяемых по форме, обозначающих постоянную салиентную характеристику лица — по типу его типичного поведения, или объекта (природного или артефакта) — по характерной особенности (функциональной или сенсорной) (Ливанова 2017).

¹ Наиболее распространенная форма, как это принято называть у норвежцев, письменного норвежского языка; в устной речи ей ближе всего соответствует так называемый стандартный восточно-норвежский язык.

Объектом данного исследования являются лексические средства подобной семантики в трех близкородственных континентальных скандинавских языках, образовавшихся из одного языка-источника (скандинавского языка-основы, период существования которого можно считать совпадающим с периодом распространения надписей старшими рунами) и разошедшихся в относительно недавнее время. М. И. Стеблин-Каменский относит время начала формирования национальных языков в Скандинавии к XVI веку (Стеблин-Каменский 1953, 56, 64). В словообразовательных стратегиях рассматриваемых языков много общего, однако имеются и показательные различия,

в том числе и в том, что касается вынесенного в заголовок вопроса. Взяв за основу список из 210 псевдопричастий, выявленных А. Н. Ливановой в норвежском языке (Ливанова 2017), авторы сопоставили их с теми языковыми единицами, которые соответствуют им в датском и шведском. Контрастивное описание этих трех языков на основе принципа взаимосвязанности их структурных различий предпринималось в отечественной скандинавистике и ранее (Никulichева 2000), однако данная группа псевдопричастий/прилагательных еще не служила объектом рассмотрения.

Особенности прилагательных на *-et* в датском языке

В современном датском языке производные, подобные норвежским псевдопричастиям, традиционно считаются прилагательными (Skautrup 1965, 259; Hansen 1967a, 432; Jarvad 1995, 204; Gudiksen 1997; Hansen, Heltoft 2011, 258; Allan, Holmes, Lundskær-Nielsen 1995, 539; Dansk Sprog-historie 2018, 281). Они образуются от существительных или глаголов с помощью адъективного суффикса *-et* и по форме совпадают с причастиями слабых глаголов первого класса, однако в отличие от норвежского букмола в датском языке не существует неизменяемого варианта псевдопричастий — формы на *-ete*. В соответствии с правилами грамматики датские прилагательные на *-et* приобретают в слабой форме и множественном числе суффикс *-ede*.

Как и в норвежском языке, исследуемые дериваты составляют довольно внушительную лексико-семантическую группу: количество отобранных примеров из толкового словаря датского языка (DDO) насчитывает около 200 единиц. В словарной статье, посвященной адъективному суффиксу *-et*, указывается, что он образован от слияния древнедатских суффиксов *-æth* (древнеисландск. *-aðr*) и *-æt* (древнеисландск. *-ótt*, древнеангл. *-eht*) со значением «обладающий чем-либо, связанный с чем-то». В качестве синонимичных словообразовательных моделей указываются суффиксы *-ig* и *-lig*, что сближает датский язык со шведским (об этом далее). Модель на *-ig*, исторически и семантически связанная с моделью на *-et*, также широко представлена в борнхольмском диалекте и немецком языке (Gudiksen 1997, 99). Что касается норвежского языка, то при наличии в современном языке немалого числа слов, образованных по этой модели, сама она непродуктивна.

Характерно, что, по мнению авторов DDO, данные прилагательные образуются только от субстантивных основ, о чем свидетельствует целый ряд приводимых примеров: *gakket* «сумасшедший» > *gak* «сумасшествие», *håret* «волосатый» > *hår* «волосы», *sandet* «песчаный» > *sand* «песок», *støvet* «пыльный, древний, неяркий» > *støv* «пыль». Норвежские языковеды утверждают то же самое, подкрепляя это высказывание коротким рядом примеров, практически совпадающих от одного издания к другому. П. Скаутруп также относит датский суффикс *-et* к разряду продуктивных адъективных суффиксов при субстантивных основах, часто с негативной оценочностью: *damet* «женский, женственный, бабский» > *dame* «дама», *tantet* «как старая дева» > *tante* «тетя» (Skautrup 1965, 259). Примечательно, что среди приводимых Скаутрупом примеров встречаются лексемы, не зафиксированные современным толковым словарем и не встречающиеся в корпусе датского языка (KorpusDK): *lærerindet* «как училка» > *lærerinde* «учительница», *sheiket* «как красавчик, щеголь» > *sheik* «красавчик, щеголь», что свидетельствует о подвижности словарного состава в целом и исследуемой лексико-семантической группы в частности.

О. Хансен также рассматривает суффикс *-et* в группе исконно датских суффиксов; он соединяется с субстантивными основами со значением «обладающий чем-либо, состоящий из чего-либо или характеризующийся тем, что обозначает словообразовательная основа» (Hansen 1967a, 432). Отглагольные образования с суффиксом *-et* исследователь относит к разряду причастных прилагательных (*participialadjektiver*), утративших залоговое значение (Hansen 1967b, 131).

Иного мнения придерживается А. Гудиксен, чья диссертация посвящена прилагательным с суффиксом *-et* в датских островных диалектах. Выявляя ограничения, накладываемые на данную словообразовательную модель, исследовательница выделяет среди производных слов три группы:

- 1) прилагательные, образованные от основ неодушевленных существительных (со значениями «имеющийся в избытке», «состоящий из», «похожий на»): *stribet* «полосатый» > *stribe* «полоса», *klumpet* «комковатый» > *klump* «ком», *svampet* «рыхлый, пористый» > *svamp* «гриб»;
- 2) прилагательные, образованные от основ одушевленных существительных (со значением «похожий на»): *drenget* «мальчишеский» > *dreng* «мальчик», *tosset* «глупый, сумасшедший» > *tosse* «дурак, глупец»;

- 3) прилагательные, образованные от глагольных основ, со значением «склонный к»: *fjantet* «дурашливый, шаловливый» > *at fjante* «дурачиться», *grinet* «смешливый» > *at grine* «смеяться» (Gudiksen 1997, 4, 46–47). Это вполне соответствует тому, что было выявлено для псевдопричастий норвежского языка.

В датском языке, как и в норвежском, аргументом в пользу объединения отсубстантивных и отглагольных дериватов в одну модель служит сложность выявления первичной основы — в особенности, когда формы у существительного и глагола совпадают. Во многих случаях словари в качестве словообразующей основы указывают и субстантивную, и глагольную. Однако иногда помимо адъективного значения у дериватов фиксируется также причастное значение: *blandet* «смешанный; двойственный; смешивающий» > *at blande* «мешать, перемешать». Для выявления исходной семантики Хансен предлагает делать подстановку: *det (kunstigt) bølgede hår* «(искусственно, т. е. химически) вьющиеся волосы» — *de bølgede linier* «волнистые линии» (Hansen 1967b, 132).

Также в ходе анализа были выявлены единичные примеры прилагательных, образованных от адъективных основ, причем в некоторых случаях можно говорить о заимствовании из норвежского: дат. *lurvet* «обтрепанный, ободранный, подлый» > норв. *lurvete* «обтрепанный», дат. *snoldet* «жалкий, убогий» > дат. диал. *snollet*, *snuldet*, *snullet*, норв. диал. *snollete* «коротко-стриженный»; дат. *buttet* «пухлый» > дат. *but* «округлый».

Шведские словообразовательные модели схожей семантики

В вопросе передачи соответствующей семантики шведский язык обнаруживает значительные словообразовательные отличия и от норвежского, и от датского. Из 210 норвежских псевдопричастий, которые послужили основой для данного исследования, лишь 105 имеют однокоренные аналоги в шведском языке, остальные образованы от других корней. Из этих 105 единиц подавляющее большинство представляет собой прилагательные, образованные преимущественно по одной из наиболее продуктивных моделей — с помощью суффикса *-ig*: *blommig* «цветастый», *hårig* «волосатый», *kantig* «угловатый», *lockig* «кудрявый, вьющийся», *sandig* «покрытый песком», *stenig* «каменистый», *törnig* «колючий» и т. д.; норв. *blomstrete*, *hårete*, *kantete*, *lokkete*, *sandet(e)*, *steinete*, *tornete*. При-

лагательные, образованные данным способом от субстантивных основ, являются качественными и обладают значением «имеющий то, что выражено основой». Суффикс *-ig* также образует прилагательные от глагольных основ со значением «имеющий обыкновение или охотно делающий то, что выражено основой»: *krånglig* «сложный, запутанный», *gasklig* «шаткий», норв. *kronglete* «извилистый, запутанный» (о тропинке), переносное то же, *raklete* «шаткий». Суффикс *-ig* появился в шведском языке еще в период позднего древнешведского, когда активно заимствовалась лексика из средненижненемецкого (снн. *-ich*), и со временем стал настолько продуктивным, что вытеснил исконный суффикс *-og* (*-ug*), который в современном литературном шведском языке сохранился лишь в словах *avog* «враждебный» и *idog* «усердный» (Bergman 1988, 81; Söderbergh 1971, 138).

В единичных случаях прилагательные образованы при помощи суффиксов *-aktig* (*fåraktig* «тупой», норв. *fårete*), *-sam* (*skrytsam*; в случае с лексемой «хвастливый» норвежскому псевдопричастию *skrytete* шведский предлагает три однокоренных аналога, образованных с помощью трех разных суффиксов: *skrytsam*, *skrytig*, *skrytaktig*), *-ad* (*ledad* «сочлененный», норв. *leddete*) и *-en* (*purken* «обиженный, недовольный», норв. *purkete*). Суффикс *-aktig* также был заимствован из средненижненемецкого (снн. *-achtich*), первые примеры его употребления в шведском языке датируются XV в. Данный суффикс означает тенденцию или склонность к чему-либо и часто присоединяется к существительным, обозначающим людей или животных, для образования прилагательных с пейоративным значением (Thorell 1993, 87), что иллюстрирует и приведенный пример (*fåraktig*). Если же словообразовательная основа является глагольной, суффикс имеет значение склонности или привычки к тому, что выражено основой (*skrytaktig*). В сочетании с глагольной основой данный суффикс менее частотен и не является продуктивным (Söderberg 1971, 137; Thorell 1993, 88). Суффикс *-sam* является общегерманским (ср. англ. *-some*, нем. *-sam*), часто присоединяется к глагольным основам и имеет то же значение, что и суффикс *-ig* — «имеющий обыкновение или охотно делающий то, что выражено основой» — но в отличие от *-ig* не имеет пейоративной окраски. Суффикс *-ad* по форме совпадает с окончанием причастия II, образованного от слабых глаголов, и, присоединяясь к субстантивной основе, означает «имеющий, снабженный чем-либо, выраженным основой». Суффикс *-en* присоединяется к глагольной

основе и означает тенденцию или склонность. Что касается его происхождения, то, с одной стороны, он восходит к окончанию причастия II, образованного от сильных глаголов (многие прилагательные на *-en* в современном шведском все еще воспринимаются как причастия), а с другой — к праскандинавскому суффиксу *-īna*, с помощью которого образовывались прилагательные от субстантивных основ (Söderbergh 1971, 138).

В датском языке перечисленные модели также вполне продуктивны, однако не при образовании прилагательных интересующей нас семантики (разумеется, имеются отдельные совпадения, но мы говорим об общих тенденциях). В норвежском языке, однако, описанные модели малопродуктивны при наличии в нем немалого числа слов, образованных по этой модели. Их частотность сокращается за счет распространения псевдопричастий на *-ete* от тех же корней.

В ряде случаев норвежским псевдопричастиям соответствуют однокоренные шведские прилагательные, иногда с несколько иным значением: шв. *haskig* «зубчатый, запинаящийся, отрывистый» — норв. *hakkete* «рубленый», «с перебоями», шв. *klumpig* «неуклюжий, громоздкий, нескладный» — норв. *klumpete* «комковатый», но также «бесформенный», «расплывшийся» (*уст.* о фигуре), шв. *rörig* «в беспорядке, беспорядочный» — норв. *rørete* «бестолковый» (о человеке), «сбивчивый» (о речи, рассказе).

В отдельно взятых случаях норвежским псевдопричастиям соответствуют шведские причастия II: *fårad* «морщинистый», *lappad* «латаный», *rimmad* «рифмованный» (норв. *furete*, *lappete*, *rimete*). В норвежском языке адъективированные причастия II в соответствующей функции употребляются, однако это служит маркером консервативного книжного стиля.

Отметим и немногочисленную группу шведских производных, по форме совпадающих с совершенными причастиями, но определяемых словарями как прилагательные: *kluven* «разделенный» (> *att klyva*), *horsnörpt* «поджатый (о губах)» (> *att snörpa*); ср. норв. *kløftete* «раздвоенный», *snurpete* «надутый». В норвежском псевдопричастия на *-en*, превратившиеся из адъективированных причастий (причастия от соответствующих глаголов имеют теперь отличную от этой форму) в истинные прилагательные, вытесняются в речи либо однокоренными псевдопричастиями (*pløsete* вместо *pløsen* «одутловатый», *skrukkete* вместо *skrukken* «помятый»), либо синонимами (*ussel*, *gjerrig* вместо

gnien «прижимистый»), кроме самых частотных как *sulten* «голодный» или *sliten* «замотанный». Что касается датского языка, то причастные формы с флексией *-en*, которые на протяжении нескольких веков употреблялись в различных синтаксических функциях, в современном языке также превратились в настоящие отпричастные прилагательные (Красова 2017, 41).

Некоторым норвежским псевдопричастиям в шведском может также соответствовать как прилагательное, так и причастие I или II: *snörvlig/snörvlande* «гнусявый», *rutig/rutad* «в клетку», *rynkelig/rynkad* «морщинистый»; ср. норв. *snøvlet(e)*, *rutet(e)*, *rynket(e)*.

Таким образом, проанализированный материал демонстрирует выбор шведским языком иных словообразовательных моделей по сравнению с норвежским.

Особенности образования и употребления причастия II в шведском языке в сопоставлении с датским и норвежским

Необходимо остановиться на том, что совершенные причастия и образуются, и употребляются в шведском иначе, чем в других континентальных скандинавских языках. В зависимости от принадлежности глагола, от которого образуется причастие, к тому или иному спряжению, причастия от слабых глаголов принимают окончания *-d/-t/-de* (I спряжение), *-d/-t/-da* (II спряжение), *-dd/-tt/-dda* (III спряжение), от сильных — *-en/-et/-na* (IV спряжение). Шведские причастия II, в отличие от датских и норвежских, изменяются в роде и числе и не участвуют в образовании перфекта и плюсквам-перфекта. Для этого существует особая глагольная форма — супин (*supinum*). По происхождению супин является формой причастия II, однако он «никогда не употребляется в качестве определения или обстоятельства» (Маслова-Лашанская 1953, 270). Помимо синтаксических различий, семантически причастие от переходного глагола является пассивным, а супин — активным (Teleman 2002, 165).

В современном шведском языке супин и причастия II среднего рода, образованные от слабых глаголов, совпадают по форме (например, *målat* от глагола I спряжения *att måla* «красить, рисовать»). Совпадали они по форме и в более ранний период: с появлением Библии Густава Васы (1541 г.) было введено написание *-dt* как для причастия, так и для супина. Однако в конце XVIII века произошло разграничение форм, в результате которого окончание *-dt* было

закреплено за причастием, а *-t* — за супином, при отсутствии разницы в произношении: *huset är måladt* «дом покрашен», но *han har målat huset* «он покрасил дом». Разграничение форм сохранялось до орфографической реформы 1906 г., когда написание *-dt* вышло из употребления (Pettersson 2005, 183–184).

Притом что устная форма бытования языка безусловно является первичной, нельзя сбрасывать со счетов и влияние орфографических решений на восприятие языковых форм носителями языка. Очевидно, различие супина и причастия закрепилось в языковом самосознании шведов, тем более что у сильных глаголов формы супина и причастия II различаются до сих пор (например, супин *kommit* и причастие II в среднем роде *kommet* от глагола *att komma* «приходить, приезжать»). Уже на относительно раннем этапе развития языка фиксируется конкуренция характерного для древнешведских окончаний гласного *i* с *e* как в причастии, так и в супине. Употребление того или иного гласного на протяжении долгого времени остается неупорядоченным. Попытка выявить причины подобной вариативности предпринимается в исследовании К. Платзака, проведенного на материале текстов XVI–XVIII вв. (Platzack 1981). Так, одним из наиболее существенных факторов является баланс гласных в древнешведском языке, т. е. после долгого слога чаще встречается *e*, после краткого — *i*. Важную роль играет также согласный в окончании: перед *n* используется преимущественно *e*, перед *t* — *i*. Вероятно влияние и иных факторов, однако решающим стало грамматическое различие между супином и причастием.

Во второй половине XVIII в. авторы некоторых грамматик, в том числе А. Сальстедт, выступали за разграничение формы супина от причастия II в среднем роде путем закрепления окончания *-it* за супином, а *-et* за причастием II. Эту идею поддержали не все, высказывалось также предложение применять окончание *-it* в обоих случаях (подробнее см.: Teleman 2002). Тем не менее предложенное Сальстедтом современное употребление стабилизировалось в первой половине XIX в.

Думается, это привело к специализации функций как супина, так и причастия: супин образует перфект, плюсквамперфект и инфинитив II, а причастие II используется в пассивных конструкциях и некоторых видовых оборотах. Можно предположить, что именно более четко очерченные границы функционирования

истинного причастия и супина послужили препятствием для распространения словообразовательной активности окончания причастия на иные основы помимо глагольных.

Как отмечает О. Е. Красова, «если в шведском языке супин существует как отдельная грамматическая форма, то в датском вопрос о наличии или отсутствии супина осложнен существованием так называемой “грамматической омонимии”» (Красова 2017, 37). Традиционно среди именных форм выделяют инфинитив, причастие I и причастие II (*perfektum participium* у Скаутрупа, Хансена; *förnutidstillægsmåde* у К. Миккельсена) (Skautrup 1965; Hansen 1967; Mikkelsen 1975). В неизменяемом виде причастие II употребляется в датском языке для образования перфекта, плюсквамперфекта, инфинитива II, аналитической формы страдательного залога и форм сослагательного наклонения. В том случае, если причастие II используется в роли определения или именной части сказуемого, его форма может изменяться. П. Дидериксен считает неизменяемую и изменяемую форму причастия II его вариантами, которые называет супином (*Supinum*) и адъективизованным причастием (*Adjektivisk Participium*) соответственно. В парадигме непереходных глаголов есть только супин и нет причастия II, переходные глаголы имеют оба варианта (Diderichsen 1962, 68–69). Как указывает Миккельсен, в адъективной функции причастие II использовалось еще в древнескандинавском языке, а позже целый ряд форм был заимствован из немецкого: *forskrækket* «испуганный», *fortvivlet* «отчаянный», *egnet* «годный, подходящий» (Mikkelsen 1975, 420).

Хансен и Хельтофт считают использование термина «*perfektum participium*» в отношении форм, не имеющих признаков причастий, нецелесообразным и употребляют в своей работе термин «супин», заимствованный из шведской грамматики и восходящий к латинской традиции (Hansen, Heltoft 2011, 205). Такое разграничение форм выглядит весьма логичным, однако нельзя сказать, что данный подход пока нашел отражение в новейших грамматических справочниках и учебниках датского языка.

В отношении норвежского букмола термин *supinum* «супин» иногда употребляется как обозначение грамматической функции истинных причастий, ср. с определением в НАОВ: страдательное причастие в форме среднего рода, используемое в составных временных формах (перфект и плюсквамперфект) после вспомогательного глагола *ha* «иметь». Псевдопричастия в этой функции не используются.

Семантика псевдопричастий/ прилагательных

Если вновь обратиться к семантике исследуемых образований, то в датском языке отнесение отглагольных прилагательных к исследуемой словообразовательной модели представляется обоснованным, так как все подобные образования, в отличие от причастий, обозначают постоянную характеристику лица или предмета.

Сравнительный анализ норвежских псевдопричастий и датских прилагательных показал, что большая группа дериватов образована от одних и тех же корней. Однако смысловая структура слов несколько отличается, так как для датских прилагательных на *-et* характерна широкая многозначность, а для норвежских псевдопричастий — преобладающая однозначность. Ср: норв. *lurvete* «обтрепанный» / дат. *lurvet* «обтрепанный, подлый, низкий», норв. *lusete* «вшиивый» / дат. *luset* «вшиивый, жалкий, жадный» (те же переносные значения, что и в датском, сохранились у малоупотребительного в настоящее время в норвежском адъективированного причастия на *-en* от того же корня *lusen*, что вполне вписывается в сказанное о подобных образованиях в норвежском выше).

Так же, как и в случае с датскими аналогами, шведские соответствия нередко имеют более широкое или иное значение по сравнению с норвежскими примерами: норв. *skrikete* «крикливый» — шв. *skrikig* «крикливый; резкий (голос); кричащий (цвет)»; норв. *ødslete* «расточительный» — шв. *ödslig* со значением «пустынный, незаселенный», а в значении «расточительный» используется однокоренное причастие I — *ödslande*.

Некоторые семантические различия между однокоренными образованиями исследуемых языков представляются неизбежными как объективное следствие их функционирования в составе трех разных языковых систем. В двуязычных словарях эти различия могут усугубляться в силу субъективности лексикографов при подборе толкований и переводных эквива-

лентов. В рамках данного исследования останавливаться на них было сочтено нецелесообразным.

Выводы

Итак, несмотря на генетическую близость скандинавских языков, для них характерны определенные оппозиционные различия, то есть такие, когда словообразовательной модели одного языка регулярно соответствует иная модель другого языка. Кроме этого, прослеживается четкая тенденция в выборе вариативных моделей.

В современном норвежском языке модель псевдопричастия используется чрезвычайно широко, распространяясь в том числе и за счет вытеснения традиционных словообразовательных моделей на *-ig*, на *-lig* и т. п., чему в значительной степени способствуют, с одной стороны, такие экстралингвистические факторы, как широкая вариативность письменной нормы, не позволившая сформироваться четким отличиям между разными отглагольными формами, и высокий престиж диалектной речи, и с другой стороны — внутриязыковые процессы, ведущие к разграничению истинных причастий и неизменяемых адъективированных причастий, или псевдопричастий на *-ete*.

В датском языке соответствующие функции с успехом выполняет особая группа прилагательных, образуемых от существительных или глаголов (а иногда и прилагательных) с помощью адъективного суффикса *-et* и по форме совпадающих с причастиями слабых глаголов первого класса.

В шведском языке единой модели образования прилагательных, обозначающих, по определению Плунгяна, «способность совершать действие или проявлять свойство V некоторым выделенным образом» (Плунгян 2010), не вышло, чему препятствовало возникшее в нем формальное и функциональное противопоставление причастия и супина.

Список сокращений

DDO — Den danske ordbog
NAOB — Det Norske Akademis Ordbok

Литература

Красова, О. Е. (2017) Супин, причастие или отглагольное прилагательное? Отглагольные формы с флексией *-en* в современном датском языке. *Филологические науки в МГИМО*, № 3 (11), с. 37–42.

- Ливанова, А. Н. (2017) Псевдопричастия на -et(e) в современном норвежском языке (букмол) как лексико-семантическая группа. В кн.: Г. А. Баева, Н. Г. Мед, Т. И. Петухова, Н. А. Шадрин (ред.). *Романо-германистика: сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции, 13–22 марта 2017 г., Санкт-Петербург*. СПб.: ВВМ, с. 43–50.
- Маслова-Лашанская, С. С. (1953) *Шведский язык. Ч. 1*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 320 с.
- Никуличева, Д. Б. (2000) *Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках: Контрастивный анализ. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук*. М., Институт языкознания РАН, 396 с.
- Плунгян, В. А. (2010) Причастия и псевдопричастия в русском языке: о границах вариативности. *Academia.edu*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/8063154/Причастия_и_псевдопричастия_в_русском_языке *Participles and pseudoparticiples in Russian* (дата обращения 06.01.2021).
- Стеблин-Каменский, М. И. (1953) *История скандинавских языков*. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 340 с.
- Allan, R., Holmes, Ph., Lundskaer-Nielsen, T. (1995) *Danish: A comprehensive grammar*. London; New York: Routledge Publ., 628 p.
- Bergman, G. (1988) *Kortfattad svensk språkhistoria*. Stockholm: Prisma Publ., 255 p.
- Diderichsen, P. (1962) *Elementær dansk grammatik*. Copenhagen: Gyldendal Publ., 305 p.
- Gudiksen, A. (1997) *-et-afledninger i dansk med hovedvægt på de danske ømål. PhD dissertation*. Copenhagen: Københavns Universitet, 194 p.
- Hansen, Å. (1967a) *Moderne dansk. Bd 2*. Copenhagen: Grafisk Forlag, 462 s.
- Hansen, Å. (1967b) *Moderne dansk. Bd 3*. Copenhagen: Grafisk Forlag, 554 s.
- Hansen, E., Heltoft, L. (2011) *Grammatik over det Danske Sprog. Bd 1*. Copenhagen: Syddansk Universitetsforlag, 415 p.
- Hjorth, E. (ed.). (2018) *Dansk Sproghistorie. Ord for ord for ord. Bd 2*. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 506 p.
- Jarvad, P. (1995) *Nye ord. Hvorfor og hvordan?* København: Gyldendal, 346 p.
- Mikkelsen, Kr. (1975) *Dansk Ordføjningslære med sproghistoriske tillæg: Håndbog for viderkommende og lærere*. Copenhagen: Hans Reitzels Forlag, 800 p.
- Pettersson, G. (2005) *Svenska språket under sjuhundra år: En historia om svenskan och dess utforskande*. 2nd ed. Lund: Studentlitteratur Publ., 290 p.
- Platzack, C. (1981) Ändelsevokalismen i supinum och perfekt particip av starka verb. En studie av växlingen it:et och in:en i äldre och yngre nysvenska. In: B. Pamp (ed.). *Arkiv för nordisk filologi. Vol. 96*. Lund: CWK Gleerup Publ., pp. 107–136.
- Skautrup, P. (1968) *Det danske sprogs historie. Bd 4: Fra J. P. Jacobsen til Johs. V. Jensen*. Copenhagen: Gyldendal Publ., 342 p.
- Söderbergh, R. (1971) *Svensk ordbildning*. 2nd ed. Stockholm: Läromedelsförlagen, 197 p.
- Teleman, U. (2002) *Ära, rikedom och reda: Svensk språkvård och språkpolitik under äldre nyare tid*. Stockholm: Norstedts ordbok Publ., 222 p.
- Thorell, O. (1993) *Att bilda ord*. 2nd ed. Stockholm: Scriptor/Almqvist & Wiksell Publ., 51 p.

Dictionaries and reference literature

- Den Danske Ordbog*. [Online]. Available at: <https://ordnet.dk/ddo> (accessed 04.01.2021). (In Danish)
- Det Norske Akademis Ordbok*. [Online]. Available at: <https://naob.no/> (accessed 04.01.2021). (In Norwegian)
- KorpusDK*. [Online]. Available at: <https://ordnet.dk/korpusdk> (accessed 04.01.2021). (In Danish)
- Svenska Akademiens Ordböcker*. [Online]. Available at: <https://svenska.se/> (accessed 04.01.2021). (In Swedish)

References

- Allan, R., Holmes, P., Lundskaer-Nielsen, T. (1995) *Danish: A comprehensive grammar*. London; New York: Routledge Publ., 628 p. (In English)
- Bergman, G. (1988) *Kortfattad svensk språkhistoria [Brief Swedish language history]*. Stockholm: Prisma Publ., 255 p. (In Swedish)
- Diderichsen, P. (1962) *Elementær dansk grammatik [Elementary Danish grammar]*. Copenhagen: Gyldendal Publ., 305 p. (In Danish)
- Gudiksen, A. (1997) *-et-afledninger i dansk med hovedvægt på de danske ømål [The -et-derivatives in the dialects of the Danish islands]. PhD dissertation (Dialects)*. Copenhagen: Københavns Universitet, 194 p. (In Danish)
- Hansen, E., Heltoft, L. (2011) *Grammatik over det Danske Sprog [Grammar of the Danish language]. Bd 1*. Copenhagen: Syddansk Universitetsforlag, 415 p. (In Danish)
- Hansen, Å. (1967a) *Moderne dansk [Modern Danish]. Bd 2*. Copenhagen: Grafisk Forlag, 462 p. (In Danish)
- Hansen, Å. (1967b) *Moderne dansk [Modern Danish]. Bd 3*. Copenhagen: Grafisk Forlag, 554 p. (In Danish)

- Hjorth, E. (ed.). (2018) *Dansk Sproghistorie. Ord for ord for ord [Danish Language History. Word for word for word]*. Bd 2. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 506 p. (In Danish)
- Jarvad, P. (1995) *Nye ord. Hvorfor og hvordan? [New words. Why and how?]*. København: Gyldendal Publ., 346 p. (In Danish)
- Krasova, O. E. (2017) Supin, prichastie ili otglagol'noe prilagatel'noe? Otglagol'nye formy s fleksiej -en v sovremennom datskom yazyke [Supine, participle, or verbal adjective? Verbal forms with -en inflexion in modern Danish]. *Filologicheskie nauki v MGIMO — Philology at MGIMO*, no. 3 (11), pp. 37–42. (In Russian)
- Livanova, A. N. (2017) Psevdoprichastiya na -et(e) v sovremennom norvezhskom yazyke (bukmol) kak leksiko-semanticeskaya gruppa [Pseudo participles ending in -et(e) in the modern Norwegian language (bokmål) as a lexical-semantic group]. In: G. A. Baeva, N. G. Med, T. I. Petukhova, N. A. Shadrin (eds.). *Romano-germanistika: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferentsii, 13–22 marta 2017 g., Sankt-Peterburg [Romano-Germanic philology: Collection of articles following the proceedings of the 46th International Philological Conference, 13–22 March 2017, Saint Petersburg]*. Saint Petersburg: VVM Publ., pp. 43–50. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaya, S. S. (1953) *Shvedskij yazyk [The Swedish language]. Pt 1*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 320 p. (In Russian)
- Mikkelsen, Kr. (1975) *Dansk Ordføjningslære med sproghistoriske tillæg: Håndbog for viderkommende og lærere [Danish vocabulary with language history additions: Handbook for advanced and teachers]*. Copenhagen: Hans Reitzels Forlag, 800 p. (In Danish)
- Nikulicheva, D. B. (2000) *Sintagmaticske otnosheniya v kontinental'nykh skandinavskikh yazykakh: Kontrastivnyy analiz [Syntagmatic relations in the continental Scandinavian languages: Contrast analysis]*. PhD dissertation (Philology). Moscow: Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, 396 p. (In Russian)
- Pettersson, G. (2005) *Svenska språket under sjuhundra år: En historia om svenskan och dess utforskande [The Swedish language for seven hundred years: A story about Swedish and its exploration]*. 2nd ed. Lund: Studentlitteratur Publ., 290 p. (In Swedish)
- Platzack, C. (1981) Ändelsevokalismen i supinum och perfekt particip av starka verb. En studie av växlingen it:et och in:en i äldre och yngre nysvenska [The ending vowel in supine and past participle of irregular verbs. A study of the it/in-alternation in Early and Late Modern Swedish.]. In: B. Pamp (ed.). *Arkiv för nordisk filologi [Archive of Nordic philology]*. Vol. 96. Lund: CWK Gleerup Publ., pp. 107–136. (In Swedish)
- Plungyan, V. A. (2010) *Prichastiya i psevdoprichastiya v russkom yazyke: o granitsakh variativnosti [Participles and pseudoparticiples in the Russian language: On the scope of variation]*. [Online]. Available at: https://www.academia.edu/8063154/Причастия_и_псевдопричастия_в_русском_языке_Participles_and_pseudoparticiples_in_Russian (accessed 06.01.2021). (In Russian)
- Skautrup, P. (1968) *Det danske sprogs historie. Bd 4: Fra J. P. Jacobsen til Johs. V. Jensen [The history of the Danish language. Vol. 4: From J. P. Jacobsen to Johs. V. Jensen]*. Copenhagen: Gyldendal Publ., 342 p. (In Danish)
- Steblin-Kamenskij, M. I. (1953) *Istoriya skandinavskikh yazykov [History of the Scandinavian languages]*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 340 p. (In Russian)
- Söderbergh, R. (1971) *Svensk ordbildning [Swedish word formation]*. 2nd ed. Stockholm: Läromedelsförlagen, 197 p. (In Swedish)
- Teleman, U. (2002) *Ära, rikedom och reda: Svensk språkvård och språkpolitik under äldre nyare tid [Honor, wealth and order: Swedish language preservation and language policy in older recent times]*. Stockholm: Norstedts ordbok Publ., 222 p. (In Swedish)
- Thorell, O. (1993) *Att bilda ord [To form words]*. 2nd ed. Stockholm: Scriptor/Almqvist & Wiksell Publ., 51 p. (In Swedish)

Check for updates

Лингвистика и междисциплинарные
исследования языка и речи

УДК 81'242+81'33+81'373.48+81'367.6

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-36-53>

Сопоставительный анализ английской и русской речи через иерархии релевантности

Т. А. Минеев^{✉1}

¹ Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Сведения об авторе

Тимофей Андреевич Минеев,
e-mail: slovotech@gmail.com

Для цитирования:

Минеев, Т. А.
(2021) Сопоставительный анализ
английской и русской речи через
иерархии релевантности.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 1, с. 36–53.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-36-53>

Получена 7 декабря 2020;
прошла рецензирование 9 января
2021; принята 11 января 2021.

Права: © Автор (2021).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье поднимается вопрос о сходствах и различиях речевых картин у носителей английского и русского языков в двух географически разобщенных регионах на материале стенограмм подкастов, теле- и радиопередач, ориентированных на аудиторию России и США. Выдвигается предположение о возможном представлении таких речевых картин в иерархическом виде. На основании полученных значений частотности англоязычных и русскоязычных лексических единиц соответственно формируются иерархии, называемые иерархиями релевантности. Построенные таким образом структуры на материале двух языков используются для получения представления о существующем мировоззрении их носителей: они сравниваются с точки зрения понятий, явлений и тем, которые имеют наибольшую актуальность в рассматриваемых языковых коллективах. Кроме того, выполняется морфологический анализ первых 500 единиц в соответствующих разноязычных иерархиях и определяется их принадлежность к частям речи. Приводятся данные о частотности отдельных грамматических категорий в массивах сравниваемых текстов. В указанном масштабе составляются перечни так называемых грамматически однозначных существительных и глаголов. С опорой на такие перечни выделяются наиболее значимые понятия в англоязычном и русскоязычном дискурсах, проводятся параллели, отмечаются расхождения между двумя языками. По завершении анализа предлагаются объяснения и делаются возможные выводы относительно общеязыковых признаков, а также указывается ряд стиливых особенностей, характерных для устной речи носителей русского и английского. В заключение обозначаются возможные направления для дальнейшего исследования с акцентом на контекстно-зависимый анализ, а также описывается реализация авторского метода в виде веб-приложения, представляющего собой первоначальную попытку такой работы.

Ключевые слова: иерархия релевантности, частотность, анализ речи, стенограммы, компьютерная лингвистика, сравнение, английский язык, русский язык, языковое мышление, речевая картина.

Contrastive analysis of the Russian and English spoken languages through relevance hierarchies

T. A. Mineev✉¹

¹ Independent researcher, Moscow, Russia

Author

Timofey A. Mineev,
e-mail: slovotech@gmail.com

For citation:

Mineev, T. A.
(2021) Contrastive analysis of the Russian and English spoken languages through relevance hierarchies. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 36–53.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-36-53>

Received 7 December 2020;
reviewed 9 January 2021;
accepted 11 January 2021.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. The article discusses similarities and dissimilarities between the communication patterns of native speakers of the Russian and English languages in two geographically separated regions based on the transcripts of podcasts, TV and radio broadcasts for the audiences of Russia and the USA. Here we advance a hypothesis that such patterns can be represented in a hierarchical form. Using the occurrence rates of Russian and English lexical units, hierarchies are built, referred to as the relevance hierarchies. These structures based on the texts in the two languages are compared to identify notions, phenomena and topics that are the most relevant in the language communities under consideration and thus give an insight into the current worldview of native speakers. Additionally, we carry out a morphological analysis of the first 500 units and divide them by parts of speech in both languages' hierarchies. We determine the occurrence rates of individual grammatical categories in the compared sets of texts. On the given scale, the so-called grammatically unambiguous nouns and verbs are listed and correlated for the two languages. We point out the most relevant notions in the English and Russian discourses, draw parallels and note differences. The paper is concluded by possible explanations and views about language-specific characteristics, as well as by remarks on some stylistic peculiarities in native speakers' use of their respective mother tongues. Finally, we outline potential areas of further study by stressing the importance of context-based analysis and present our research method in the form of a Web tool as an initial step in this direction.

Keywords: relevance hierarchy, frequency, speech analysis, transcripts, computational linguistics, comparison, English, Russian, mentality, speech patterns.

Введение

Попадая в общество, человек учится соблюдать принятые в нем правила. Рассматриваемые синхронно, они отражают опыт и выбор предшественников. Такой подход справедлив и для языковой системы, которая имеет свои законы и допускает только определенные варианты употребления слов и выражений в пределах отдельно взятого языкового коллектива. Представления такого коллектива о правильности и неправильности использования языка принято называть языковой нормой, а систему предпочтений в рамках языковой нормы, характерных для того или иного коллектива, — речевой нормой. При этом, как отмечают лингвисты, словоупотребление в рамках этой нормы в значительной своей части стереотипно (Латышев 1988, 83).

Предлагаем рассмотреть этот вопрос с количественных позиций применительно к русскому языку. Словарь Даля, составленный в середине XIX в., включает 200 тыс. слов; более

современный «Большой академический словарь русского языка» в третьем издании, работа над которым ведется с 2004 г., как ожидается, будет содержать 150 тыс. слов. При этом пассивный словарный запас носителя русского языка может, в зависимости от критериев подсчета (в том числе от возраста и уровня образования), составлять от 30 до 80 тыс. слов. В свою очередь, словарный запас активный, то есть языковые единицы, фактически употребляемые человеком в письменной и устной речи, значительно меньше. Так, «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной содержит около 30 тыс. слов, где наиболее частотны 6 тыс. слов, покрывающих более 90% обработанных при составлении этого словаря текстов (Словарный запас).

Следовательно, в рамках речевой нормы — тех языковых привычек, которые существуют у носителей русского языка, — есть только несколько тысяч «языковых стереотипов». Будет логично предположить, что не все эти привычные слова и выражения употребляются одно-

временно или с равной частотой. Естественно, что среди них есть те, которые используются чаще и, таким образом, имеют преимущество относительно остальных. Следовательно, можно предложить изображение присутствующих в речи лексических единиц в виде некоторой иерархии, структура которой будет зависеть от частотности их употребления. В целях настоящей статьи предлагаем называть такую иерархию иерархией релевантности, поскольку положение отдельного элемента внутри нее зависит от того, насколько он релевантен, иначе — важен, для человека, говорящего на языке. Далее термины «релевантность» и «частотность» будут использоваться взаимозаменяемым образом, так как здесь частотность служит количественным показателем релевантности.

Следует отметить, что на выбор конкретных вариантов употребления слов и выражений в речи оказывают влияние различные факторы, в природе которых переплетаются элементы общечеловеческого, социально-группового, индивидуально-личностного и этнического характера (Латышев 1988, 83). Насколько большой вес при выборе таких вариантов имеют общечеловеческие факторы и будут ли совпадать иерархические системы стереотипных лексических единиц для разных языков, да и притом используемых разными народами, разобщенными в географическом плане? Насколько картины действительности разных языковых коллективов схожи между собой, какие элементы в них проявляются отчетливо, а какие скрыты? Поиск ответов на эти и другие вопросы является предметом описанного в настоящей статье исследования.

Описание исследовательского подхода

Некоторые ученые-лингвисты отмечают, что всем людям, вне зависимости от их этнической принадлежности, свойственны одни и те же закономерности мышления. Однако дьявол, как известно, кроется в мелочах. Действительно, собеседники — представители разных культур могут обсуждать общечеловеческие явления — погоду и футбол, войну и мир, деньги и искусство, добро или зло, наконец, — использовать известные, проверенные словарные эквиваленты, но по-прежнему не понимать друг друга — и все из-за тех самых почти незаметных различий в значениях и ключевых концепциях. Именно в этом несовпадении слов и понятий языков состоит национально-культурная специфика познавательных процессов, «языкового сознания» или «языкового мышления»

(Латышев 1988, 97; Стернин 2006, 61; Дзенс, Перевышина 2012, 27).

Чтобы лучше понять такое языковое мышление, нужно, как представляется, обратиться к такому типу речи, который достовернее всего его отражает, — к устной. Именно через устную речь можно увидеть то, как люди общаются и рассуждают в социальной среде. При этом нельзя утверждать, что даже в устной речи их мысли находят полное свое отражение. Природа языковой коммуникации такова, что в ней по разным причинам имеют место моменты «недопонимания» и «непонимания» между отправителем и получателем (Латышев 1988, 47). Однако эффективность использования языка для достижения целей коммуникации не является предметом нашего изучения. Нас интересует только план выражения, и в этом отношении устные тексты, в отличие от письменных, отредактированных и пересмотренных, подходят как нельзя лучше. В нашем исследовании материалом послужили стенограммы, то есть устная речь, переведенная в письменный формат с минимальными правками.

Упомянутое исследование проводилось осенью 2019 г. Было отобрано по пять источников — подкастов, теле- и радиостанций — из России и США, которые с сентября 2018 г. по сентябрь 2019 г. последовательно публиковали свои стенографические материалы на русском и английском языках соответственно.

Отдельно остановимся на критериях отбора источников. Отбирались в первую очередь те источники, у которых в достаточном объеме имелись стенограммы эфиров за указанный календарный период. Вторым важным фактором был большой охват общих тем: современный человек, цивилизация, глобальное потепление, рынок труда, транспорт, технологии будущего, популярная наука, международные проблемы, искусство, образование и т. д. Такой критерий был введен для того, чтобы, насколько это возможно, увидеть нейтральную речевую картину носителей русского и английского языков без ощутимых перекосов в плане терминологии на рассматриваемом промежутке времени. Для чистоты эксперимента оговоримся, что каждая публикация выбиралась субъективно, то есть исходя из наших, авторских, представлений о том, какие темы являются нейтральными. В итоге были отобраны следующие источники англоязычных стенограмм за указанный период (рис. 1): телеканал CNN (программа Smerconish — 34 578 слов), радиостанция NPR (программы All Things Considered, Morning Edition и др. — 30 976 слов), новостное издание

The New York Times (подкаст The Daily — 33 434 слов), подкаст On Being with Krista Tippett — 37 843 слов, радиостанция WAMU (программа The Kojo Nnamdi Show — 37 149 слов). Всего получилось 173 980 слов, из которых уникальных — 10 971. Аналогичным образом были взяты следующие русскоязычные источники (рис. 2): радиостанция «Вести ФМ» — 31 574 слов, радиостанция «Говорит Москва» — 36 859 слов, новостное издание «Комсомольская правда» — 39 020 слов, радиостанция «Коммерсантъ ФМ» — 33 681 слов, и программы радиостанции «Радио Свобода»¹, в т. ч. «Цивилизация»,

¹ Входит в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>).

«Археология. Будущее» и др., — 31 288 слов. Общий объем русскоязычных слов: 172 422, из них уникальных — 28 782. Таким образом, исследование проводилось на материале, включающем в общей сложности 346 402 слова, или около 2 млн знаков.

Следующим этапом стал подсчет частотности всех слов в отобранных текстах. Для этого использовался бесплатный онлайн-инструмент <https://www.browserling.com/tools/word-frequency>. Он позволяет загрузить текст для анализа и в качестве выходных данных получить таблицу, где представлены все встречающиеся в тексте элементы и число вхождений каждого элемента. Такая процедура была проведена сначала для русскоязычных, а затем для англоязычных стенограмм. После этого результаты,

Источники (рус.)

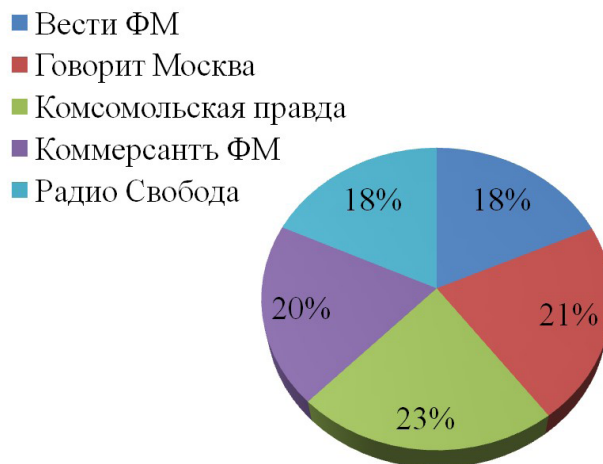

Рис. 1. Статистика по русскоязычным источникам

Источники (англ.)

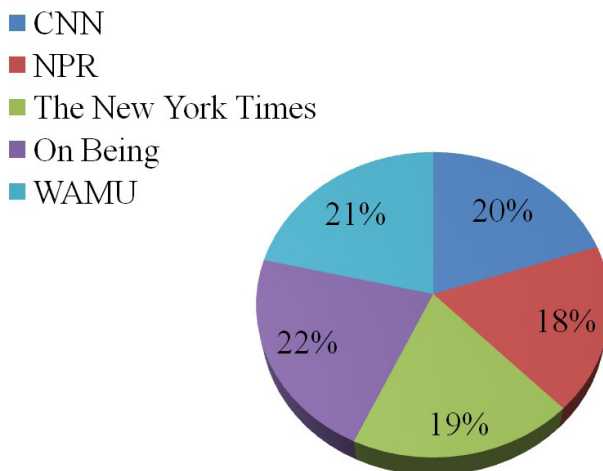

Рис. 2. Статистика по англоязычным источникам

содержащие только лексические единицы, были перенесены в приложение Microsoft Excel для дальнейших расчетов.

На основании полученных данных об общем количестве лексических единиц и числе вхождений каждой конкретной единицы было подсчитано, как часто они встречаются в тексте и какую долю от общего объема занимают. Однако основной задачей такой обработки являлось нахождение в разноязычных текстах единиц с одинаковой частотностью. Так, все русскоязычные единицы, имеющие частотность, например, N, образовали русскоязычное подмножество соответствующего уровня релевантности, а англоязычные единицы с такой же частотностью — англоязычное подмножество. Используя такое разделение, удалось выстроить иерархию релевантности лексических единиц для каждого из массивов текстов и перейти к их сравнению на базе получившихся структур.

В результате анализа взятых для исследования стенограмм была сформирована сопоставительная двузычная таблица с разбивкой по уровням всех уникальных слов. Чтобы наглядным образом обобщить полученные результаты, мы использовали бесплатное приложение Wordle. Оно, среди прочего, позволяет визуализировать тексты большого объема с разделением единиц по частотности. Для визуализации результатов обработки английского и русского массивов соответственно были заданы условия: а) представления единиц в алфавитном порядке, б) дифференциации единиц в зависимости от числа вхождений (т. е. чем чаще встречается единица, тем больший размер шрифта используется для ее написания), в) отсеивания наиболее частотных слов (поскольку, как показал опыт, к ним относятся служебные слова и предлоги) и г) отсеивания числительных. Были получены следующие изображения для русскоязычного (рис. 3) и англоязычного (рис. 4) материала.

Рис. 3. Визуализация русскоязычной иерархии единиц

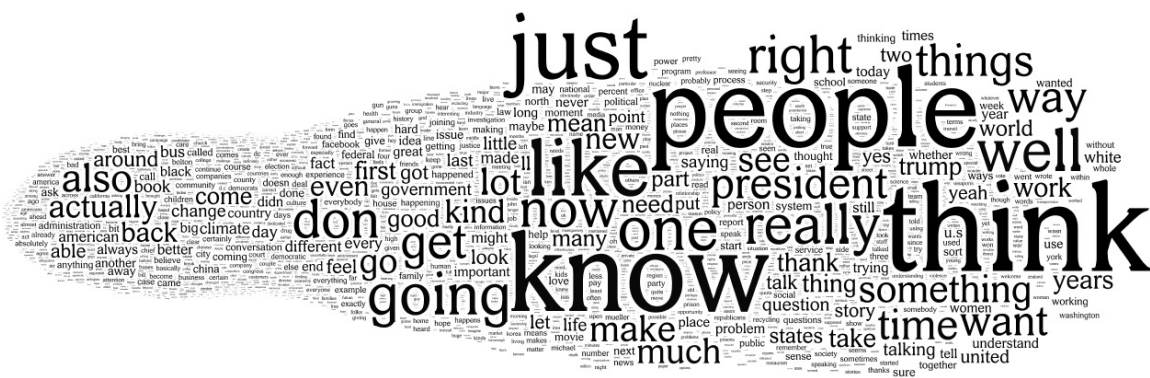

Рис. 4. Визуализация англоязычной иерархии единиц

Морфологический анализ

На следующем этапе был проведен морфологический анализ первых 500 единиц в каждой из двух иерархических структур. Для русского языка были выделены 12 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частица, междометие, причастие, деепричастие. Кроме того, для тех русских слов, которые нельзя однозначно отнести к той или иной части речи, например вводные слова или слова категории состояния, была выделена группа «Другие». Для морфологического анализа найденных лексических единиц в качестве основного словаря использовался «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2014). Вспомогательными источниками служили «Словарь русского языка в 4-х томах» (Малый академический словарь), «Викисловарь» и интернет-сервис «Словари и энциклопедии на Академике» под ред. А. П. Евгеньевой (1999). В случае разночтений между источниками предпочтение отдавалось «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С. А. Кузнецова.

Для английского языка были выделены 10 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частица, междометие, артикль. Морфологический анализ проводился с использованием словарей Collins, Macmillan и системы словарного поиска TheFreeDictionary. В случае разночтений между источниками предпочтение отдавалось американскому варианту английского языка при условии подтверждения характеристики более чем одним источником.

В зависимости от контекста единица может представлять различные части речи, поэтому некоторые единицы маркированы несколькими цветами. Принадлежность к частям речи определялась исходя из нейтрального общеупотребительного восприятия слова, т. е. если, например, лексическая единица в нейтральном контексте будет воспринята как глагол, но в определенной области может использоваться в функции существительного, то такая узкая функция в рамках нашего анализа не учитывалась (ср. гл. *to put* и сущ. *put*). В качестве примера в таблице 1 представлена начальная часть получившейся иерархической структуры с перечислением единиц в порядке от наиболее

релевантных к менее релевантным и указанием их принадлежности к частям речи.

В целях сопоставления двух массивов текстов было установлено приращение числа единиц, относящихся к тем или иным частям речи, на отрезках 20, 50, 150, 250 и 500 слов. В таблице 2 такая прогрессия наглядно демонстрирует изменения в статистике.

Как видно из таблиц 1 и 2, наиболее частотными словами среди первых 20 в английском языке являются местоимения, союзы, предлоги, наречия, прилагательные и глаголы, в то время как в русском языке первое место по частотности занимают частицы, за ними следуют местоимения, союзы, предлоги и междометия.

В таблице 2 показано, что по мере движения вниз по иерархической структуре все чаще встречаются знаменательные слова (существительные, прилагательные, глаголы и др.). С точки зрения сравнения двух культур, выраженных посредством языков, именно такие слова могут дать более четкое представление о языковом мышлении. Разумеется, своя иерархия существует и между знаменательными словами. Для того чтобы сделать основной акцент на ключевых понятиях в речи носителей, были составлены две отдельные таблицы с перечислением наиболее частотных существительных и глаголов. Эти части речи выбраны, поскольку, во-первых, несмотря на различные существующие классификации, выделяются как для английского, так и русского языка, а во-вторых, из всех знаменательных частей речи среди первых 500 единиц эти две грамматические категории представляют большинство.

В контексте выбора частей речи следует подчеркнуть, что некоторые из слов могут повторяться в иерархиях в своих различных формах, представляя тем не менее одну лексему. В рассматриваемые ниже перечни включались исключительно грамматически однозначные единицы, то есть слова, которые могут принадлежать только к соответствующей части речи. Как можно видеть, формы единиц в получившихся рейтингах далеко не всегда совпадают с начальными. Это связано, как правило, с тем, что их начальные формы выполняют функции нескольких частей речи. Ввиду особенностей выбранного исследовательского подхода единицы рассматривались без их связи с контекстом, поэтому все потенциально омонимичные формы исключались. Для начала рассмотрим наиболее частотные существительные, представленные в таблице 3.

Табл. 1. Общая иерархия релевантности с указанием частей речи

№ п/п	Единица (англ.)	Части речи	Число вхожд.	Единица (рус.)	Части речи	Число вхожд.
1	the		8061	в		5525
2	and		5497	и		5033
3	to		5303	что		3336
4	that		4520	это		3109
5	of		4230	не		3096
6	a		3942	на		2443
7	you		3312	с		1975
8	in		3053	я		1733
9	i		3040	мы		1613
10	is		2610	как		1327
11	are		2070	а		1195
12	we		1892	но		1173
13	it		1889	у		1143
14	this		1645	есть		1032
15	have		1567	то		1009
16	for		1478	по		1005
17	so		1296	все		999
18	they		1233	вы		887
19	was		1205	к		795
20	on		1145	так		759

Цветовые обозначения:

существительное		предлог	
глагол		союз	
прилагательное		междометие	
наречие		частица (рус.)	
местоимение		артикл (англ.)	

Табл. 2. Статистика единиц по частям речи

20 единиц			
Часть речи	Англ.	Рус.	Часть речи
существительное	1	2	существительное
глагол	4	1	глагол
прилагательное	6	0	прилагательное
наречие	7	5	наречие
местоимение	9	8	местоимение
числительное	0	0	числительное
предлог	5	7	предлог
союз	5	9	союз
междометие	2	6	междометие
артикл (англ.)	2	0	причастие (рус.)

		0	деепричастие (рус.)
		10	частица (рус.)
		1	другое (рус.)
50 единиц			
Часть речи	Англ.	Рус.	Часть речи
существительное	8(+7)	3(+1)	существительное
глагол	10(+6)	5(+4)	глагол
прилагательное	11(+5)	0(+0)	прилагательное
наречие	17(+10)	13(+8)	наречие
местоимение	18(+9)	13(+5)	местоимение
числительное	0(+0)	0(+0)	числительное
предлог	12(+7)	12(+5)	предлог
союз	13(+8)	19(+10)	союз
междометие	4(+2)	8(+2)	междометие
артиклъ (англ.)	3(+1)	0(+0)	причастие (рус.)
		0(+0)	деепричастие (рус.)
		23(+13)	частица (рус.)
		3(+2)	другое (рус.)
150 единиц			
Часть речи	Англ.	Рус.	Часть речи
существительное	62(+54)	25(+22)	существительное
глагол	53(+43)	16(+11)	глагол
прилагательное	47(+36)	7(+7)	прилагательное
наречие	53(+36)	38(+25)	наречие
местоимение	42(+24)	47(+34)	местоимение
числительное	3(+3)	4(+4)	числительное
предлог	19(+7)	20(+8)	предлог
союз	19(+6)	35(+16)	союз
междометие	13(+9)	11(+3)	междометие
артиклъ (англ.)	3(+0)	0(+0)	причастие (рус.)
		0(+0)	деепричастие (рус.)
		36(+13)	частица (рус.)
		15(+12)	другое (рус.)
250 единиц			
Часть речи	Англ.	Рус.	Часть речи
существительное	120(+58)	52(+27)	существительное
глагол	101(+48)	36(+20)	глагол
прилагательное	84(+37)	15(+8)	прилагательное

наречие	79(+26)	56(+18)	наречие
местоимение	47(+5)	77(+30)	местоимение
числительное	3(+0)	8(+4)	числительное
предлог	26(+7)	24(+4)	предлог
союз	23(+4)	44(+9)	союз
междометие	14(+1)	12(+1)	междометие
артикл (англ.)	3(+0)	0(+0)	причастие (рус.)
		2(+2)	деепричастие (рус.)
		42(+6)	частица (рус.)
		24(+9)	другое (рус.)
500 единиц			
Часть речи	Англ.	Рус.	Часть речи
существительное	288(+168)	158(+106)	существительное
глагол	220(+119)	66(+30)	глагол
прилагательное	135(+51)	47(+32)	прилагательное
наречие	121(+42)	104(+48)	наречие
местоимение	58(+11)	127(+50)	местоимение
числительное	7(+4)	21(+13)	числительное
предлог	35(+9)	34(+10)	предлог
союз	29(+6)	55(+11)	союз
междометие	19(+5)	13(+1)	междометие
артикл (англ.)	3(+0)	1(+1)	причастие (рус.)
		3(+1)	деепричастие (рус.)
		56(+14)	частица (рус.)
		48(+24)	другое (рус.)

Как видно из таблицы 3, между двумя разноязычными множествами текстов наблюдаются очевидные параллели. Сначала отметим пары *день — day*, *год — year*, *вещь — thing*, *дело/вопрос — question/idea*, *проблема — problem*, *история — story/history*, *система — system*, *случай — case*, *внимание — attention*, *информация — information*, *ситуация — situation*, *возможность — opportunity*, *связь — relationship*. Контекстуально также можно соотнести *fact* и *момент*: с учетом их высокой частотности они являются потенциальными эквивалентами. Далее обратим внимание на такие аналогии, как *человек (люди)* и *person (people)*, *жизнь* и *life*, *ребенок (дети)* и *children*, *друг* и *friends*. Находят отражение и внешние по отношению к человеку понятия, например, *мир* (соответствует в т. ч. *world*), *страны* (соответствует *country/countries*), *государство/власти* (соответствуют *government*

и контекстуально *administration*), *безопасность* (соответствует в т. ч. *security*), *закон* (соответствует *law and justice*) и *президент* (соответствует *president*). Кроме того, просматривается общее и в отношении *денег* (соответствует *money*), *компаний* (соответствует *company*), *бизнеса* (соответствует *business*).

Судя по таблице 3, слово *рублей* (строка 56) является уникальным в русскоязычном дискурсе и не имеет американского аналога, однако причина в том, что американцы предпочитают не писать название своей валюты словом (хотя и *dollars* встречается в англоязычных стенограммах 16 раз), а использовать специальный символ: \$ — 69 вхождений на весь анализируемый объем.

Что касается самоидентификации, то релевантному *Americans* (пер. «американцы») можно противопоставить наше аналогично реле-

Табл. 3. Рейтинг однозначных существительных среди первых 500 единиц

Ур.	Единица (англ.)	Число вхожд.	Единица (рус.)	Число вхожд.
1	people	836	году (+ года, год, годы)	601
2	things (+ thing)	528	люди (+ людей, людям)	474
3	president	311	человек (+ человека)	333
4	years (+ year)	303	вопрос (+ вопросы)	316
5	day (+ days)	187	деле (+ дело, дела)	284
6	story (+ stories)	183	жизни (+ жизнь)	180
7	world	165	работы (+ работа, работу)	172
8	Trump	164	рынок (+ рынка, рынке)	167
9	country (+ countries)	139	страны (+ стране)	150
10	life	132	проблема (+ проблемы)	148
11	government	124	мире (+ мир, мира)	146
12	climate	121	история (+ истории, историю)	146
13	fact	117	решение (+ решения)	135
14	person	105	деньги (+ денег)	134
15	problem	105	день	133
16	companies (+ company)	99	стороны	133
17	idea	94	компании (+ компания)	127
18	system	90	числе	124
19	ways	86	государство (+ государства)	120
20	women	86	ситуация (+ ситуации)	117
21	movie	83	зрения	115
22	moment	81	точки	113
23	conversation	77	случае	107
24	China	72	бизнес (+ бизнеса)	106
25	law	72	слово (+ слова)	104
26	administration	71	образом	95
27	city	71	цивилизация (+ цивилизации)	95
28	week	71	уровне (+ уровень)	91
29	questions	70	Украине (+ Украины)	88
30	Facebook	69	конце (+ конца)	87
31	percent	68	закон (+ закона)	83

32	news	67	проект (+проектов)	83
33	case	66	момент	81
34	family	66	Россия	78
35	community	62	количество	77
36	York	62	сожалению	75
37	Washington	61	тема (+ тему)	75
38	money	59	системы (+ система)	74
39	justice	56	Владимир	73
40	children	55	целом	72
41	election	55	принципе	69
42	society	55	времени	67
43	Michael	54	часть	67
44	Bolton	52	речь	66
45	business	52	виду	59
46	DC	51	поводу	59
47	history	51	связи	59
48	investigation	51	Москве	58
49	media	51	смысле	58
50	county	50	взгляд	57
51	America	48	вещи	53
52	democrats	48	внимание	53
53	friends	48	пиво	53
54	information	48	области	52
55	policy	47	счет	52
56	republicans	47	рублей	50
57	security	46	очередь	49
58	Mueller	45	США	49
59	prison	45	граждан	48
60	students	45	федерации	46
61	attention	44	безопасности	45
62	ISIS	44	территории	45
63	Korea	44	друг	44
64	health	43	итоге	44
65	science	43	студии	44
66	situation	43	Владимирович	43
67	office	42	власти	43
68	congress	40	детей	42
69	folks	39	рамках	42
70	kinds	39	Михаил	41
71	night	39	пор	40
72	region	39	века	39
73	weapons	39	сути	39
74	college	38	церкви	39
75	industry	38	ответственность	38
76	John	38	ребенка	38
77	opportunity	38	рода	38
78	professor	38	культуры	37
79	language	36	развития	37
80	relationship	36	интервью	36
81	restaurant	36	организации	36
82	street	36	период	36
83	violence	36	Сергей	36
84	Americans	35	возможность	35
85	California	35	Европе	35
86	church	35	качестве	35
87			президент	35
88			течение	35
89			условиях	35
90			задача	34
91			информацию	34

вантное *граждане*. Оба этих слова являются уникальными в своих дискурсах и не имеют прямого, словарного, соответствия среди сопоставимо частотных слов в другом рассматриваемом языке.

На этом этапе рассуждений предлагаем перейти к различиям между двумя иерархическими структурами. Так, в англоязычном массиве наравне с указанными выше словами лидируют следующие, нерелевантные в русских текстах: *women* (пер. «женщины»), *movie* (пер. «фильм»), *climate* (пер. «климат»), *prison* (пер. «тюрьма»), *health* (пер. «здоровье»), *science* (пер. «наука»), *weapons* (пер. «оружие»), *violence* (пер. «насилие»).

Кроме того, английский дискурс оказался заметно политизирован, это отличает его от русского. Так, в рейтинге английских существительных можно найти не имеющие аналогов в русской части таблицы 3 понятия: *election* (пер. «выборы»), *democrats* (пер. «демократы»), *republicans* (пер. «республиканцы»), *congress* (пер. «конгресс»). В русскоязычных текстах упоминается власть как таковая без особой конкретики. Исключение составляет фигура российского президента, причем имя, а не фамилия и не должность, выступает первичным средством номинации. Американцы тоже нередко говорят о своем президенте, у которого среди наиболее частых способов называния лидирует должность, фамилия занимает второе место, а вот имя, Дональд, в рейтинг таблицы 3 не попало.

Далее отметим еще один уникальный блок, образовательный: *students* (пер. «учащиеся»), *college* (пер. «колледж»), *professor* (пер. «преподаватель», «профессор») — полноценных эквивалентов для этих терминов среди представленных в таблице 3 русских существительных не нашлось. Отдельно нужно упомянуть целый ряд английских единиц, относящихся к социальной организации: *family* (пер. «семья»), *community* (пер. «социальная группа»), *society* (пер. «общество»), *folks* (пер. в т. ч. «родня»). При этом в отобранных русскоязычных материалах такой конкретизации, как видно, не прослеживается. Кроме того, нет в русском и высокорелевантных соответствий для понятий территориального деления: *city* (пер. «город»), *region* (пер. «регион»), *county* (пер. «округ») и *street* (пер. «улица»; возможно, в т. ч. остаток словосочетаний *Wall Street* и *Wall Street Journal*). В контексте единиц измерения отметим, что среди русских существительных нет прямого соответствия для *week* (пер. «неделя»), а в английском нет аналога для русского *века*. Помимо прочего, нет соответствия в русском рейтинге и английским словам *percent*

(пер. «процент» (вероятно, из-за традиционного использования символа % в письменной русской речи)), *investigation* (пер. «расследование» (возможно, разорванная фраза *Mueller investigation*², учитывая аналогично частотное *Mueller*)), *kinds* (пер. «разновидности»), *night* (пер. «вечер», «ночь»). В контексте потенциально разорванных смысловых единиц стоит упомянуть слова *york* в английской и *федерации* в русской части таблицы 3.

В русском языке, в свою очередь, кроме упомянутых общих слов, частотными и при этом уникальными по сравнению с англоязычными также являются следующие: *работа*, *цивилизация*, *рынок*, *уровень*, *конец*, *количество*, *времени*, *часть*, *взгляд*, *граждан*, *территории*, *итоге*, *ответственность*, *культура*, *развитие*, *период* и *условиях*. Отдельным блоком можно выделить уникальные для русского массива слова *организация*, *проект*, *задача*, *решение*, которые демонстрируют весомый вклад технической лексики в устную речь носителей.

Высокорелевантные русские единицы *стороны*, *числе*, *зрения*, *точки*, *случае*, *образом*, *сожалению*, *целом*, *принципе*, *виду*, *поводу*, *связи*, *смысле*, *области*, *счет*, *очередь*, *рамках*, *пор*, *качестве*, *течение* не имеют буквальных аналогов в англоязычном массиве, но при этом не имеют и других частотных словоформ среди русских существительных, что дает основание утверждать: все они относятся к соответствующим разделенным оборотам — «с одной/другой стороны», «в том числе», «с точки зрения» и др. — и служат не для передачи смысла, а для синтаксической связи высказываний. Это, в частности, свидетельствует о большом количестве конструкций официально-делового стиля (устойчивых выражений, вводных оборотов, отыменных предлогов) в устной речи публичных людей. Кстати, еще одним признаком канцелярита можно назвать высокую частотность глагола *является* (строка 14 табл. 4). В английском языке, по крайней мере в нашем рейтинге существительных, таких единиц потенциально очень мало. К ним относятся, например, *fact* и *thing*. Это позволяет сделать вывод о нетипичности характерных для русской речи канцелярских клише в исследованном англоязычном материале.

Теперь перейдем к еще одной категории существительных, которая допускает гораздо меньше гибкости при употреблении и позволяет

² Расследование спецпрокурора Роберта Мюллера по поводу российского вмешательства в выборы в Соединенных Штатах в 2016 г.

Табл. 4. Рейтинг однозначных глаголов среди первых 500 единиц

Ур.	Единица (англ.)	Число вхожд.	Единица (рус.)	Число вхожд.
1	is (+ are, was, be, been, were, am)	7797	было (+ быть, была, будем, буду)	1269
2	have (+ has, had)	2402	говорить (+ говорят, говорит, говорили, говорю, говорил, говорим)	575
3	do (+ did, does)	1171	могут (+ могу, можем, могли)	289
4	think	948	сделать (+ делать, сделали)	251
5	know (+ knew)	886	сказал (+ сказали, скажу)	183
6	get (+ got)	525	думаю	170
7	would	429	работать (+ работает)	158
8	should	216	знаю (+ знаем)	155
9	could	186	хочу (+ хотелось, хотят)	155
10	came (+ comes)	136	идет	132
11	went (+ goes)	116	происходит	114
12	understand	104	понимаю (+ понимаете)	108
13	happens (+ happen)	104	давайте	97
14	hear (+ heard)	104	является	79
15	ask	90	касается	78
16	says	88	считаю	72
17	seems (+ seem)	84	называется	53
18	let	72	посмотреть	46
19	believe	65	существует	46
20	speak	62	имеет	42
21	found	55	находится	41
22	wrote	54	стоит	41
23	continue	52	вижу	40
24	remember	52	стало	40
25	become	51	начали	38
26	told	51	взять	36
27	took	49	жить	36
28	bring	48	получить	34
29	started	47		
30	talked	47		
31	feels	40		
32	agree	38		

однозначно идентифицировать наиболее релевантные понятия: имена собственные. В таблице 3 такие слова выделены серым цветом. Для англоязычных текстов это: *Trump* (пер. «Трампп»), *China* (пер. «Китай»), *Facebook*, *York* (пер. «Йорк»), *Washington* (пер. «Вашингтон»), *Michael* (пер. «Майкл»), *Bolton* (пер. Болтон), *DC* (пер. «округ Колумбия»), *America* (пер. «Америка»), *Mueller* (пер. «Мюллер»), *ISIS* (пер. «ИГИЛ» (запрещенная в России организация)), *Korea* (пер. «Корея»); для русскоязычных: *Украине*, *Россия*, *Владимир*, *Москве*, *США*, *Владимирович*, *Михаил*, *Сергей*, *Европе* (перечисление ведется в порядке от наиболее к наименее релевантным и в самой частотной форме).

В рейтинг существительных в таблице 3 попало слово *пиво*. При этом среди всех анализируемых текстов только один был непосредственно связан с темой пивоварения. Частотность данного слова можно рассматривать как своеобразный маркер той примерной границы, которая проходит между понятиями частными, релевантными в рамках одного текста, и общими, релевантными для нескольких текстов. Аналогичным частотным, но при этом специфическим понятием в англоязычном массиве стало *restaurant* (пер. «ресторан»), занимающее 81-ю строку в таблице 3.

Теперь рассмотрим перечень наиболее частотных глаголов в таблице 4.

Как видно из таблицы 4, лидерами рейтинга наиболее частотных глаголов в англоязычных и русскоязычных текстах стали *be* и *быть* соответственно. Кроме того, можно провести очевидные параллели, например, между такими глаголами, как *думаю* и *think*, *понимаю* и *understand*, *считаю* и *believe*. Находятся и другие прямые соответствия: *делать* и *do*, *знаю* и *know*, *идет* и *go*, *происходит* и *happen*, *давайте* и *let*, *стало* и *become*, *взять* и *took*, *начали* и *started*. Обращает на себя внимание то, что в русской речи очень часто называется действие, которое выполняют беседующие, а именно — говорят (строка 2 табл. 4). Англоязычные аналоги — *say*, *speak*, *ask*, *told* и *talked* — хотя и отражают тот же процесс, не относятся к словам-лидерам. В рамках этого блока также можно отметить такие релевантные существительные из таблицы 3, как *слово*, *тема*, *речь* и английское *conversation* (пер. «беседа»). При этом в отличие от англоговорящих русскоговорящие ораторы часто употребляют слова *студия* (строка 65 табл. 3) и *интервью* (строка 80 табл. 3), зато американцы часто употребляют слово *news* (пер. «новости»; строка 32 табл. 3).

Лидирующее положение первых трех глаголов в англоязычной части таблицы 4 — *is*, *have*

и *do* — можно объяснить той грамматической вспомогательной функцией, которую они зачастую играют в предложении. Их русскоязычные аналоги — *быть*, *иметь* и *делать* — хотя и достаточно релевантны, не могут похвастаться такой же частотой вхождений. Судя по данным, в англоязычном дискурсе значительный вес имеют модальные глаголы в сослагательном наклонении: *would*, *should*, *could*. Безусловно, их тоже можно отнести к числу вспомогательных. Согласно этому рейтингу, сопоставимую модальную функцию в русскоязычном дискурсе выполняет один глагол — *хотеть*, представленный формами *хочу*, *хотелось* и *хотят*.

Высокое место среди частотных английских глаголов занимает *wrote* (пер. «написал(а/и)»). Безусловно, он служит для ссылки на письменный текст. Для этого глагола 100-процентного аналогично частотного эквивалента в массиве русских текстов не нашлось. Не нашлось прямого аналога и для английского глагола *sees*, который предназначен для выражения говорящим субъективного восприятия того или иного явления, опираясь на его внешние признаки. В русском для этих целей часто используются вводные конструкции, такие как «на мой взгляд». Отметим, что в таблице 3 слово *взгляд* стоит на 50-й строчке — это может служить косвенным подтверждением такого предположения. Здесь следует обратить внимание, что в русскоязычной части таблицы, в свою очередь, нет прямых английских аналогов, например, для *вижу* и *посмотреть*.

Другими уникальными единицами в англоязычном рейтинге оказались глаголы *continue* (пер. «продолжать»), *feel* (пер. «чувствовать»), *remember* (пер. «вспоминать») и *hear* (пер. «слышать»), *agree* (пер. «соглашаться»), для которых нет прямых соответствий среди русскоязычных глаголов-лидеров.

В качестве общего пояснения к таблицам 3 и 4 можно на примере частотного глагола *remember* показать, почему его русскоязычные аналоги, «помнить», «вспоминать» и др., в таблице 4 не представлены. В этой связи сошлемся на флективность русского языка, то есть на возможное большое количество словоформ одной лексемы. И действительно, само по себе слово *вспомнить* встречается в стенограммах всего пять раз, но если выполнить поиск по иерархии русскоязычных единиц, начинающихся на «вспомин» и «вспомн», то будет найдено 40 совпадений. Это уже можно считать сопоставимым с 52 вхождениями английского *remember*.

Как и в случае с существительными, в рейтинге русских глаголов высокие строчки

занимают слова, зачастую употребляемые для связи смысловых элементов: *касается, называется, является*. К таким словам с широкой применимостью можно отнести и *существует, находится, стоит*. При этом в большинстве случаев речь идет вовсе не о физическом расположении чего-либо. В свою очередь, в английском языке распространены универсальные слова-концепты с широким полем значений. Возьмем, к примеру, *get*. Один из его возможных русскоязычных аналогов, *получить*, также представлен в таблице 4, однако он занимает куда более низкую строчку, чем *get*. Еще один похожий глагол, *come*, также оказался среди частотных. Как и *get*, он может употребляться с большим количеством предлогов, превращаясь таким образом во фразовый и утрачивая свое ядерное значение — «приходить». К потенциально фразовым можно отнести и *go* (пер. «идти»), *take* (пер. «брать»), *bring* (пер. «приносить»). Так, относительно небольшой набор глаголов благодаря предлогам может выражать широкий диапазон значений. Среди существительных хорошим примером лексической многозначности служит английское *office* (строка 67 табл. 3), которое способно передавать до 15 различных значений согласно словарю Collins English Dictionary, в том числе «работа», «должность», «кабинет» и мн. др. К таким же гибким единицам из таблицы 3 в числе наиболее релевантных и при этом не имеющих абсолютных русскоязычных эквивалентов вполне можно отнести *media* (пер. «СМИ», «социальные сети» в словосочетании *social media*), *industry* (пер. «промышленность», «отрасль» и др.), *language* (пер. «язык», «формулировка» и др.).

Мы отнюдь не претендуем на бесспорную объективность представленных таблиц. Возможно, картина кажется несколько смазанной из-за отсеянных омонимов и не соответствует реальному распределению существительных и глаголов по признаку частотности. Например, слова *жить* и *работать* не имеют аналогов в англоязычной части таблицы, потому что соответствующие единицы *work* и *live*, в зависимости от контекста, могут быть не только глаголами. При этом некоторые понятия могут выражаться в противоположном языке другими частями речи. Так, для выражения согласия в русском языке чаще используется прилагательное *согласный* и производные от него, в отличие от носителей английского языка, предпочитающих глагол *to agree* (пер. «соглашаться»).

Выводы

Вряд ли удастся найти хотя бы двух одинаково мыслящих людей в монологичном пространстве, которые бы идентично подходили к описанию даже простых понятий. Что же можно утверждать о двух разноязычных сообществах? То, что один человек опишет прилагательным, для другого имеет исключительно глагольную форму, а для третьего выражено сочетанием служебных и знаменательных слов, при этом по отдельности каждое из таких слов способно иметь собственное значение — в этом и проявляется гибкость любого языка, и результаты проведенного исследования этот факт подтверждают.

Следуя предложению, высказанному во введении, мы изобразили речевую картину в виде иерархии единиц, назвав ее иерархией релевантности. Структура такой иерархии зависит от частотности употребления отдельных слов носителями языка. Как было практически показано в исследовании, эта наглядная форма позволяет увидеть, какие понятия для носителей более важны, а какие менее.

Следует признать, что ни объем проанализированного материала, ни масштаб морфологического анализа не способны дать окончательного представления обо всем объеме ключевых концепций, используемых носителями языков и выраженных разными частями речи. Несмотря на это и на, безусловно, упущенные из виду важные, зависимые от контекста элементы, наше исследование все же содержит немало пищи для размышлений и позволяет сделать определенные выводы.

Возвращаясь к вопросу, поставленному во введении, о том, действительно ли совпадают картины отражения действительности в преломлении разных языков, можно сказать, что с точки зрения самоощущения и самовыражения человека это действительно так. Носителей русского и английского роднит частая отсылка к мыслительным процессам и чувствам. Мы одинаково большое значение придаем таким современным общечеловеческим понятиям, как безопасность, дети, страна, деньги и др. При этом наше исследование выявило некоторые серьезные различия в области социальных тем, по крайней мере на заданном временном отрезке. В частности, мы по-разному смотрим на политику, институты государства и общества, роль его отдельных элементов, социальное и территориальное разделение, образование и культуру. Мы обсуждаем разные страны и разные общемировые темы, которые лишь

иногда совпадают. У нас разные наборы речевых стереотипов, при этом русскоговорящие чаще употребляют обороты канцелярского стиля, а англоговорящие — нейтральные и универсальные слова. В английской речи преобладают существительные, глаголы и прилагательные, а в русской — существительные, местоимения и наречия. В этой связи заметим, что обнаруженная грамматическая многозначность отнюдь не синонимична лексической, словарной многозначности. Сравнение высокорелевантных слов в разноязычных массивах текстов с точки зрения их значений в различных аспектах, в том числе словарных, может представлять интерес для дальнейших исследований.

Мы показали иерархию релевантности слов, но слова не существуют сами по себе — они существуют в контексте. Как упоминалось выше, люди общаются в основном стереотипными фразами, а, например, в идиомах лексические единицы могут до неузнаваемости менять свое значение. Представляется, что следующим этапом нашей работы должна стать разбивка текстов по устойчивым сочетаниям, или речевым формулам, чтобы охватить и синтаксический, а не только морфемный и лексический уровни текстов.

Описанный анализ предполагал выполнение определенной последовательности действий: отбор материала, его обработку, произведение вычислений, переводение данных в табличный и графический вид, формирование статистики и др. Такую процедуру уместно будет назвать алгоритмом. Как уже отмечалось, в рамках нашего исследования он реализовывался с помощью нескольких программ. Однако для

обеспечения повторяемости и проверяемости результатов и удобства использования данного алгоритма мы воплотили его в виде веб-приложения. Оно бесплатно и доступно по адресу: www.slovotext.ru.

Все шаги, которые описаны в настоящем исследовании — за исключением морфологического анализа, требующего на данном этапе ручной работы, — автоматически реализуются этим инструментом. Пользователю достаточно загрузить текстовый материал на одном или разных языках. При этом число языков ограничено латинским и кириллическим алфавитами. Новшеством и одновременно шагом вперед по сравнению с описанным здесь исследованием стала встроенная функция поиска как на морфемном и лексическом, так и синтаксическом уровнях. То есть можно находить части слов, слова целиком, словосочетания и предложения без ограничения по длине. Однако вопрос о том, можно ли вообще с учетом различного членения смысловых элементов текста выстроить какую-либо иерархическую структуру, принципиально пока не решен — свою немалую роль играет субъективное восприятие речи. Мы считаем, что решения в этом направлении нужно принимать осторожно, опираясь на закрепленные в словарях представления.

Благодарности

Выражаем искреннюю признательность Ирине Сергеевне Алексеевой за поданную идею о статье на тему исследования и всестороннюю помощь в подготовке этой публикации.

Источники

- Вести* Ф. М. [Электронный ресурс]. URL: <http://radiovesti.ru/brand/> (дата обращения 04.12.2020).
Говорит Москва. [Электронный ресурс]. URL: <http://govoritmoskva.ru/interviews/> (дата обращения 04.12.2020).
Коммерсантъ FM. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/archive/fm> (дата обращения 04.12.2020).
Комсомольская Правда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/> (дата обращения 04.12.2020).
Радио Свобода. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/programs/radio> (дата обращения 04.12.2020).³
 NPR Shows & Podcasts. *NPR*. [Online]. Available at: <http://www.npr.org/programs/> (accessed 04.12.2020).
 On Being with Krista Tippett. *On Being*. [Online]. Available at: <http://onbeing.org/series/podcast/> (accessed 04.12.2020).
 Smerconish. *TRANSCRIPTS*. [Online]. Available at: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/smer.html> (accessed 04.12.2020).
 The Daily. *The New York Times*. [Online]. Available at: <http://www.nytimes.com/column/the-daily> (accessed 04.12.2020).
 Shows. *The Kojo Nnamdi Show*. [Online]. Available at: <http://thekojoonnamdishow.org/shows/> (accessed 04.12.2020).

³ Входит в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента (<https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>)

Словари и справочная литература

- Викисловарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения 04.12.2020).
- Евгеньева, А. П. (ред.). (1999). *Словарь русского языка: в 4 т.* 4-е изд., стереотип. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения 04.12.2020).
- Кузнецов, С. А. (ред.). (2014) Большой толковый словарь русского языка. *Грамота.ру*. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 04.12.2020).
- Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения 04.12.2020).
- Collins Online English Dictionary. *Collins*. [Online]. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/> (accessed 04.12.2020).
- Definition of 'office'. *Collins*. [Online]. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/office> (accessed 04.12.2020).
- Macmillan Dictionary. [Online]. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 04.12.2020).
- TheFreeDictionary. [Online]. Available at: <http://www.thefreedictionary.com/> (accessed 04.12.2020).

Литература

- Дзенс, Н. И., Перевышина, И. Р. (2012) *Теория перевода и переводческая практика с немецкого языка на русский и с русского на немецкий*. СПб.: Антология, 560 с.
- Латышев, Л. К. (1988) *Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания*. М.: Просвещение, 160 с.
- Словарный запас. *Википедия*. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Словарный_запас (дата обращения 04.12.2020).
- Стернин, И. А. (2006) *Контрастивная лингвистика*. М.: Восток-Запад, 206 с.

Sources

- Govorit Moskva. [Online]. Available at: <http://govoritmoskva.ru/interviews/> (accessed 04.12.2020). (In Russian)
- Kommersant FM. [Online]. Available at: <http://www.kommersant.ru/archive/fm> (accessed 04.12.2020). (In Russian)
- Komsomol'skaya Pravda. [Online]. Available at: <https://www.kp.ru/> (accessed 04.12.2020). (In Russian)
- NPR Shows & Podcasts. NPR. [Online]. Available at: <http://www.npr.org/programs/> (accessed 04.12.2020). (In English)
- On Being with Krista Tippett. *On Being*. [Online]. Available at: <http://onbeing.org/series/podcast/> (accessed 04.12.2020). (In English)
- Radio Svoboda — Radio Liberty. [Online]. Available at: <http://www.svoboda.org/programs/radio> (accessed 04.12.2020). (In Russian)
- Smerconish. *TRANSCRIPTS*. [Online]. Available at: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/smer.html> (accessed 04.12.2020). (In English)
- The Daily. *The New York Times*. [Online]. Available at: <http://www.nytimes.com/column/the-daily> (accessed 04.12.2020). (In English)
- Shows. *The Kojo Nnamdi Show*. [Online]. Available at: <http://thekojoannamdishow.org/shows/> (дата обращения 04.12.2020). (In English)
- Vesti FM. [Online]. Available at: <http://radiovesti.ru/brand/> (accessed 04.12.2020). (In Russian)

Dictionaries and reference literature

- Slovari i entsiklopedii na Akademike [Academic dictionaries and encyclopedias]*. [Online]. Available at: <http://dic.academic.ru/> (accessed 04.12.2020). (In Russian)
- Collins Online English Dictionary. *Collins*. [Online]. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/> (accessed 04.12.2020). (In English)
- Definition of 'office'. *Collins*. [Online]. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/office> (accessed 04.12.2020). (In English)
- Evgen'eva, A. P. (ed.). (1999) *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]: In 4 vols.* 4th ed. [Online]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (accessed 04.12.2020). (In Russian)
- Kuznetsov, S. A. (ed.). (2014) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [The large explanatory dictionary of the Russian language]*. [Online]. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 04.12.2020). (In Russian)
- Macmillan Dictionary. [Online]. Available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 04.12.2020). (In English)
- TheFreeDictionary. [Online]. Available at: <http://www.thefreedictionary.com/> (accessed 04.12.2020). (In English)
- Vikislovar' [Wiktionary]. [Online]. Available at: <http://ru.wiktionary.org/wiki/> (accessed 04.12.2020). (In Russian)

References

- Dzens, N. I., Perevyshina, I. R. (2012) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika s nemetskogo yazyka na russkij i s russkogo na nemetskij* [Translation theory and practice from German into Russian and from Russian into German]. Saint Petersburg: Antologiya Publ., 560 p. (In Russian)
- Latyshev, L. K. (1988) *Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya* [Translation: Problems of theory, practice and teaching methodology]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 160 p. (In Russian)
- Slovarnyj zapas [Vocabulary]. *Vikipediya* [Wikipedia]. [Online]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Словарный_запас (accessed 04.12.2020). (In Russian)
- Sternin, I. A. (2006) *Kontrastivnaya lingvistika* [Contrastive linguistics]. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 206 p. (In Russian)

Check for updates

Лингвистика и междисциплинарные
исследования языка и речи

УДК 811.161-1-2+811.511-111-2

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-54-61>

К вопросу о функционировании контактных глаголов в русской и финской спонтанной речи (на примере глаголов *katsoa* и (по)смотреть)

Н. А. Осьмак^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Наталья Андреевна Осьмак,
SPIN-код: 5134-8922;
ResearcherID: AAC-4240-2019;
ORCID: 0000-0003-1436-6225;
e-mail: natalia.osmak@yandex.ru

Для цитирования:

Осьмак, Н. А.
(2021) К вопросу
о функционировании контактных
глаголов в русской и финской
спонтанной речи (на примере
глаголов *katsoa* и (по)смотреть).
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 1, с. 54–61.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-54-61>

Получена 23 января 2021;
прошла рецензирование
18 февраля 2021; принята
19 февраля 2021.

Права: © Автор (2021).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос функционирования контактных глаголов со значением *смотреть/katsoa* русского и финского языка в спонтанной речи, являющихся в том числе прагматемами, т. е. единицами, утратившими свое лексическое или грамматическое значение, однако реализующими определенные функции в устном дискурсе. Несмотря на наличие отдельных исследований данной группы прагматем как в финском, так и в русском языках, сопоставительному анализу тенденций их употребления не уделялось достаточного внимания, что составляет актуальность данной работы. Материал для исследования был отобран из числа контекстов, представляющих устную непубличную речь устного подкорпуса Национального корпуса русского языка, а также корпуса ArkiSyn, дающего представление о финской устной речи. Для обоих языков анализировались формы повелительного наклонения второго лица единственного числа: *katso/kato* в финской речи, *смотри/посмотри* в русской. После отбора контекстов был проведен анализ на предмет реализации следующих функций: 1) маркер старта; 2) навигационный маркер; 3) маркер финала; 4) маркер ренарратива; 5) вербальный хезитатив; 6) маркер поиска. Результаты исследования показали, что в функционировании данных единиц в финской и русской спонтанной речи есть много общего, что говорит о несомненной типологической и структурной близости указанных языковых явлений в исследуемых языках. При этом отмечается большая частотность варианта *kato* по отношению *katso* и *смотри* по отношению к *посмотри*. В отношении реализуемых функций можно сказать, что в обеих лингвокультурах частотным является употребление рассматриваемых единиц в качестве стартового, навигационного маркеров и хезитативов. Реже встречается реализация функции финального маркера. Использование в роли маркера ренарратива отмечено не было. В дальнейшем видится перспективным провести подобные сопоставительные исследования для других контактных глаголов русского и финского языков.

Ключевые слова: спонтанная речь, глагольные прагматемы, устный дискурс, контактные глаголы, финский язык, русский язык, корпусное исследование.

More on the question of functions of contact verbs in Russian and Finnish spontaneous speech (based on usage of verbs *katsoa* and *(po)smotret*)

N. A. Osmak✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Natalia A. Osmak,
SPIN: 5134-8922;
ResearcherID: AAC-4240-2019;
ORCID: 0000-0003-1436-6225;
e-mail: natalia.osmak@yandex.ru

For citation:

Osmak, N. A.
(2021) More on the question of functions of verbs in Russian and Finnish spontaneous speech (based on usage of verbs *katsoa* and *(po)smotret*). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 54–61.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-54-61>

Received 23 January 2021;
reviewed 18 February 2021;
accepted 19 February 2021.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The paper considers the issue of functions of so-called contact verbs *smotret* in Russian language and *katsoa* in Finnish in spontaneous speech. These verbs are also classified as pragmatics, i. e. linguistic units which to a large extent have lost lexical or even grammatical meaning but still have an exact function in oral discourse. Despite the fact that some researches of this pragmatics's group both for Russian and Finnish languages have been made, comparative analyze still hasn't been fulfilled. Material was collected from the contexts representing oral spontaneous non-public speech in Corpus of Spoken Russian (which is a part of The Russian National Corpus) and ArkiSyn-corpus which represents Finnish oral speech. In both languages forms of imperative (second person, singular) were analyzed: forms *katso/kato* in Finnish and *smotri/posmotri* in Russian. When contexts were collected, they were analyzed from the point of serving of such functions: 1) start marker, 2) navigation marker, 3) final marker, 4) renarrative marker, 5) hesitation marker, 6) search marker. The results of the analyze have shown that there is much in common in functions of these linguistic units in Russian and Finnish spontaneous speech. In Finnish form *kato* is more frequent than *katso*, while in Russian *smotri* is more widely used than *posmotri*. As for functions, it is clear that start, navigation and hesitation markers are more frequent than final markers, which can be explained by the semantics of the original verb. Contexts with the function of narrative marker were not found. Further comparative researches of other contact verbs of Russian and Finnish language would be promising.

Keywords: spontaneous speech, verbal pragmatics, oral discourse, contact verbs, Finnish language, Russian language, corpus research.

Введение

Конец XX — начало XXI века по праву считается в современной лингвистике временем возрастания интереса к изучению устной речи разной степени спонтанности, к ее отличительным чертам и особенностям. Кроме этого, особое место в научной литературе в настоящее время занимает изучение условно-речевых единиц устной речи, в частности хезитативов, дискурсивных и прагматических маркеров, и проблема их перевода на другие языки, поскольку их использование в речи отражает в том числе особенности конкретной языковой картины мира и зачастую порождает трудности при подборе эквивалента.

Несмотря на то, что процессы и явления, характеризующие спонтанную речь как таковую, в разных языках имеют общие черты, тем не менее есть ряд различий, которые представляют собой интерес. В этой связи целесообразным кажется обратиться к сравнительному анализу

особенностей устной финской и русской спонтанной речи, а именно функционирования таких маркеров разговорной речи, как контактные глаголы, относящихся к глагольным прагматикам. Данный термин используется в отношении лексем, которые в результате процесса прагматизации перешли на коммуникативно-прагматический уровень языка и стали сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний (Graf 2011, 288–289). При этом в рамках настоящего исследования остановиться хочется на сопоставлении финского глагола *katsoa* и русской глагольной видовой пары *смотреть/посмотреть*.

Понятие контактных глаголов

Е. А. Гришина относит подобные единицы к контактным словам наряду с обращениями и частицами-обращениями (*ну, а*) и понимает под ними «глаголы, привлекающие внимание

адресата к высказыванию (обычно в форме императива или 2 л.)» (Гришина 2007). В то же время Н. В. Богданова-Бегларян отмечает, что контактные глаголы, являясь по сути глагольными прагматами, представляют собой «глагольные формы с ослабленной семантикой, <...> регулирующие речевое взаимодействие между участниками коммуникации (привлечение внимания адресата на начальной стадии установления речевого контакта, поддержание этого контакта в течение разговора и доведение его до логического завершения) и выполняющие в речевом акте различные дополнительные прагматические задачи (вербализация речевого колебания (хезитации), маркирование границ реплики и др.)» (Богданова-Бегларян, Маслова 2019, 160–161). Иначе говоря, контактные глаголы чаще всего выполняют в речи метакоммуникативную функцию. При этом существенную роль играет позиция глагола как внутри реплики, так и внутри всего комплекса реплик (Блинова 2016). В русском языке к таким глаголам чаще всего относят следующие единицы: *знаешь/те, видишь/те, понимаешь/те, представляешь/те (себе), представь/те (себе), (по)слушай/те, (по)смотри/те, (по)гляди/те, прикинь/те, зацени/те, вообрази/те, глянь/те, заметь/те, скажи/те, подожди/те, слышь/те*. Анализ контекстов употребления данной группы глаголов на материале блока «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка позволил определить следующие их функции в спонтанной речи:

- 1) маркер старта;
- 2) навигационный маркер;
- 3) маркер финала;
- 4) маркер ренарратива;
- 5) вербальный хезитатив;
- 6) маркер поиска (Богданова-Бегларян, Маслова 2019).

В финском языке исследователи также отмечают особенности функционирования аналогичных глаголов. А. Хакулинен и Э.-Л. Сеппянен пишут о приобретении разговорной формой *kato* (императив 2 лица единственного числа от глагола *katsoa* 'смотреть') функций частицы в спонтанных диалогах, поскольку в этом случае данная единица утрачивает как семантику, так и синтаксические особенности транзитивного глагола, требующего после себя наличия прямого или косвенного объекта (Hakulinen, Seppänen 1992). Также функции частицы приписываются и форме *kuule* (императив второго лица единственного числа от глагола *kuulla* 'слышать'), которая может выступать как

в начальной, средней, так и финальной позиции реплики (Hakulinen, Eriksson, Lindström 2003).

Материал и методика исследования

Для проведения сопоставления было решено остановиться на рассмотрении глаголов *katsoa* и *смотреть/посмотреть*. В обоих случаях была проанализирована форма императива второго лица, при этом в финском материале предметом исследования станут формы *katso* и *kato* (как более употребительная и частотная в разговорном языке), а в русском — форма *(по)смотри*. Материалом исследования послужили контексты употребления указанных форм как контактных глаголов, т. е. с ослаблением основной семантики, отобранные методом сплошной выборки из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка, а также из корпуса ArkiSyn, представляющего финский разговорный дискурс. Оба корпуса содержат необходимую лингвистическую разметку и позволяют сделать определенные выводы о функционировании единиц в устной речи. После отбора контекстов словоупотребления были проанализированы с точки зрения реализуемости выявленных Богдановой-Бегларян и Масловой функций.

Результаты анализа единиц *katso/kato*

Метод сплошной выборки позволил определить 13 контекстов употребления единицы *katso* и 486 контекстов употребления *kato*. При этом дальнейший более тщательный анализ сократил количество материала для непосредственного исследования. Так, в случае с вариантом *katso* в корпус примеров вошло всего три контекста. Во всех остальных случаях по своей функциональности *katso* было невозможно отнести к контактным глаголам, поскольку сохранялась изначальная семантика, например:

- (1) *pa> nii <pa> sit se saattaa et no katso sieltä ohjeesta katso sieltä infisivulta <pa>* [«ну... тогда может что ну посмотри в той инструкции посмотри на этом инфосайте»];
- (2) *katso mikä kuva* [«посмотри, какая картина»; *здесь и далее перевод наш. — Н. О.*].

Также ряд контекстов был исключен из анализа из-за их повторов, вызванных техническими ошибками системы, или случаев омонимии, например с формой основы при отрицании:

- (3) *se oli tälläi ylhääl em mä mihinkää niinku täl korkeudel katso ku mä kävelen ko just sillai toiste nilkkoihi et jos sullaki olis se tatuointi ollu*

jossai tässä ni enhä mä olis sitä huûmannu [«она была там сверху и я никуда как бы туда высоко не смотрю когда иду только на лодыжки других так что если бы у тебя была эта татуировка где-то там то я бы заметил»].

Таким образом, абсолютная частотность употребления формы *katso* как контактного глагола в контекстах ArkiSyn составляет всего 0,0009%.

Более тщательный анализ оставшихся контекстов показал, что форма *katso* используется для реализации функции маркера старта:

(4) *katso* *ny* <note> *Alpo ottaa pulmapelin Rau-nolta ja alkaa koota sitä*</note> [«ну смотри <note> Алпо возьмет у Рауно головоломку и начнет собирать ее»].

В то же время контекстов использования формы *kato* намного больше, что свидетельствует прежде всего о том, что для спонтанной финской речи в большей степени характерно употребление разговорных форм. Подробный анализ контекстов корпуса ArkiSyn показал, что из 486 случаев лишь 430 подходят для проведения данного исследования, поскольку в 56 случаях единица *kato* или сохраняла свою семантику, или же речь шла о повторе. Таким образом, если говорить о частотности, то она составляет 0,148%, что практически в 165 раз выше показателя для единицы *katso*.

Дальнейший анализ контекстов позволил сделать ряд выводов относительно функций *kato* как контактного глагола. В 35,8% случаев (153 словоупотребления) он является маркером старта, например:

(5) *niin kato* *ku* *siin ol just just nimenomaan tämä takaajatus et et se o helppo keino* [«ну смотри там да да именно была такая мысль что что это простой способ»];

(6) *niin kato* *em mä pysty sit tämän puseron kans syätä mittän kuuma sit tule taas jotkut läiskät hehe* [«ну смотри я не могу с этим свитером есть ничего горячего опять какие-то пятна хе-хе»];

(7) *kato* *mul on sukulaiset tanskas* [«смотри у меня есть родственники в Дании»].

При этом стоит отметить, что для данного использования характерно сочетание *kato* с другими прагматами. Достаточно распространенным является употребление *no* 'ну', *niin/ni* 'ну, так', или *siis* 'так' перед исследуемой единицей, а также *ku/kuin* 'как/когда' после.

В некоторых случаях *kato* встречается в окружении всех упомянутых прагматов, образуя целую прагматическую конструкцию, маркирующую начало реплики:

(8) *nii siis kato ku* *kyllähä meijä isä voi tuua mut* [«ну так смотри как конечно наш папа может прийти но»];

(9) *mm nii noo kato* *eihän se nyt niin nsshhh jes jes mm mt tuota noin öh* [«мм так ну смотри это не ну да да это так ох»].

В последнем примере при этом можно наблюдать также употребление *kato*, сопровождающееся хезитацией, что подтверждает наблюдения относительно русских контактных глаголов (Богданова-Бегларян, Маслова 2019, 167).

В качестве навигационного маркера *kato* встречается в 30,7% случаев (132 словоупотребления), помогая говорящему структурировать свою речь, заново обратить внимания слушателя на свои слова. Часто употребление в этой функции предваряется противительным союзом *mutta* 'но':

(10) *niin tota mä luulen et se on se mut kato siinä* *nän se vitsi just onki et ku mulkaan ei ollu mitään käsitystä et mitä siel on mhh* [«ну так я думаю, что это оно но смотри там такая штука на самом деле что у меня нет никакого представления что там»];

(11) *karmet pölypallerot th mut kato* *mä aateli et mä sun e lauaintaina siivoisin ku mä oon täällä vähän* [«змеиные шарики пыли но смотри я думал(а) что я в вос... э... субботу наведу порядок когда буду здесь немного»].

Также в этой же функции *kato* часто сопровождается единицей *kun/ku*, как и в предыдущем случае. Стоит отметить, что финские исследователи относят в данном случае *kun/ku* к комплементаторам (Hakulinen, Serpänen 1992), т. е. выполняющим функцию объекта, что свидетельствует о неполной десемантизации.

Реализация *kato* как маркера финала встречается намного реже, а именно в 8,83% случаев (38 словоупотреблений), при этом чаще всего в эллиптических конструкциях:

(12) *ja täällä kato* [«и вот..смотри»];

(13) *voi tässä on kato* [«ой вот смотри»];

(14) *tää on nii kato* [«вот так смотри»].

В данном случае кажется, что *kato* приобретает значение «понимать», «представлять».

В оставшихся 24,5% случаев (105 словоупотреблений) функцию *kato* можно описать как заполнение паузы хезитации, тесно связанное с поиском подходящего слова. Во многих случаях по контексту сложно определить, чем именно вызвана хезитация. Кроме этого, прослеживается тенденция употребления других маркеров хезитации, повторы, самоперебивы и пр.:

(15) *ku ei se kato kato nimiä et hän katsoo vaan et tos on* [«когда это не смотри смотри имя что он (она) смотрит только что там»];

(16) *mhy hy <pa> no kato ny <pa> <note> Teppo esittelee käsivarsiaan Villelle* [«хм хи <пауза> ну смотри сей... <пауза> Теппо протянет ладонь Вилле»];

(17) *<pa> vitsit katok kato hirvee kiire mä oon kato ens viikon kato katom mä lähen tonne t <pa> ulkomaillek kato et mull o hirvee kiire et mä e ehi kato* [«<пауза> шутишь смотри смотри ужасная спешка я смотри на следующей неделе я смотри отправляюсь туда ту... <пауза> за рубеж смотри что у меня ужасная спешка что я не не успе... успеваю смотри»].

В данных контекстах *kato* практически не употребляется с *kun/ku*, что, по мнению Хакулинен, свидетельствует о процессе перехода этой формы в разряд частиц и практически полной потере глагольной семантики (Хакулинен, Seppänen 1992).

Контекстов употребления в функции маркера ренарратива среди примеров, отобранных из корпуса, не было обнаружено.

Подводя итог, можно сказать, что анализ показал, что контактный глагол *katsoa* чаще предстает в разговорной форме *kato* как прагматема, реализуя функцию стартового, навигационного и финального маркеров, а также вербального хезитатива. При этом в первых трех случаях процесс десемантизации происходит не до конца, в отличие от ситуации, когда *kato* функционирует как хезитатив.

Результаты анализа единиц «смотри/посмотри»

Для анализа функций видовой пары *смотри/посмотри* из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка также были отобраны контексты методом сплошной выборки. При этом отбор производился из той части корпуса, которая представляет устную непубличную речь, поскольку именно она является наиболее естественной и спонтанной.

Таким образом, первоначально в область внимания попали 572 контекста употребления формы *смотри* и 283 случая для единицы *посмотри*. Однако дальнейший анализ сократил количество исследуемых примеров до 132 и пяти соответственно. В остальных случаях единицы *смотри/посмотри* встречались с сохранением семантики даже для привлечения внимания, то есть установления контакта, например:

(18) Люд/ иди **посмотри**/ кто-то пришел/ по-моему/ иди **посмотри**;

(19) Где твоя кукла. По-моему кукла где-то здесь оставалась. Иди-ка **посмотри** в своей комнате;

(20) Жуть какая. Еще воду как назло отключили. **Смотри** как за окошком красиво/ да? Как кружевное все;

(21) Немецкий и... Ой/ **смотри**/ мне шашлык принесли.

В остальных случаях данные единицы реализуются в контекстах как прагматемы, выполняющие различные функции. При этом частотность употребления единицы *смотри* в такой роли составляет 0,006%, в то время как *посмотри* используется намного реже (частотность составляет всего 0,00003%).

В большем количестве случаев (79 контекстов из 132) *смотри* является маркером старта, при этом употребляясь не изолированно, а в окружении других хезитативов (*ну, вот, короче, значит*):

(22) **Вот/ смотри**/ они нам не засчитали/ потому что;

(23) **Ну смотри**/ машину надо? Надо! Квартиру надо? наш/ этот/ выше плеча/ говорят/ за... этот ключу-то;

(24) **Вот смотри**/ значит/ появляются поколения/ которые не знали/ что такое наши восьмидесятые годы/ они носят марки;

(25) **Вот смотри** короче/ здесь все переведено/ надо ответить на вопросы/ вот тут текст.

Значительно реже *смотри* используется как навигационный маркер — 21,9% словоупотреблений (29 случаев), при этом в большинстве случаев говорящий меняет при этом тему разговора или переходит к другой мысли:

(26) Ладно/ перенесу ее пораньше. Часа на четыре. Так/ **смотри**... В половину шестого закончу...;

(27) В принципе можно/ я даже за/ но **смотри**
девчонки обидятся/ что не позвали.

Судя по результатам анализа, функция маркера финала не является типичной для этого контактного глагола — всего в 5 случаях, что составляет примерно 3,8%:

(28) У меня/ кстати/ есть шедевральная эпопея/ **смотри**;

(29) Правильно/ ну вот **смотри**...;

(30) А. Вот. Ну **смотри**.

При этом зачастую **смотри** в данной функции также предваряется другими хезитативами и дополнительными паузами.

Использование исследуемой единицы в качестве маркера ренарратива не встретилось в контекстах. Однако зафиксировано несколько случаев (5), в которых **смотри** употребляется при передаче чужой речи как стартовый маркер, например:

(31) Она уже это/ вот grit/ **смотри**/
а в самом деле/ ты сказал шо/ это самое/ что
малярией не ра... / это самое не болеют/ так
это;

(32) Ну я не знаю/ ну как бы ну... Он такой/
«Ну **смотри**. Может/ ты отменишь поездку
и будешь участвовать в конкурсе».

Оставшиеся контексты (12,1%, 16 словоупотреблений) представляют заполнение пауз хезитации разного рода, при этом однозначно трактовать тот или иной случай как маркер поиска не представляется возможным:

(33) Ну вот/ а если/ **смотри**... Просто блин/
если было бы это/ например/ последняя пара;

(34) Я аа я ну/ не знаю/ я хотел сначала...
смотри/ спустя там в парикмахерскую/ диск
купить/ фотографии тебе перекинуть...

В то же время форма совершенного вида *посмотри*, как уже отмечалось выше, используется значительно реже (в 26,5 раз). При этом наблюдается реализация следующих функций:

1) стартовый маркер:

(35) **Посмотри**/ предложи/ подумаем вместе//
Че мы там говорили-то?

2) навигационный маркер:

(36) Господи/ он издевался над всеми над свя-
тыми/ всех он бил/ ить **посмотри** сейчас/

ты вот не читаешь/ не веришь этому/
а святых-то ить всех он/ как они мучили/
как они издевались;

3) маркер финала в составе конструкции *ты посмотри*:

(37) Иди/ погуляй. Ну куда ж ты? Какой ты
нетерпеливый прям/ ты **посмотри**!

Подводя итог, можно сказать, что наиболее частотной для контактного глагола (*по*)**смотри** является функция стартового маркера, что, возможно, объясняется исходной семантикой глагола.

Выводы

Если сопоставить результаты анализа финского и русского контактных глаголов, можно сделать вывод о том, что в их функционировании много общего, что говорит о несомненной типологической и структурной близости данных явлений в исследуемых языках. В обеих речевых культурах наиболее часто встречающейся функцией данных единиц является маркер старта. Скорее всего, это можно объяснить тем, что в данном случае десемантизация происходит не полностью. Интересной особенностью также является и то, что в обоих языках исследуемые формы окружают другие хезитативы, частотные для спонтанной речи.

Также важно отметить, что в каждом из языков чаще встречается какой-то один вариант: в финском языке это *kato*, в русском — **смотри**. Однако причины этого разные. Финская единица *kato* является более частотной, чем *katso*, во многом в силу того, что сама по себе представляет собой маркер разговорной речи и, соответственно, чаще употребляется в устной спонтанной речи, чем более литературный и нормативный вариант *katso*.

В случае с русской видовой парой (*по*)**смотри** более употребительным является вариант **смотри**. М. Д. Воейкова связывает это с большей десемантизацией форм несовершенного вида (Воейкова 2015).

Указанные особенности целесообразно учитывать при переводе, в частности, художественных текстов, содержащих устную речь героев, кинофильмов и пр. В дальнейшем кажется перспективным провести подобное исследование относительно других контактных глаголов финского и русского языков в компаративном аспекте, а также более подробно проанализировать тенденции их употребления внутри конкретной речевой культуры.

Источники

- Устный корпус. *Национальный корпус русского языка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html> (дата обращения 17.01.2021).
- ArkiSyn Database of Finnish Conversational Discourse. *META-SHARE*. [Online]. Available at: <https://metashare.csc.fi/repository/browse/arkisyn-database-of-finnish-conversational-discourse/dc30c186b0dd11e3b5d6005056be118ebcc745e7f57844a695637d9ddcea7253/> (accessed 17.01.2021).

Литература

- Блинова, О. В. (2016) Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как «коммуникативные девайсы». В кн.: *XLV Международная филологическая научная конференция: Тезисы докладов (14–21 марта 2016 г.)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 615–616.
- Богданова-Бегларян, Н. В., Маслова, Е. Р. (2019) Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. 3, № 15, с. 158–184.
- Воейкова, М. Д. (2015) Варьирование форм СВ/НСВ в императиве: анализ факторов. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. 11, № 1, с. 539–564.
- Гришина, Е. А. (2007) О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка, www.ruscorpora.ru). В кн.: Л. Л. Иомдин, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 года)*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, с. 147–157.
- Graf, E. (2011) *Interjektionen im Russischen als interactive Einheiten*. Frankfurt am Mein: Peter Lang-Verlag, 328 S.
- Hakulinen, A., Seppänen, E.-L. (1992) Finnish kato: From verb to particle. *Journal of Pragmatics*, vol. 18, no. 6, pp. 527–549. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90118-U](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90118-U)
- Hakulinen, A., Eriksson, K. L., Lindström, J. (2003) Kuule, kule, hördu projicerande partiklar i finska, estniska och svenska. In: B. Nordberg, L. K. Eriksson, K. Thelander, M. Thelander (eds.). *Grammatik och samtal*. Uppsala: Uppsala Universitet Publ., pp. 199–218.

Sources

- Ustnyj korpus [Corpus of Spoken Russian]. Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]*. [Online]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html> (accessed 17.01.2021). (In Russian)
- ArkiSyn Database of Finnish Conversational Discourse. *META-SHARE*. [Online]. Available at: <https://metashare.csc.fi/repository/browse/arkisyn-database-of-finnish-conversational-discourse/dc30c186b0dd11e3b5d6005056be118ebcc745e7f57844a695637d9ddcea7253/> (accessed 17.01.2021). (In Finnish)

References

- Blinova, O. V. (2016) Slushaj, smotri, podozhdi, skazhi, izvini: chastotnye imperativy kak “kommunikativnye devajsy” [Listen, look, wait, say, I’m sorry: Frequency imperatives as “communicative devices”]. In: *XLV Mezhdunarodnaya filologicheskaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 14–21 marta 2016 g.: Tezisy dokladov [XLV International philological conference, Saint Petersburg, 14–21 March 2016: Abstracts]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 615–616. (In Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N. V., Maslova, A. A. (2019) Russkie kontaktnye glagoly v ustnoj spontannoj rechi: ob'em slovnika i funktsional'no-semanticheskoe raznoobrazie [Russian contact verbs in oral speech: Glossary and functional and semantic variety]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij — Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. 3, no. 15, pp. 158–184. (In Russian)
- Graf, E. (2011) *Interjektionen im Russischen als interactive Einheiten*. Frankfurt am Mein: Peter Lang-Verlag, 328 S. (In German)
- Grishina, E. A. (2007) O markerakh razgovornoj rechi (predvaritelnoe issledovanie podkorpusa kino v Natsional'nom korpuse russkogo yazyka, www.ruscorpora.ru) [The spoken Russian markers (Preliminary investigation of the Movie subcorpus of the Russian National Corpus, www.ruscorpora.ru)]. In: L. L. Iomdin, N. I. Laufer, A. S. Narinyani, V. P. Selegey (ed.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog 2007” (Bekasovo, 30 maya — 3 iyunya 2007 g.) [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International conference “Dialogue 2007” (Bekasovo, 30 May — 3 June 2007)]*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., pp. 147–157. (In Russian)
- Hakulinen, A., Seppänen, E.-L. (1992) Finnish kato: From verb to particle. *Journal of Pragmatics*, vol. 18, no. 6, pp. 527–549. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(92\)90118-U](https://doi.org/10.1016/0378-2166(92)90118-U) (In Finnish)

- Hakulinen, A., Eriksson, K. L., Lindström, J. (2003) Kuule, kule, hördu projicerande partiklar i finska, estniska och svenska [Kuule, kule, hördu projecting particles in Finnish, Estonian and Swedish]. In: B. Nordberg, L. K. Eriksson, K. Thelander, M. Thelander (eds.). *Grammatik och samtal [Grammar and conversation]*. Uppsala: Uppsala Universitet Publ., pp. 199–218. (In Swedish)
- Voejkova, M. D. (2015) Var'irovanie form SV/NSV v imperative: analiz faktorov [Variation of Perfect/Imperfect forms in imperative: Factor analysis]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij — Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 539–564. (In Russian)

UDC 81.111

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-62-68>

The creative remembering of the self: Spatial and temporal characteristics of Will Self's "Walking to Hollywood: Memories of before the fall" and Ben Lerner's "10:04"

M. A. Yalovenko✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Maria A. Yalovenko,
SPIN: 8557-6391,
ORCID: 0000-0003-3299-8736,
e-mail: remarka123@rambler.ru

For citation:

Yalovenko, M. A.
(2021) The creative remembering
of the self: Spatial and temporal
characteristics of Will Self's
"Walking to Hollywood: Memories
of before the fall" and Ben Lerner's
"10:04". *Language Studies and
Modern Humanities*, vol. 3, no. 1,
pp. 62–68.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-62-68>

Received 12 November 2020;

reviewed 5 December 2020;

accepted 23 December 2020.

Copyright: © The Author (2021).

Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. In the present paper we make an attempt to define the phenomenon of autofiction as opposed to the well-established notion of autobiography, that over the last number of years has sparked off considerable debate about factual and fictional in life-writing, with the latter becoming of a major interest to literary researchers and cognitive linguists.

The purpose of the analysis of the above-mentioned texts is to compare and possibly contrast them, while investigating the self-centered, individualized nature of autofiction, as it manifests itself in these long and exhausting trips through time and space.

Since the texts in question proved to demonstrate a certain ontological instability, we argue for the existence of the "impossible worlds" within the autofictional text, that is, not only it signals the confrontation between the actual ("real") world and fictional world, but also between the fictional world and the "impossible world" as part of a broader concept of "unnatural narrative". "Unnatural narrative", in turn, allows for further investigation of "unnatural temporalities" and "antimimetic spaces" which has become the focal point of the present research.

The results summed up in this paper confirm the importance of techniques and strategies employed by the authors in constituting the alternative type of self-narration, with the fictional prevailing over the factual.

Keywords: autobiographical pact, autofiction, narrative transgressions, impossible worlds, unnatural temporalities, antimimetic spaces.

Introduction

A "memoir-boom" of the late nineties and the beginning of the new millennium as termed by Leigh Gilmore has in the recent years given way to what is referred to as "autofiction". And if it's not what autobiography implies then what is this anyway? Other notions of this type of creative self-writing or self-narration may also include *autobiografiction*, *autofabrication*, and *heteronymity* (Saunders 2010) stressing the idea of its fictional nature prevailing over factuality.

The term "autofiction" invented by the French writer Serge Doubrovsky back in the '70s, has entered the theoretical vocabulary of literary studies as a way of, arguably, describing the interplay between autobiography and fiction.

First introduced in Doubrovsky's novel "Fils", not only did it aim to distinguish this work from other forms of creative writing, but also from somewhat straightforward forms of autobiography (see the groundbreaking research by Philippe Lejeune which defined the most general conventions of autobiography) (Lejeune 1989).

Catherine Cusset, a highly-acclaimed French novelist, comments upon the term in her conference paper "The Limits of autofiction": "In July 2009 I went to a conference on autofiction at Cerizy and I was surprised to find out that the word 'autofiction' could have contradictory meanings whether the focus was on the prefix 'auto' or on the radical 'fiction'. And then "A memoir tells the reader what happened. The writing is usually clear, simple, factual, descriptive. An autofiction brings the reader

inside what happened. The writer does it through the rhythm of the writing. It's a different address. A different movement" (Cusset 2012, 1).

Over the last couple of decades examples of literary works as accounts of events and opinions experienced by the authors that are radically re-worked and creatively modified with the help of the strategies of fictionalization have sprung into existence all over in the US, Canada, Western Europe, specifically in France and Germany.

In "Mental worlds of a literary text: ontology and representation" V. Kleymenova argues that "the study of the mental world of a literary text can basically be limited to two problematic areas of research, one of which is ontological which is the problem of correlation between objective reality and the results (products) of the mental activity of a creative person, and the second of the two is linguistic – the problem of choosing linguistic means to represent an individual model of reality" (Kleymenova 2018, 142) (*all translations are mine, unless otherwise stated. — M. Ya.*). This idea of correlation is specifically applicable to the notion of autofiction in the light of ongoing discussions regarding "fact and fiction, the real and the 'made up' in this type of life writing (Ferreira-Meyers 2018, 33).

And speaking of the autobiographical pact with regard to *fact-fiction* opposition we may well consider what Sarah Foust Vinson writes in her article "Lives in Story: Tim O'Brien's *The things they carried*": "Autofiction, <...> shifts the meaning of the autobiographical pact, not through entirely throwing out the promise of truth, but by redefining what "truth" means, while also helping the reader recognize the shift that is occurring" (Vinson 2018, 148). "Walking to Hollywood: Memories of before the fall" by the English author Will Self (Self 2010) and "10:04" by the American poet and novelist Ben Lerner (Lerner 2014), both written in the first person, suggestively fall into the category of autofiction, however if we try to avoid calling them so they can also be referred to as a fictionalised memoir, or a comic tale inserted into the autobiographical reality.

The strong positions of the texts

Before we probe deeper into the concepts of time and space in these two texts, it's worth mentioning that they both have eye-catching titles, especially if we regard the so-called "strong positions of the text" (Chemodurova 2019). The title "Walking to Hollywood: memories of before the fall" (Self 2010) doesn't signal the autobiographical nature of the text, it's only the key-word "memories" that might give the readers a hint. But whose memories

are those? As Z. Chemodurova points out "the title of the text <...> might involve the readers into a certain game of decoding" which seems to be the case here. A number of *peritexts* (the elements within the book such as titles, forewords, afterwords etc. conveying certain messages) (Genette 1997) adds to what Bran Nicol calls "intrusion on the reading experience" (Nicol 2018, 269): there is a disclaimer at the beginning that warns against comparing its characters with "living people" declaring the 'author's delusions' straight away:

E. g. (1) While the names of some real persons are used for characters in this text, these characters appear in fictionalized settings that are manifestly a product of the narrator's delusions (Self 2010).

The Afterword suggests blending of two realms: the fictional universe (that is, as we've learnt earlier, "manifestly a product of the narrator's delusions") and the real world reflected by means of embedding "externally verifiable reality" (Dix 2018, 13) in which the "I" of the book recollects a fatal stabbing of a 18-year old black man which happened in his neighborhood and the room where he typed is "encircled by homicides", as there had been a number of killings over the few years in the area where he lived:

E. g. (2) Over the preceding few years I had a growing sense of the room where I typed being encircled by homicides: the woman whose smouldering corpse was found in the local park — the victim of an 'honour' killing; the young woman strangled in her workplace shower down the road in Vauxhall; the kid shot in his flat at Clapham North by gang members; the doorman of a club on the Wandsworth Road shot in a drive-by; and, of course, the young Brazilian electrician shot by police seven times at point-blank range in the nearby tube station (Self 2010, 431).

What this "meta-reference" (Gass 1970; Scholes 1970) does is it foregrounds the author's artistic praxis which draws readers' attention to "I" as the author's real-life persona over the "I" of the autofictional author-character that can be referred to as the "mask of the author" — "the communicative and pragmatic center of metafictional narratives" — or the "autofictional mask" as far as the concept of autofiction is concerned. (Chemodurova 2013, 160).

The title "10:04" (Lerner 2014), at first glance, may serve as a symbolic expression of the key-concept of the text, an opener for the theme of time. Here the author makes a hidden allusion to the movie "Back to the Future", so it's only when it is

mentioned later in the book, that the reader realizes that the title refers to the film scene where the lightning strikes the courthouse clock tower, freezing the clock at 10:04, releasing Marty McFly, the protagonist of the movie, from the year 1955 and returning him to the future of 1985, which is his present, and the readers' past. This and other similar intertextual inclusions stress the semiotic dimension of the text (see the term "razgermetizatsiya" in Chernyavskaya 2004, 107; Andreeva 2019, 4) which seems rather fitting, as Claire Boyle argues "in the reversal of the priorities associated with autobiography, autofiction participates in a valorization of the imagination which takes precedence over and commitment to representing an extra-textual reality" (Boyle 2017, 123).

Unlike "Walking to Hollywood", "10:04" has no disclaimer, however, in the acknowledgements section at the end of the book the author states:

E. g. (3) Time in this novel (when The Clock was viewable in New York, when a particular storm made landfall, etc.) does not always correspond to time in the world (Lerner 2014, 244).

Being a graphic (visual) means of foregrounding, black and white photographs in "Walking to Hollywood" seem to add a documentary feel, engaging readers' curiosity as if the photos were taken on someone's actual trip. Those are a random set of photos: a close-up shot of a sofa with a crumpled piece of bedding on it followed by an image of a flock of black birds frozen with their wings spread under the glass ceiling looking creepy as if this was a scene from a famous Hitchcock's movie. In "10:04" there aren't as many photos and they mainly are colour ones and have captions referring readers to the future, not only providing a real world context for the narrative, but also adding to a complex layering of time-frames of it: e. g. an image of a female NASA astronaut captioned "Pulling us into the future" (Lerner 2014, 16), an image of a woman's hand "being pulled into the future" captioned "The presence of the future" (Lerner 2014, 10).

Spatial collapse

B. Richardson's arguing that "antimimetic or antirealist modes of narrative representation play with, exaggerate, or parody the conventions of mimetic representation; often, they foreground narrative elements and events that are wildly implausible or palpably impossible in the real world" (Richardson 2012, 20) may serve as an explanation for the complexity of the narratives under

investigation, that is chiefly the result of spatial and temporal experimentation.

Will Self's "Walking to Hollywood: memories of before the fall" consists of three parts ("Very Little", "Walking to Hollywood" and "Spurn Head" respectively) each of which represents a walk taken by the first-person narrator called Will Self, the second one being the longest and, perhaps, the most intense and absurd one. These walks seem not to be related to one another, but if we take a closer look we'll see that, as a matter of fact, the first and the third parts provide a context for the second one. Moreover, each part itself presents certain narratological challenges. In keeping with Richardson's exhaustive explanation of how antimimetic narrative works ("it may dispense with a single, consistent, human-like speaker, using only inconsistent, nonhuman, or collapsed voices; it may represent insubstantial or inconsistent fictional artifices rather than human figures; it may recount events that seem unworthy of being narrated or that are hopelessly confused or contradictory; it may locate these events in an unrecognizable kind of world") (Richardson 2012, 22), it is fitting that this piece of writing starts with a warning that this is a product of the author's delusions, as all the above-mentioned criteria are applicable to the text, at least to some extent. As far as the geographical spaces are concerned, the events take place in a number of places, including Toronto, Los Angeles, London and Holderness coastline (East Yorkshire), which are the elements of the real world, however they seem to get dissolved in the fictional versions of them, with LA standing out as being highly likely hallucinated by the protagonist.

Constantly challenging the standard proportions of the real world, Will Self presents his reader a fictional version of it that imitates a movie-set with the never-ending array of cinematographic works being produced. Echoing the Shakespearean's "All the world's a stage, And all the men and women merely players"¹. Will Self suggests a similar, yet a reworked, modern-day version of this concept, which if put into words would sound somewhat like *All the world's a movie-set, And all the men and women merely computer-generated images*.

In "Postmodernist Fiction" B. McHale analyses the phenomenon of "heterotopia" with regard to the concept of space in fiction: "Only the sort of space where fragments of a number of possible orders have been gathered together — the space

¹ Shakespeare, W. (2019) As you like it. In: Dr. B. A. Mowat, P. Werstine (ed.). *Folger Shakespeare Library*. New York: Simon & Schuster, 368 p.

which Michel Foucault (1966) has called a heterotopia” (McHale 1987, 33).

Now, what we may arguably see in the second part of the book is the authorial reinvention of Los Angeles as a heterotopia based on its world-wide status of one of the most prominent America’s landmarks and a unique universe it has within – Hollywood, often referred to as a “dream factory”, the place producing fictions.

Witnessing the narrator’s attempt to produce “an experimental film” (Self 2010, 174) of his journey and him being subsequently immersed in fiction goes in line with McHale’s observation: “space here is less constructed than deconstructed by the text, or rather constructed and deconstructed at the same time” (McHale 1987, 60).

A recurrent theme of travelling, by car in this instance, is once explained as the process of either a real-world observation or a world-modeling or world creation suggestive of either of the two roles assigned to anyone who is in it — a passive observer in the audience or a creator:

E. g. (4) I’m speaking figuratively: windscreens are screens, after all — or lenses. Vehicular transport is either a cinema that you sit in passively while the world is shown to you, or else, if you drive, you’re operating a camera, directing the movie of your journey (Self 2010, 124).

The words ‘screens’, ‘camera’ and ‘lenses’, all belonging to the same semantic field of ‘filmmaking’ involve the reader deeper into the “game of make-believe” (Chemodurova 2018, 13).

In “Very Little” Will revisits his North London youth by recounting his relationship with the childhood friend, now a vertically challenged sculptor Sherman Oaks who has become famous for creating body parts in his own image. This impairment of his friend becomes a point of reference for all distortions of scale manifesting themselves here and there with which the protagonist is admittedly preoccupied:

E. g. (5) My obsessions with bigness, with littleness, with all distortions in scale — surely this was only a spatial expression of my own arrested development? (Self 2010, 35)

As the story progresses, Will keeps losing touch with reality, becoming gradually unable to consider anything average, of medium size, level or amount ending up in a complete denial of standards, inviting the reader into a parallel world of limitless possibilities:

E. g. (6) I contended that I could sign my name on a dust mote and play billiards with Higgs bosons while simultaneously apprehending the sixty-mile span of the Middlesex tertiary escarpment (Self 2010, 110).

In “Spurn Head” exaggerations and distortions of all kinds turn “Spurn”, that is known as a narrow island located off the tip of the coast of the East Riding of Yorkshire, into another unnatural space explicitly referencing the reader to Jonathan Swift’s “Gulliver’s Travels”². The merging of the two made-up universes as the protagonist meets the Struldbrug, an immortal creature from the “Gulliver’s Travels”, at the coastal line in the end of the chapter seems fitting as it foregrounds the idea of space and distance being relative, as we can create as many worlds as our psyche would allow us, which is hugely the work of our imagination. This “transmigration” phenomenon is what Jan Alber refers to as “ascending metalepsis” as part of a broader notion of “ontological metalepsis” (“a fictional character literally transmigrating from an embedded fictional text into the primary storyworld”) (Alber 2016, 204).

The readers encountering such impossible scenarios, however, may be “led to states of cognitive disorientation” (Alber 2016, 216). Self toys with readers’ sense of reality taking them by surprise every now and then, but as Marjorie Worthington warns: “in the current moment, most contemporary readers are not confused by the autofictional nature of a text because they are equipped — perhaps through frequent practice — to comprehend the liminal nature of autofiction and, for that matter, of fiction and memoir as well” (Worthington 2018, 16), which implies that the readers “engage in only a partial suspension of disbelief” (Worthington 2018, 153).

Temporal distortion

Whereas in “Walking to Hollywood” it is the disruption of spatial orientation that interests us the most in this research, in Ben Lerner’s novel “10:04” it is unnatural temporal organization of the narrative that becomes a focal point for us.

It comprises five parts, arranged loosely, that is, it does not unfold chronologically, but rather shifts back and forth occasionally turning into what in its form resembles poems, but does not rhyme. The idea of the “unnatural” temporality of the original text is corroborated by the embedded text entitled “To the future” co-written by Roberto Ortiz,

² Swift, J. (2005) *Gulliver’s Travels*. New York: Oxford University Press, 432 p.

a third-grader, a student of the protagonist: dinosaurs as the symbolic species of the past once discovered by paleontologists serve as reminders of science that's:

E. g. (7) "on the move with its face to the future" (Lerner 2014, 229).

Trapped in time between the two hurricanes Irene and Sandy, with the latter never mentioned in the text, "10:04" tells a story of Ben, the first-person narrator, a well-regarded poet, who leads a routine existence in New York. Recognizing the hurricanes as actual historic events, the reader can easily track down the time span of a year between the two of them. The striking similarity of the events following the arrivals of the two storms confronts the readers with what Jan Alber calls a "circular temporality", as the story returns to its beginning creating "an endless temporal loop" (Alber 2016, 53).

As cyclone Irene approaches New York, the city moves into a state of emergency and Ben and his best female friend name Alex stay the night at her place. He describes how they prepare for the hurricane:

E. g. (8) we did most of the things we were told: filled every suitable container we could find with water, unplugged various appliances, located some batteries for the radio and flashlights (Lerner 2014, 20).

The following morning, disappointed at the failure of the storm, Ben reflects on what happened last night and states:

E. g. (9) Because those moments had been enabled by a future that had never arrived, they could not be remembered from this future that, at and as the present, had obtained; they'd faded from the photograph (Lerner 2014, 24).

The word "future" placed in the grammatical context of the Past Perfect Tense distorts the sense of chronological relationships between these temporal elements as we perceive them in the real world.

At the end of the book another storm comes, and Ben and his friend Alex once again hide from it at her place:

E. g. (10) Again we did the things one does: filled every suitable container we could find with water, unplugged various appliances, located some batteries for the radio and flashlights, drew the bath (Lerner 2014, 229).

And once again the storm failed (in fact, as the narrator later admits, it did not, it just went past the area they were in but damaged other places in the city rather severely making him question their existence in here and now):

E. g. (11) Another historic storm had failed to arrive, as though we lived outside of history or were falling out of time (Lerner 2014, 230).

Only being half way through the book or closer to its end, the reader can make sense of a Hasidic quote used as an epigraph, that forms a lead-in to the concept of the cyclic time:

E. g. (12) The Hassidim tell a story about the world to come that says everything there will be just as it is here. Just as our room is now, so it will be in the world to come; where our baby sleeps now, there too it will sleep in the other world. And the clothes we wear in this world, those too we will wear there. Everything will be as it is now, just a little different (Lerner 2014).

If Will Self is admittedly obsessed with "bigness and littleness" that has to do with the spatial dimension of the world(s) he presents, Ben has enthusiasm for the times to come to the point of obsession: he manipulates the narrative order shifting between the present and the past projecting whatever happens or happened into the future and in doing so, he employs one of the types of chronological deviations — prolepsis or flashforward. On their walk through the city on one of the following days as the storm ceased, the narrator suddenly flashed back to what the reader might decipher as the disastrous accident which happened on the 28th of January in 1986 when the Space Shuttle Challenger was launched with seven crew members aboard and ended the trip just 73 seconds later in an explosion. Although he never mentioned it in the text, the phrase "I want to say something to the schoolchildren of America" refers the readers to the consolation speech of the then US President, Ronald Reagan, who specifically addressed the schoolchildren, stressing the idea of the losses being a part of "the process of exploration and discovery" for the sake of the future advances. Reducing the emotional impact and turning to the seemingly more trivial discourse, Ben then uses this phrase to start a long and exhaustive description of what will happen next on that very day after they reach Brooklyn:

E. g. (13) I want to say something to the school-children of America: In Brooklyn we will catch

the B63 and take it up Atlantic. After a few stops, I will stand and offer my seat to an elderly woman with two large houseplants in black plastic bags. My feet will ache only then, my knees stiffen a little. A snake plant, a philodendron. Everything will be as it had been <...> (Lerner 2014, 239).

The very final paragraph within this long description projected onto the future makes the readers watch the narrator's voice dissolve, as if reflecting the final win of the subjectivity over the stable identity:

E. g. (14) Sitting at a small table looking through our reflection in the window onto Flatbush Avenue, I will begin to remember our walk in the third person, as if I'd seen it from the Manhattan Bridge, but, at the time of writing, as I lean against the chain-link fence intended to stop jumpers, I am looking back at the totaled city in the second person plural. I know it's hard to understand / I am with you, and I know how it is (Lerner 2014, 240).

As we've previously seen in Self's text, the mechanism of the mask of the author (which we took the liberty of referring to as "the autofictional mask") is also to be found in Lerner's "10:04" that Brian McHale describes as "a division between the authentic self and an inauthentic role or mask" (McHale 1987, 215). Addressing the reader (*I am with you*), the narrator seems to "cross the border", as if joining those in the audience and in doing so he tries to assert an internal distance from his former self to finally become as objective and analytical as possible.

Conclusions

In this article we have attempted to briefly define autofiction as the international literary phenomenon of the recent years. Through our analysis of spatial and temporal aspects of Lerner and Self's works, we hope to have demonstrated the peculiarities of the narratives that signal "fictional" in these "life-writings". The authors' employment of autofictional techniques illuminates the important distinction between fictional and nonfictional elements within the text, as perceived by the readers. Following the concept of "unnatural narratives", we have touched upon the notions of "antimimetic spaces" and "unnatural temporalities" (Alber 2016). The findings of this work include the strategies and/or mechanisms that may be viewed as responsible for blurring the boundaries between the fictional and nonfictional domains and thus making it no longer possible to refer to the texts under investigation as "autobiographies" in Lejeune's sense of the word, with regard to the spatial and temporal characteristics. Among those we regard: intertextual inclusions, significant peritextual elements, "antimimetic" or "antirealist" modes of narratives, the mechanism of the mask of the author (the "autofictional mask"), a game of "make-believe", ascending metalepsis and circular temporality.

Another important characteristic relevant to defining autofiction is the concept of identity or selfhood and the ways it manifests itself in a narrative. Further research on the topic will arguably yield more evidence that autofiction can be considered a new type of the text (genre) as opposed to autobiography.

Sources

Lerner, B. (2014) *10:04*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 256 p. (In English)

Self, W. (2010) *Walking to Hollywood: Memories of before the fall*. London: Bloomsbury Publ., 432 p. (In English)

References

- Alber, J. (2016) *Unnatural narrative. Impossible worlds in fiction and drama*. Lincoln: University of Nebraska Press, 320 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1d4v147> (In English)
- Andreeva, V. A. (2019) *Literaturnyj narrativ: zona formirovaniya smyslov [Literary narrative: The zone of the meanings formation]*. Moscow: Lennex Corp. Publ., 320 p. (In Russian)
- Boyle, C. (2017) *Consuming autobiographies: Reading and writing the self in Post-war France*. London: Routledge Publ., 186 p. (In English)
- Chemodurova, Z. M. (2013) Refleksivnaya avtorskaya igra v metaproze [The authorial reflexive play in metafiction]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina — Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 160–171. (In Russian)
- Chemodurova, Z. M. (2018) Teaching Postmodernist fiction. In: C. Haase, N. Orlova, J. C. Head (eds.). *The foundations and versatility of English Language Teaching (ELT)*. Cambridge: Cambridge Scholars Publ., pp. 233–250. (In English)
- Chemodurova, Z. M. (2019) The mechanisms and types of foregrounding in Postmodernist fiction. In: C. Haase, N. Orlova (eds.). *English Language Teaching through the lens of experience*. Cambridge: Cambridge Scholars Publ., pp. 277–294. (In English)

- Chernyavskaya, V. E. (2004) Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoj otkrytosti [Intertext and interdiscourse as a realization of text semantic openness]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki — Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 106–111. (In Russian)
- Cusset, C. (2012) The limits of autofiction. [Online]. Available at: <http://www.catherinecusset.co.uk/wp-content/uploads/2013/02/THE-LIMITS-OF-AUTOFICTION.pdf> (accessed 26.10.2020). (In English)
- Dix, H. (2018) Introduction: Autofiction in English: The story so far. In: H. Dix (ed.). *Autofiction in English*. Cham: Palgrave Macmillan Publ., pp. 1–23. https://doi.org/10.1007/978-3-319-89902-2_1 (In English)
- Ferreira-Meyers, K. (2018) Does Autofiction belong to French or francophone authors and readers only? In: H. Dix (ed.). *Autofiction in English*. Cham: Palgrave Macmillan Publ., pp. 27–48. https://doi.org/10.1007/978-3-319-89902-2_2 (In English)
- Gass, W. H. (1970) *Fiction and the figures of life*. New York: Knopf Publ., 288 p. (In English)
- Genette, G. (1997) *Paratexts: Thresholds of interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 427 p. (In English)
- Kleymenova, V. Yu. (2018) Mental'nye miry khudozhestvennogo teksta: ontologiya i reprezentatsiya [Mental worlds of a fictional text: Ontology and representation]. In: I. A. Shchirova (ed.). *Yazyk i tekst v antropomernoj nauke [Language and text in anthropometric science]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., pp. 142–165. (In Russian)
- Lejeune, Ph. (1989) *On autobiography*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 289 p. (In English)
- Nicol, B. (2018) Eye to I: American autofiction and its contexts from Jerzy Kosinski to Dave Eggers. In: H. Dix (ed.). *Autofiction in English*. Cham: Palgrave Macmillan Publ., pp. 255–274. https://doi.org/10.1007/978-3-319-89902-2_14 (In English)
- McHale, B. (1987) *Postmodernist fiction*. London: Methuen & Co. Ltd., 264 p. (In English)
- Richardson, B. (2012) Antimimetic, unnatural, and postmodern narrative theory. In: D. Herman, J. Phelan, P. J. Rabinowitz et al. *Narrative theory: Core concepts and critical debates*. Columbus: The Ohio State University Press, pp. 20–28. (In English)
- Saunders, M. (2010) *Self impression: Life-writing, autobiografiction, and the forms of modern literature*. Oxford: Oxford University Press, 608 p. <https://www.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199579761.001.0001> (In English)
- Scholes, R. (1970) Metafiction. *Front Matter, The Iowa Review*, vol. 1, no. 4, pp. 100–115. <https://doi.org/10.17077/0021-065X.1107> (In English)
- Vinson, S. F. (2018) Lives in story: Tim O'Brien's *The Things They Carried*. In: H. Dix (ed.). *Autofiction in English*. Cham: Palgrave Macmillan Publ., pp. 145–159. https://doi.org/10.1007/978-3-319-89902-2_8 (In English)
- Worthington, M. (2018) *The story of "Me". Contemporary American autofiction*. Lincoln: University of Nebraska Press, 264 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv7fmfvx> (In English)

Check for updates

Теория литературы и литературоведение

УДК 80

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-69-79>

Авторская стратегия создания образа эпохи в историческом графическом романе (на примере романа А. ван Хансена «Скорбные воспоминания», Дания, 2019)

А. В. Ломагина^{✉1}, К. М. Гулькова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Сведения об авторах

Анастасия Всеволодовна
Ломагина,
SPIN-код: 3147-6181,
ResearcherID: Y-3549-2019,
ORCID: 0000-0002-8308-1728,
e-mail: a.lomagina@spbu.ru

Ксения Михайловна Гулькова,
e-mail: st080352@student.spbu.ru

Для цитирования:

Ломагина, А. В., Гулькова, К. М.
(2021) Авторская стратегия
создания образа эпохи
в историческом графическом
романе (на примере романа
А. ван Хансена «Скорбные
воспоминания», Дания, 2019).
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 1, с. 69–79.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-69-79>

Получена 21 января 2021;
прошла рецензирование
4 февраля 2021;
принята 4 февраля 2021.

Права: © Авторы (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья рассматривает, каким образом в историческом графическом романе А. ван Хансена «Скорбные воспоминания» взаимодействуют лингвистические и паралингвистические средства для создания облика эпохи в рамках авторской коммуникативной стратегии, которая преследует цель создания у читателя иллюзии достоверности. Настоящий роман опирается на множество прецедентных текстов и визуальных объектов эпохи датского барокко; основным вербальным документом является канонический текст воспоминаний внебрачной дочери датского короля Кристиана IV Леоноры Кристины Ульфелдт (1621–1698) о ее годах заключения в Синей башне копенгагенского замка. Утверждение П. Рикера о взаимосвязи изображаемого прошедшего и настоящего времени написания романа в тексте как изображаемого настоящего и его будущего, описанного в работе «История и истина» (1955 г.), позволяет вскрыть механизм отбора фрагментов текста мемуаров в романе по контрасту с благополучной повседневностью ХХI в. в Дании. Кроме этого, в тексте романа учитываются все предыдущие интерпретации истории ареста и заточения Леоноры Кристины и рецепции эпохи. Графический роман определяется в статье вслед за Ю. А. Сорокиным, Е. Ф. Тарасовым и Е. Е. Анисимовой как полностью креолизованный, паралингвистически активный текст с высокой плотностью информации. В рамках стратегии авторской игры в историческую достоверность рассматриваются типы взаимодействия вербальных и иконических средств. Репрезентация исторической эпохи осуществляется с помощью концептуальных проекций, визуальных и вербальных цитат, использования архаизмов, создания узнаваемого облика Копенгагена в качестве декораций.

Ключевые слова: датский исторический роман, графический роман, коммуникативные стратегии, художественная коммуникация, скандинавская литература, Леонора Кристина Ульфелдт.

Communication strategies: Representing historical past in graphic novel (on the example of the novel “A Memory of Lament” by Allan van Hansen, Denmark, 2019)

A. V. Lomagina^{✉1}, K. M. Gulkova¹

¹ Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Authors

Anastasia V. Lomagina,
SPIN: 3147-6181,
ResearcherID: Y-3549-2019,
ORCID: 0000-0002-8308-1728,
e-mail: a.lomagina@spbu.ru

Ksenia M. Gulkova,
e-mail: st080352@student.spbu.ru

For citation:

Lomagina, A. V., Gulkova, K. M. (2021) Communication strategies: Representing historical past in graphic novel (on the example of the novel “A Memory of Lament” by Allan van Hansen, Denmark, 2019). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 69–79.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-69-79>

Received 21 January 2021;
reviewed 4 February 2021;
accepted 4 February 2021.

Copyright: © The Authors (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. The article analyses the main communication strategies of representing the historical past in the text of the Danish graphic novel “A Memory of Lament”, written and drawn by Allan van Hansen in 2019. The main text the novel refers to is the memories of the illegible daughter of King Christian IV of Denmark Leonora Christina Ulfeldt (1621–1698) who is the most famous writer and the historical female person from Denmark at that age. Drawing on Wolfgang Iser’s reception theory, the article explores the interaction of visual and verbal elements of the text in creating the interpretation of the 17th century in Denmark as a communication strategy. The graphic novel is approached as a fully creolized and semiotically complicated text, according to the theory of creolized texts (Y. Sorokin, E. Tarasov, and E. Anisimova). The article suggests the typology of interaction between the visual and verbal components of the text, depending on the domination of verbal or nonverbal components and the communication goal.

The considered novel realizes the strategy of building an illusion of the historically authentic universe while using references and quoting the various visual and written documents of Danish baroque, implementing the mental representation of concepts “Vanitas”, “Memento mori” and “Enlightenment”, using the elements of the Danish lexicon and syntax from the 17th century and reconstructing visually the scenery of baroque Copenhagen.

Keywords: Danish historical novel, graphic novel, communication strategies, artistic communication, Scandinavian literature, Leonora Christina Ulfeldt.

Введение

Графический роман А. ван Хансена «Скорбные воспоминания» (2019) является современным вариантом художественного осмысления судьбы дочери датского короля Кристиана IV (1577–1648) от мorganатического брака Леоноры Кристины Ульфелдт (1621–1698). Это исторический роман, выполненный в форме графического повествования, сочетающего вербальные и визуальные средства, созданные одним автором. Автор воссоздает человеческую судьбу на фоне портрета исторической эпохи XVII в., что обуславливает историзм произведения.

Кроме изображаемого исторического прошлого, в романе имплицитно присутствует авторское время, момент создания произведения. Тем самым настоящее время создания романа становится будущим для повествования (Рикёр 2002), а изображаемое прошлое — художественной моделью эпохи. Авторское отношение

к изображаемой эпохе с «высоты» XXI века обнаруживается в наборе топосов — устойчивых мотивов и ментальных репрезентаций эпохи, выборе эпизодов, заостряющих отличие изображаемого времени от времени написания произведения. Кроме того, трактовка личности Леоноры Кристины делает очевидным знакомство автора с предшествующими литературными и живописными интерпретациями событий.

Настоящая статья рассматривает создание портрета эпохи в романе, художественной модели прошлого как авторскую стратегию коммуникации с читателем, направленную на «программирование» процесса восприятия. В задачи исследования входит выявление и систематизация лингвистических и паралингвистических средств и форм их взаимодействия, создающих иллюзию исторической достоверности.

Понятие речевой стратегии в коммуникативной системе координат подразумевает «комплекс

речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс 2008, 54). Текстовая стратегия применительно к художественному тексту в рецептивной теории возникает из представления о присутствии в нем интенциональности и связанного с ней «имплицитного читателя» (Iser 1972) или модели «образцового читателя» и «образцового автора» (Эко 2007). Поэтому справедливо рассматривать в качестве авторской стратегии серию приемов, создаваемых разноуровневыми средствами, при помощи которых автор «программирует» процесс восприятия текста читателем (Мельничук 2008, 29).

Графический роман. Определение и история

Графические романы — относительно новое явление на стыке литературы и изобразительного искусства, которое последние двадцать лет бурно развивается в Европе и конкретно в Дании. Среди графических романов, издаваемых в Дании, представлены детективные, приключенческие, фантастические и подростковые романы воспитания. Помимо «Скорбных воспоминаний», в последнее время появилось еще несколько исторических графических романов. Так, в 2015 г. появилась первая, а в 2020 г. — вторая часть произведения К. Стьернфельт о лейб-медике Й. Струенсе, короле Дании Кристиане VII и королеве Каролине Матильде под названием «Завтра будет лучше».

Термин «графический роман» сформировался в английском языке в противопоставление понятию «комикс» и сигнализирует о том, что автор претендует на соотнесение своего произведения с художественной литературой и рассматривает на более серьезное отношение читателя, что в нем поднимаются важные вопросы (война в Сирии, взросление, ключевые события истории).

Впервые название «графический роман» появилось в США и было использовано Уиллом Айснером в 1978 г. для обозначения жанра своего произведения «Контракт с Богом», что должно было выделить его из ряда более «легкомысленных» комиксов. Изначально комиксы выпускались журналами, стрипами в газетах и в виде альбомов и относились чаще всего к юмористическому, сатирическому или приключенческому жанрам.

Графический роман представлен так же, как и комикс, в виде семиотически осложненного текста, где авторские стратегии коммуникации с читателем строятся на передаче информации

посредством взаимодействия двух знаковых систем (визуальной и вербальной), которые воспринимаются через канал зрения и могут быть равноправными или неравноправными в рамках одного текста.

Так же как и комикс, графический роман представляет собой последовательность кадров, которые варьируются по размеру, их расположению на панели и отношения между которыми порождают повествование. Кадры содержат «кроме рисунка, вербальное произведение, репрезентирующее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку — графическое пространство вербального компонента, или филактер» (речевой пузырь) (Анищенко 2018, 72; Мельничук, Мельничук 2013). В сознании читателя происходит соединение и поиск взаимосвязи между отдельными кадрами и интерпретация лакун — незаполненного пространства, визуальных пауз, которые требуют читательского активного соучастия (Ермакова 2017).

В XXI в. художественные средства, которыми пользуются авторы графических романов, усложняются. Так, исследуемый роман А. ван Хансена демонстрирует эксперименты различной степени интегрированности вербального и иконического элементов повествования.

На протяжении последних двадцати лет авторами вырабатывается свой набор графических метафор, экспрессивных элементов и приемов, некоторые исследователи говорят о «визуальном языке» и анализируют его структуру как многоуровневую структуру вербального языка, выделяя морфологический, лексический и синтаксический уровень (Cohn 2012). Тем не менее возможность выделения «визуальной лексемы» ставится под сомнение многими исследователями взаимодействия разных семиотических кодов, в частности О. Ханзен-Лёве. Он же выделяет такую особенность изображения, как наличие у него обязательной параллельной вербальной реализации (Ханзен-Лёве 2016).

В настоящем исследовании за отправную точку берется представление о графическом романе как о полностью креолизованном тексте, по определению Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова. Это явление, функционирование которого дополнено и описано Е. Е. Анисимовой, представляет собой осложненный семиотически, паралингвистически активный текст, в котором повествование функционирует с помощью сочетания и взаимодействия «вербальных и невербальных средств, при доминировании последних» (Анисимова 2003, 9). Коммуникация с читателем осложняется тем, что восприятие

креолизованного текста варьируется «в зависимости от личного вербального и невербального опыта читателя, сложным образом взаимодействующего с опытом автора» (Сорокин, Тарасов 1990, 181).

«Скорбные воспоминания» Леоноры Кристины Ульфельдт. Рецепция

Основным прецедентным текстом для графического романа А. ван Хансена выступают воспоминания Леоноры Кристины Ульфельдт, законченные ею в 1693 г. Эти мемуары представляют собой уникальный текст эпохи барокко, входящий в корпус объектов датского «Культурного канона». Текст воспоминаний написан частично в заточении, а последняя часть — после освобождения автора из Синей башни копенгагенского замка Кристиансбург после 22 лет ареста.

Воспоминания самой знаменитой узницы Синей башни хранились в рукописном варианте до середины XIX в. и были изданы только в 1869 г. Несмотря на то, что автобиографическое произведение Леоноры Кристины увидело свет так поздно, ее судьба волновала историков, писателей и художников, начиная с Людвига Хольберга (1684–1754) (Куприянова 2009). С тех пор фигура Леоноры Кристины, ее брак с Корфицем Ульфельдтом, утрата ими социального статуса, изгнание и арест многократно становились темой художественного изображения.

Образ благородной страдальницы начал складываться в датской литературе за несколько десятилетий до издания ее мемуаров. Основная роль в этом принадлежит Х. К. Андерсену (1805–1875), который, перечисляя в сказке «Хольгер Датчанин» (1845) основные имена героев датской истории, называет ее самой благородной и лучшей из всех датских женщин (Андерсен 1955, 226). В конце XIX в., когда боль от поражения в датско-прусской войне 1864 г. обостряет в общественном сознании восприятие противостояния датской принцессы и королевы немецкого происхождения Софии Амалии в XVII в., появляется серия из более чем двадцати живописных полотен датского художника Кристиана Сартмана (1843–1914), где множество деталей говорят о знакомстве с изданными к тому времени мемуарами. Художник изображает Леонору Крестину полной достоинства, несущей свой крест и покорной богу — такой, какой она предстает в своем автобиографическом тексте. Для нобелевского лауреата Й. В. Йенсена (1873–1950) в стихотворении 1906 г. «Леонора Кристина» она становится примером для

подражания во времена утраты надежд, а текст ее воспоминаний назван «чудесным произведением сильного духа» (*et Styrkens Underværk*) (Jensen 2016).

Более поздние исследователи задаются вопросом о роли четы Ульфельдтов в интригах против Фредерика III, поражении Дании в Датско-шведской войне 1567–1658 гг., в результате которой к Швеции отошли несколько датских провинций, и начинают ставить под сомнение полную невиновность датской принцессы и ее мужа. Так, в 1990 г. Бодиль Вамберг (р. 1929) пишет биографическое исследование «Леонора Кристина. Королева Синей башни». В ней она поднимает вопрос о правдивости текста «Скорбных воспоминаний» и проводит его критический анализ. Последний вариант реконструкции событий и описания личности Леоноры Кристины на основании анализа текста «Скорбных воспоминаний» представлен в книге «Смех Леоноры» (2004) Карстена Оверскоу (1946–2015).

В художественной литературе последних 50 лет есть много примеров обращения к судьбе дочери Кристиана IV. Это и исторические романы Херты Эневальдсен (1915–1997) для юношества: «Леонора Кристина и Корфиц Ульфельдт», «Леонора Кристина в Синей башне», «Королевская дочь Леонора Кристина», «Бегство из Хаммерсхуса» (1979); исторический роман 1989 г. Хелле Стангеруп (1939–2015) «Пиковая дама».

В романе 2014 г. «Леонора Крестине» Мария Хеллеберг (р. 1956) не ставит перед собой задачу придерживаться исторических фактов. Она изображает 22 года, проведенные Леонорой в тюрьме, как результат слепого следования за мужем и запутанных коррупционных и политических интриг, в которые он ее вовлек, и описывает ее заточение как процесс обретения себя.

Графический роман А. ван Хансена, таким образом, замыкает целый ряд романов и визуальных объектов, рассматривающих разные стороны истории заточения дочери Кристиана IV и представляющих свою интерпретацию событий.

Споры по поводу характера и исторической роли Леоноры Кристины периодически ведутся в средствах массовой информации. Так, например, датский медиаресурс «Данмаркс Радио» сообщил в 2019 г. о планах снять многосерийный фильм о ее судьбе на основании мемуаров, и многие историки и политики националистического толка заявляют в прессе о необходимости предотвратить героизацию облика главного персонажа, поскольку она «преступница и предательница интересов Дании» (Haaning 2019). О противоречивости

современной оценки исторической роли и мотивов автора «Скорбных воспоминаний» свидетельствует и разгоревшийся в 2011 г. скандал по поводу присвоения парому, курсирующему между Борнхольмом и Зеландией, ее имени. В результате путем голосования судно все-таки получило название «Леонора Кристина», но этому предшествовала ожесточенная полемика в прессе.

Текст «Скорбных воспоминаний» издавался множество раз; одно из последних изданий, подготовленное М. Акхой Нильсен в 1998 г., представляет собой полное академическое издание Общества датского языка и литературы. В настоящее время продолжается работа над вторым томом, который будет содержать исторические комментарии.

Чтение барочного текста затруднительно для современного датского читателя, язык претерпел значительные изменения в области лексики и грамматики. Кроме того, в тексте встречаются фразы на латыни, нижненемецком — языке королевского двора и французском. Для того чтобы сделать доступным для широкого круга читателей это уникальное произведение датского барокко, Лина Крог в 2014 г. сделала его «перевод» на современный датский язык (Ulfeldt 2014). В новом издании в некоторых местах произошла замена косвенной речи на прямую, настоящее время кое-где заменено на прошедшее. Фразы на латыни, нижненемецком и французском в этом варианте сохранены, но они даются с переводом на датский. Именно этим изданием пользовался А. ван Хансен при создании своего графического романа.

Художественная модель эпохи

В графическом романе А. ван Хансена художественная модель эпохи XVII в. в Дании подчинена авторской интерпретации исторического периода и изображаемых событий. В одном из интервью А. ван Хансен сформулировал цель, которую он преследовал, — вызвать в сознании читателя картину исторических событий, подобную той, которая возникла у него после знакомства с текстом мемуаров, дать читателю оказаться в заточении вместе с Леонорой Кристиной, побывать в Копенгагене XVII в. (Danielsen 2019).

Отбор и последовательность эпизодов

В романе актуализируются несколько традиционных интерпретаций образа Леоноры Кристины. С одной стороны, она предстает стойкой, просвещенной, справляющейся со своим от-

чаянием, полной достоинства и смирения перед судьбой, но в то же время воспринимающей смерть своих мучителей как возмездие свыше. Этот образ протагониста соответствует тому, какой она себя изображает в тексте мемуаров и какой предстает в раннем художественном дискурсе.

С другой стороны, ее полная невиновность, о которой она с такой уверенностью пишет в мемуарах, ставится под сомнение в романе с помощью введения в повествование двух рассказчиков — рисованная история ведется от третьего лица и в настоящем времени (в кадре всегда присутствует сама Леонора), а вставки из мемуаров написаны от первого лица и в прошедшем времени. Этот прием позволяет показать несовпадение между нарисованными событиями и текстом воспоминаний. Например, в рисованном эпизоде допроса от Леоноры Кристины требуют назвать шифр, позволяющий прочесть письма супруга. Она утверждает, что не знает его. Однако в панель вставлено несколько кадров в технике «флешбэк». В то время как протагонист сообщает, что шифр ей неизвестен, кадры воспоминаний показывают ее читающей вслух письмо и служат сигналом читателю, что ее показания не всегда достоверны.

При сравнении прецедентного текста мемуаров с романом ван Хансена становится очевидным неизбежный для жанра графического романа прием семантической компрессии и усечения, упрощения сюжетных линий, но одновременно усиления динамичности с помощью выбора драматических эпизодов, вошедших в повествование. Для романа были отобраны события, описанные автором мемуаров, которые сильнее всего контрастируют с благополучной повседневностью XXI в. Читатель становится свидетелем казней, узнает об отравлении мышьяком оппонента, о том, что больного ребенка можно было безнаказанно убить, чтобы он не мешал следующему замужеству матери. Об унижении узницы и тяжелых условиях заключения говорят сцены допроса, обыска, упоминание в диалогах о вшах и блохах, которые мучают Леонору Кристину.

Сжатость и информативная насыщенность креолизованного повествования задает ритм, так же, как и изменение последовательности описания событий. Например, перемещение из начала повествования в конец романа главы под названием «Справедливость», в которой перечисляются болезни и причины смерти врагов Леоноры Кристины, подчинено логике движения от преступления (унижения протагониста) к божественному возмездию. Тем самым в ро-

мане реализуется евангелический мотив «мне отмщение, и аз воздам», который манифестируется в барочном тексте мемуаров более сложным комплексом художественных средств.

Пространственная локализация действия

Копенгаген времен Фредерика III представлен в романе как город многонациональный и многоголосый — в уличных разговорах жители обсуждают шведов, из окна доносится непристойная песенка на фламандском языке. Намек на то, что знать разговаривает по-французски, можно увидеть в сцене прибытия Леоноры Кристины в город — сестра ее мужа бросает ей фразу на французском, содержащую издевку (van Hansen 2019, 25). Одна из глав романа имеет название на нижненемецком как след влияния культуры Ганзейских городов на придворную жизнь Копенгагена.

Действие романа разворачивается в основном внутри Синей башни, которая несколько раз нарисована на фоне старого Копенгагена. Так как башня была уничтожена в 1730 г., ее внешний вид в романе — стилизованная, но очевидная визуальная цитата с гравюры XVII в. Зарисовки башни присутствуют как нейтральный фон путешествия одного из персонажей по городу, позволяя читателю «узнать» место ее нахождения. Но когда автор хочет передать эмоциональное состояние Леоноры Кристины, ее ужас перед предстоящим, он помещает в кадрах изображение Синей башни в так называемой в терминологии изобразительного искусства «лягушачьей перспективе» — изображение занимает весь кадр, а взгляд наблюдателя находится у самого ее подножья.

Кроме этого, из узнаваемых мест Копенгагена в нарисованном виде представлены набережная Хольмского канала и площадь Гаммель Странд, где традиционно рыбацки продавали рыбу, что читатель и видит на изображении (van Hansen 2019, 131). В изображенном городском пейзаже справедливо отсутствует памятник основателю Копенгагена епископу Абсалон, поскольку он появился только в 1902 г.

Вербальная репрезентация эпохи

На вербальном уровне эпоха барокко изображается в романе с помощью использования цитат из текстов XVII в., а также лексических и грамматических особенностей языка. Кроме основного прецедентного текста «Скорбных воспоминаний» Леоноры Кристины Ульфелдт, в романе представлены цитаты из других текстов той же эпохи: «Гамлета» Шекспира, стихотво-

рений Т. Кинго, стихотворения А. Бординга, фламандской народной песни. В конце романа приведен список ругательств XVII в. с переводом на современный датский язык из словаря Матиаса Мотса (Moths Ordbog) и рецепт из исследования Б. Скорупа «Еда в эпоху Ренессанса — рецепты и история кулинарии времен Кристиана IV» («Renæssancemad — Opskrifter og køkkenhistorie fra Christian 4.s tid»).

Стилизация языка ввиду того, что сам текст мемуаров, с которым работал автор, переложен на современный датский язык, заключается в сохранении некоторых лексических и синтаксических особенностей прецедентного текста мемуаров.

Примером осовременивания текста может служить замена определения *udydige Birgitte* «недобродетельная Биргитте», как пишет в мемуарах Леонора Кристина, на *skamløse Birgitte* «бесстыжая Биргитте». Прилагательное *udydig* ушло из современного языка, оставив только свой антоним *dydig*, и в современном издании «Скорбных воспоминаний» ему нашли на замену существующее прилагательное — более эмоциональное, но в то же время снижающее стиль говорящего.

Параллельно в тексте романа присутствует большое количество лексических примеров, маркирующих язык барокко. Их можно разделить на три группы:

- 1) Обозначение предметов, статуса или рода занятий, которые относятся к устаревшим: *en lakaj* «лакей», *en jomfru* «незамужняя дама, принадлежащая буржуазному сословию» (в современном языке осталось только значение «девственница» (Ordbog over det danske sprog)).
- 2) Обращения: *hr. Frøken* — почтительное обращение к особам женского пола, подчеркивающее разницу в статусе говорящего «я» и слушающего «ты»; *Madam, Frue* — нейтральное обращение XVII в., существующее в современном языке только как ироническое; *min husbond og herre* «мой супруг и господин», существительное *husbond* о муже относится к устаревшей лексике, в отличие от современного *ægtefælle*; *salig Måns* — «блаженной памяти Монс», прилагательное *salig* об умерших в современном языке имеет иронический оттенок; личное местоимение во втором лице множественного числа *I* — объектный падеж *Eder* «вы» сохранено в тексте из оригинала, но заменено в кадрах-диалогах на современное обращение во втором лице *du* — объектный падеж *dig* «ты»; *hjerter*

børn «дорогие дети» (в орфографии оригинала *hierte Børn*), прилагательное *hierte*, образованное от существительного *hierte* «сердце», представлено в этой орфографической форме только в словаре Матиаса Мотса (Moths Ordbog) и словаре Людвига Хольберга XVIII в. (Holbergordbog). По-видимому, представленное в романе в современной орфографии слово в этом значении в других текстах не встречается и является авторской формой.

- 3) Ругательства, взятые из словаря Матиаса Мотса, которые никогда не могли бы оказаться в тексте воспоминаний такой знатной дамы, как Леонора Кристина. Ругательства помещены списком в приложении к роману и частично использованы в первой главе (например, *kødso* — «жирная свинья»). Автор вкладывает их в уста копенгагенцев, наблюдающих прибытие арестованной в Синюю башню.

Грамматические средства маркировки языка XVII в. проявились в сохранении некоторых синтаксических конструкций оригинального текста, в первую очередь — частотном использовании инверсии и предложений, отягощенных несколькими придаточными и однородными членами. Однако по сравнению с ранним изданием сложноподчиненные предложения получили отсутствовавшие в тексте XVII в. союзы.

В то время как визуальные цитаты проходят в романе стилистическую обработку и нарисованы в едином стиле, сохраняя единство визуального повествования, вербальные средства, вступающие с ними во взаимодействие, отчетливо распадаются на три типа:

- 1) заглавия-эпиграфы к главам, которые приносят философский, объясняющий или представляющий эпоху характер;
- 2) имитация диалогической речи в филактерах (речевых пузырях) глав, оформленных как панели, которые больше всего похожи на классический комикс и делают читателя свидетелем происходящего;
- 3) большие вставки цитат из текста воспоминаний Леоноры Кристины.

Последние иногда предваряют визуальный ряд кадров, иногда следуют за нарисованным эпизодом. Есть главы, где воспоминания чередуются с визуальным рядом. В этом процессе взаимодействия между вербальной цитатой и изображением создается иллюзия наблюдения за процессом творчества: читатель видит события и читает затем их изложение в воспоми-

наниях, которые дополняют или противоречат визуальному ряду. Визуальный ряд в этом случае воспринимается читателем как более достоверный.

Из вербальных прецедентных текстов, использующихся в тексте романа для создания художественной модели эпохи, присутствуют цитаты из художественных произведений, вынесенные в названия глав, подобно эпиграфам, цитаты из псалмов, стихов, используемые сокращенно в имитации прямой речи, и полные поэтические тексты, дополняющие визуальный ряд и помещенные в кадр.

Такую роль играет цитата на английском из пьесы Шекспира «Гамлет»: «To die, to sleep — no more» (van Hansen 2019, 44) в сочетании с фрагментом визуальной цитаты — волка с портрета Леоноры Кристины кисти К. ван Мандера. В главе, повествующей одними визуальными средствами о ночном кошмаре протагониста, эпиграф имеет двойную функцию: репрезентации эпохи («Гамлет», год издания 1603), усиления темы личного страха смерти, заданного визуальным рядом, и введения топоса «*emento mori*» исторической эпохи.

Другим типом включения прецедентных текстов в портрет эпохи является введение в роман сцены сочинения одного из самых известных стихотворений Томаса Кинго (1634–1703) «*Chryssilis, du mit verdens guld*» (1669). Сцена изображает на нескольких панелях выпившего Т. Кинго, радующегося своей близящейся свадьбе; в филактерах постепенно появляются строчки поэзии, и на «произнесении» последней читатель наблюдает падение поэта, строчка «повисает» в воздухе, растянутая визуально по направлению к упавшему.

Единственное стихотворение, которое цитируется почти полностью в тексте произведения, — это «О предателе Корфице Ульфельдте — отвращение всех честных датских сердец», написанное Андерсом Бордингом в 1663 г. Стихотворный текст, разделенный на отдельные строфы, включен в кадры казни деревянного образа Корфица Ульфельдта. На каждом развороте главы в одном-двух кадрах присутствует одна из строф стихотворного текста, чей ритмический песенный рисунок связывает воедино кадры казни и задает ритм визуальному повествованию. На этом фоне слышны (то есть видны в филактерах) крики толпы, слова палача и пастора — визуальные средства показывают с использованием смены перспективы и плана кадры символической казни: повешения и четвертования деревянной фигуры, наполненной внутренностями животных.

Визуальная репрезентация эпохи

В визуальном ряду стилизация под эпоху XVII в. осуществляется при поддержке и во взаимодействии с вербальным компонентом текста, где степень взаимодействия и доминирования визуального и вербального различаются.

Часто визуальный компонент оказывается вторичным, поддерживающим и корректирующим информацию, передаваемую словом. Речь идет о шрифте и фактуре: например, поверхности, на которых нанесены слова, их фон (смятый лист, стена тюрьмы, кирпич, черный фон, кляксы). Шрифт и фактура в романе могут транслировать эмоции и менять значение изображаемого. Наиболее характерный пример — это два разворота книги, стилизованных под беспросветную темноту башни, на фоне которой мелькают образы и слова привидений узников, сидевших в темнице до Леоноры Кристины. Цитата из ее мемуаров начинается в светлом филактере (речевом пузыре), и почерк надписи совпадает со шрифтом, используемым в кадрах-беседах. Предложение неполное, что является характерным приемом для комиксов, — ввиду ограниченного пространства кадра видна только последняя его часть после трех точек «...sindsforvirring og min tunge fra at løbe løbsk af ophidselse» — «...помутнения разума и мой язык от неводержанности из-за возмущения». Динамика и нарастание эмоциональности передается в переходе последней части на темное поле, постепенное увеличение шрифта и «сползание» надписи с прямой линии. Последующее междометие «Aaaaaaaaahhhhh», растянутое в пространстве на страницу и выходящее за ее границы в невидимое глазом поле, декодируется как усиливающаяся эмоция возмущения, переходящего в гнев (van Hansen 2019, 65).

В других случаях доминирует иконический элемент, он является основной движущей силой повествования, а вербальный компонент дополняет или объясняет действие. Речь идет о визуальных цитатах, пересозданных в стилистике А. ван Хансена, и «оживлении» картин эпохи барокко с помощью покадровой техники комикса. Так, на страницах 46–55 в серии кадров, визуализирующих сон Леоноры Кристины, «сходит с холста» ее портрет с волком (символ замужества за Ульфельдтом) кисти Карела ван Мандера, а на страницах 70–77 в шести иллюстрациях происходит постепенная трансформация цветов и фруктов на столе темницы, их увядание и распад — метаморфозы с натюрмортом, больше всего по форме бокала и компози-

ции напоминающего голландские натюрморты XVII в. в стиле «Vanitas».

Ряд визуальных цитат с известных живописных полотен, стилизованных автором, открывает известный портрет Леоноры Кристины кисти Геррита ван Хонтхорста (1647), который помещен в приложении к роману. В первой главе в кадрах, повествующих об аресте протагониста, она одета в красное платье, шляпу и жемчуга, срисованные с этого портрета. Тем самым создается иллюзия ожившей картины XVII в. Из голландского барочного натюрморта переключалось в роман изображение наполовину очищенного лимона на тарелке с характерной спиралью кожицы и двузубой вилкой (van Hansen 2019, 86).

В романе с помощью визуальных цитат вводятся две проекции концептуальных идей (Ханзен-Лёве 2016) барокко. Одна из них — это «триумф смерти», топос, широко представленный в живописи XVII в., выражается в визуальных напоминаниях о смерти. Это описанный выше рисунок увядающих и гниющих фруктов в стиле натюрморта «Vanitas» и изображение смерти — скелета на фоне хоровода людей (стилизованной «Пляски смерти», известного в Европе со Средневековья живописного мотива) в нарисованном сне Леоноры Кристины. Кроме того, в сцене в тюрьме автор помещает крупным планом изображение вышивки с черепом, которую выполняет камеристка Леоноры.

Еще один топос эпохи XVII в. — наукоцентризм и увлечение новыми теориями и открытиями из области медицины, биологии и палеонтологии — представлен с помощью множества визуальных цитат. Это и нарисованное изображение фронтисписа анатомического атласа Томаса Бартолина, и визуальная цитата из картины Рембрандта «Урок анатомии доктора Николаса Тюльпа» (1632) (речь идет о трех нарисованных в романе склоненных головах посетителей анатомического театра в Копенгагене, которые узнаваемы по композиции и чертам лица), и копии анатомической иллюстрации «Человек, несущий свою кожу» испанского анатома Хуана Вальверде де Амуско. Сам Томас Бартолин, урок анатомии которого изображен на страницах 115–119, нарисован довольно похожим на свой портрет, помещенный в составленном им анатомическом атласе XVII в.

Взаимодействие текста воспоминаний Леоноры Кристины с сопровождающими его визуальными цитатами из научных документов XVII в. в главе «Omnia mutantur nihil inherit» (цитата из «Метаморфоз» Овидия «Все изменяется, ничто не исчезает») позволяют читате-

лю сопоставить ее наблюдения над метаморфозами личинок бабочки-капустницы с общим увлечением наукой и помещают и автора воспоминаний, и ее текст в просветительский дискурс «ученого века».

Описание наблюдений за насекомыми, цитирующее выборочно, но точно оригинальный текст XVII в., инкорпорирован в кадры с изображением пишущей Леоноры и зарисовками стадий развития бабочки. На стенах темницы в некоторых кадрах помещены копии гравюр XVII в., демонстрирующих развитие датской науки. Это «Кабинет диковин» из посмертно выпущенного труда натуралиста и медика Оле Ворма «*Museum Wormianum*» (1655); иллюстрация 1667 г. из труда датского анатома и геолога Нильса Стенсена, на которой сравниваются зубы акулы и ископаемые зубы; титул из книги датского врача Томаса Бартолина «*De Unicorni Observationes Novae*», на котором оригинальная иллюстрация заменена изображением единорога авторства итальянского ученого Улисса Альдрованди для книги «История чудовищ» (1642). Кроме того, на странице 151 романа как дань интересу к палеонтологии в описываемую эпоху нарисовано изображение ископаемой птицы дронты, череп которой хранился в Кунсткамере в Готторпе с 1651 г.

Выводы

В результате анализа графического романа А. ван Хансена были определены средства, участвующие в авторской стратегии игры в историческую достоверность. Были установлены основные вербальные, визуальные и смешанные приемы создания художественной модели эпохи датского барокко. Среди них особое место занимают концептуальные проекции, визуальные и вербальные цитаты, лингвистические архаизмы, создание исторически узнаваемого облика Копенгагена. Визуальные и вербальные элементы повествования представлены во множестве типов взаимодействия: доминирующих вербальных, доминирующих визуальных и смешанных равновесных формах. При взаимодействии различных компонентов графического романа, помещенных в повествовательный контекст, возникает новое содержательно-смысловое единство, которое в большой степени зависит от кругозора и опыта читателя. Причина этого кроется в особенностях жанра графического романа, пространства, физически суженного до кадра и филактера, высокой плотности информации и принципиальной многозначности визуальных средств.

Источники

- Андерсен, Х. К. (1955) *Сказки и истории*. М.: Государственное издательство художественной литературы, 364 с.
- Jensen, J. V. (2016) *Digte*. Copenhagen: Gyldendal Publ., 133 p.
- Ulfeldt, L. C. (1869) *Jammers Minde: En egenhaendig skildring af hendes fangenskab i blaataarn i aarene 1663–1685*. Copenhagen: Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn), 339 p.
- Ulfeldt, L. C.; Krogh, L. (ed.). (2014) *Leonora Christinas Jammers minde, udgivet og bearbejdet af Line Krogh*. Copenhagen: Gyldendal Publ., 272 p.
- van Hansen, A. (2019) *Jammers minde — en grafisk roman*. Copenhagen: Arabesk Forlagt, 208 p.

Литература

- Анисимова, Е. Е. (2003) *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. М.: Академия, 128 с.
- Анищенко, А. В. (2018) К вопросу о концептуализации эмоций в немецкоязычном комиксе. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, № 9 (801), с. 69–77.
- Ермакова, О. С. (2017) Фокализация в графическом романе Лене Аск «Гитлер, Иисус и дедушка». *Скандинавская филология*, т. 15, № 2, с. 261–270. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2017.207>
- Иссерс, О. С. (2008) *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. 5-е изд. М.: ЛКИ, 288 с.
- Куприянова, И. П. (2009) Леонора Кристина Ульфельдт. В кн.: *Из истории скандинавской литературы: статьи разных лет*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, с. 3–23.
- Мельничук, О. А. (2008) Проблемы интерпретации художественного текста. В кн.: О. А. Мельничук, Т. С. Нифанова, Н. В. Халина и др. *Язык в исследовательском поле гуманитарных наук*. Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, с. 5–41.
- Мельничук, О. А., Мельничук, Т. А. (2013) Стратегии художественного дискурса. *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 1 (34), с. 125–135.
- Рикёр, П. (2002) *История и истина*. СПб.: Алетея, 399 с.

- Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф. (1990) Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. В кн.: Р. Г. Котов (ред.). *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, с. 180–186.
- Ханзен-Лёве, О. А. (2016) *Интермедийальность в русской культуре: от символизма к авангарду*. М.: РГГУ, 503 с.
- Эко, У. (2005) *Роль читателя: исследования по семиотике текста*. СПб.: Симпозиум, 502 с.
- Cohn, N. (2012) Comics, linguistics, and visual language: The past and future of a field. In: F. Bramlett (ed.). *Linguistics and the study of comics*. London: Palgrave Macmillan, pp. 92–118. https://doi.org/10.1057/9781137004109_5
- Danielsen, M. C. B. (2019) Det måtte han bare tegne: Lusene og lopperne sidder så tæt sammen, at man ikke kan se farven på hendes sokker. *Politiken*, 9 March. [Электронный ресурс]. URL: <https://politiken.dk/kultur/boger/art7060080/Lusene-og-lopperne-sidder-så-tæt-sammen-at-man-ikke-kan-se-farven-på-hendes-sokker> (дата обращения 09.01.2021).
- Haaning, K. (2019) DR skal passe på med ikke at glorificere Leonora Christina Ulfeldt, for hun var jo en landsforræder. *Berlingske*, 3 April. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.berlingske.dk/aok/dr-skal-passe-paa-med-ikke-at-glorificere-leonora-christina-ulfeldt-for-hun> (дата обращения 26.12.2020).
- Iser, W. (1972) The reading process: A phenomenological approach. *New Literary History*, vol. 3, no. 2, pp. 279–299. <https://www.doi.org/10.2307/468316>

Sources

- Andersen, H. C. (1955) *Skazki i istorii [Fairy tales and stories]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury Publ., 364 p. (In Russian)
- Jensen, J. V. (2016) *Digte [Poems]*. Copenhagen: Gyldendal Publ., 133 p. (In Danish)
- Ulfeldt, L. C. (1869) *Jammers Minde: En egenhaendig skildring af hendes fangenskab i Blaataarn i aarene 1663–1685 [Memoirs of Leonora Christina: An independent depiction of her captivity in Blaataarn in the years 1663–1685]*. Copenhagen: Gyldendalske Boghandels Forlag, 339 p. (In Danish)
- Ulfeldt, L. C.; Krogh, L. (ed.). (2014) *Leonora Christinas Jammers minde, udgivet og bearbejdet af Line Krogh [Memoirs of Leonora Christina, published and adapted by Line Krogh]*. Copenhagen: Gyldendal Publ., 272 p. (In Danish)
- van Hansen, A. (2019) *Jammers minde — en grafisk roman [Memoirs of Leonora Christina — a graphic novel]*. Copenhagen: Arabesk Forlagt, 208 p. (In Danish)

Dictionaries and reference literature

- Holbergordbog [Holberg's dictionary]*. [Online]. Available at: <https://holbergordbog.dk/> (accessed 10.01.2021). (In Danish)
- Moths Ordbog [Moths' dictionary]*. [Online]. Available at: <https://mothsordbog.dk/> (accessed 10.01.2021). (In Danish)
- Ordbog over det danske sprog [Dictionary of the Danish language]*. [Online]. Available at: <https://ordnet.dk/ods> (accessed 10.01.2021). (In Danish)

References

- Anisimova, E. E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) [Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)]*. Moscow: Academia Publ., 128 p. (In Russian)
- Anishchenko, A. V. (2018) K voprosu o kontseptualizatsii emotsij v nemetskoyazychnom komikse [On the problem of conceptualizing emotions in German comic strips]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki — Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 9 (801), pp. 69–77. (In Russian)
- Cohn, N. (2012) Comics, linguistics, and visual language: The past and future of a field. In: F. Bramlett (ed.). *Linguistics and the study of comics*. London: Palgrave Macmillan, pp. 92–118. https://doi.org/10.1057/9781137004109_5 (In English)
- Danielsen, M. C. B. (2019) Det måtte han bare tegne: Lusene og lopperne sidder så tæt sammen, at man ikke kan se farven på hendes sokker [He just had to draw it: The lice and fleas sit so close together that you can not see the color of her socks]. *Politiken*, 9 March. [Online]. Available at: <https://politiken.dk/kultur/boger/art7060080/Lusene-og-lopperne-sidder-så-tæt-sammen-at-man-ikke-kan-se-farven-på-hendes-sokker> (accessed 09.01.2021). (In Danish)
- Eco, U. (2005) *The role of the reader: Explorations in the semiotics of texts*. Saint Petersburg: Symposium Publ., 502 p. (In Russian)
- Ermakova, O. S. (2017) Fokalizatsiya v graficheskom romane Lene Ask “Gitler, Iisus and Dedushka” [Focalization in Lene Ask's graphic novel “Hitler, Jesus and Grandfather”]. *Skandinavskaya filologiya — Scandinavian Philology*, vol. 15, no. 2, pp. 261–270. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu21.2017.207> (In Russian)

- Haaning, K. (2019) DR skal passe på med ikke at glorificere Leonora Christina Ulfeldt, for hun var jo en landsforræder [DR must be careful not to glorify Leonora Christina Ulfeldt, because she was a traitor]. *Berlingske*, 3 April. [Online]. Available at: <https://www.berlingske.dk/aok/dr-skal-passe-paa-med-ikke-at-glorificere-leonora-christina-ulfeldt-for-hun> (accessed 26.12.2020). (In Danish)
- Hansen-Löve, A. A. (2016) *Intermedialität in der russischen Kultur. Vom Symbolismus zur Avantgarde*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 503 p. (In Russian)
- Iser, W. (1972) The reading process: A phenomenological approach. *New Literary History*, vol. 3, no. 2, pp. 279–299. <https://www.doi.org/10.2307/468316> (In English)
- Issers, O. S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]*. 5th ed. Moscow: LKI Publ., 288 p. (In Russian)
- Kupriyanova, I. P. (2009) Leonora Christina Ulfeldt. In: *Iz istorii skandinavskoj literatury: stat'i raznykh let [On the history of Scandinavian literature: Articles from different years]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 3–23. (In Russian)
- Mel'nichuk, O. A. (2008) Problemy interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Problems of interpretation of literary text]. In: O. A. Mel'nichuk, T. S. Nifanova, N. V. Khalina et al. *Yazyk v issledovatel'skom pole gumanitarnykh nauk [Language in the research field of the humanities]*. Arkhangelsk: Pomor State University named after M. V. Lomonosov Publ., pp. 5–41. (In Russian)
- Melnichuk, O. A., Melnichuk, T. A. (2013) Strategii khudozhestvennogo diskursa [Textual strategies of fictional discourse]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki — Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1 (34), pp. 125–135. (In Russian)
- Ricoeur, P. (2002) *Histoire et vérité*. Saint Petersburg: Aletheya Publ., 399 p. (In Russian)
- Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990) Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In: R. G. Kotov (ed.). *Optimizatsiya rechevogo vozdejstviya [Optimization of a speech effect]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 180–186. (In Russian)

Check for updates

Теория литературы и литературоведение

УДК 80

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-80-96>

Между Словом и Изображением: интермедиальность в творчестве Эдварда Мунка

М. Я. Макаридина^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Мария Ярославовна Макаридина,
SPIN-код: 7629-5165;
ORCID: 0000-0002-0294-7789;
e-mail: dana.mccaridee@gmail.com

Для цитирования:

Макаридина, М. Я.
(2021) Между Словом
и Изображением:
интермедиальность в творчестве
Эдварда Мунка. *Исследования
языка и современное
гуманитарное знание*, т. 3, № 1,
с. 80–96.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-80-96>

Получена 28 января 2021; прошла
рецензирование 18 февраля 2021;
принята 21 февраля 2021.

Финансирование: Исследование
поддержано норвежским
Центром интернационализации
образования (SIU).

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос первичности вербального или визуального модуса восприятия и воспроизведения действительности, который является давним предметом спора в европейской культуре — *ut pictura poesis* или *ut poesis pictura*, — на примере творчества норвежского художника Эдварда Мунка. Затронуты базовые философские вопросы, касающиеся феноменологии восприятия, и приведены основные особенности сенсориума художников. Проанализированы некоторые особенности интермедиальности в текстах пишущих художников вообще и Мунка в частности. Представлена авторская классификация видов интермедиальности в творчестве Мунка, который особым образом работал со словом и изображением. Его картины еще при жизни часто подвергались критике за излишнюю программность. Однако на деле взаимодействие между вербальным и визуальным у него не столь прямолинейно. Нам удалось выявить несколько ключевых принципов, на которых базируется творчество художника, и определить основные виды интермедиальности в его произведениях: это паратекстуальные зависимые отношения (визуальное произведение — поясняющее заглавие; текст — иллюстрация; графическое произведение — позднейший пояснительный текст к нему); паритетные отношения, или битекстуальность; взаимопроникновение/синтез медиа (альбом «Древо познания Добра и Зла»). Отдельно рассмотрено визуально-текстовое произведение Мунка «Альфа и Омега», которое можно назвать прото-комиксом, а также виды особых ментальных нарративных «рамочек» в его творчестве как средств переключения с внешней на внутреннюю точку зрения — например, использование третьего лица вместо первого, претерита и псевдонимов. В некоторых случаях такая рамка реализуется графическими средствами: текст включается в рамку внутри изображения, как в эскизах к иллюстрациям «Цветов зла» Бодлера, или наоборот, изображение обрамляется текстом, как в дневниках художника. Новаторским можно считать открытие особого структурного параллелизма между вербальным и визуальным дискурсами Мунка.

Ключевые слова: интермедиальность, норвежская литература, норвежский язык, паратекстуальность, Эдвард Мунк.

Between word and image: Intermediality in Edvard Munch's oeuvre

M. Ya. Makaridina✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Maria Ya. Makaridina,
SPIN: 7629-5165;
ORCID: 0000-0002-0294-7789;
e-mail: dana.mccaridee@gmail.com

For citation:

Makaridina, M. Ya.
(2021) Between word and image:
Intermediality in Edvard Munch's
oeuvre. *Language Studies and
Modern Humanities*, vol. 3, no. 1,
pp. 80–96.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-80-96>

Received 28 January 2021;
reviewed 18 February 2021;
accepted 21 February 2021.

Funding: The research for this
article was funded by the
Norwegian Centre for International
Cooperation in Education (SIU).

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](#).

Abstract. The article deals with the question of primacy of verbal or visual modus of perception and representation within the long-lasting European dispute — *ut pictura poesis* or *ut poesis pictura* — as reflected in the oeuvre of the Norwegian artist Edvard Munch. It discusses the basic philosophical issues related to the phenomenology of perception and covers the main features of artists' sensorium. It analyzes some of the features of intermediality in the texts of writing artists in general and Munch in particular. The author's own classification of the types of intermediality in Munch's works is presented. Munch's paintings were often accused of being too programmatic. However, interaction between the verbal and the visual media in his art is much more nuanced. The article highlights some of the key principles central to Munch's work and determines the main types of intermediality he used: paratextual dependent relationships (visual work — explanatory title; text — illustration; graphic work — later explanatory text to it); parity, or bitextuality; interpenetration, or synthesis, of the media (*The Tree of Knowledge of Good and Evil*). The article also considers Munch's visual-text work *Alpha and Omega*, an early comic book, as well as the types of mental narrative "frames" in his oeuvre as means of switching from the external to the internal point of view: the use of third person narrator, past tense, and pseudonyms. In some cases, such a frame can materialize in graphic form as a visual frame surrounding the text, as in sketches for Baudelaire's "The Flowers of Evil", or as an image included in the text, as in the artist's diaries. The discovery of specific structural parallelism between the visual and verbal discourses in Munch's art can be considered groundbreaking.

Keywords: intermediality, Norwegian literature, Norwegian language, paratextuality, Edvard Munch.

Интермедальность и смежные понятия

Проблема взаимодействия вербального и визуального искусств в последнее время, после так называемого «визуального поворота», приобретает все большую актуальность. Выходят междисциплинарные исследования, многие из которых посвящены эпохе Просвещения с ее синтетической направленностью (Ермакова 2019; Левитт 2015); много внимания уделяется в этом контексте символизму и русскому авангарду.

Из выдающихся современных художников, в творчестве которых интермедальность является определяющей категорией, нельзя не назвать немца Ансельма Кифера. В 2019 г. в норвежском музее современного искусства Аструп-Фёрнли в Осло прошла его выставка «Книги и ксилографии» (*Anselm Kiefer — Bøker og tresnitt*), в каталоге к которой французский исследователь Жан-Макс Колар (Jean-Max Colard)

в своей статье *Det tapte pictura poesis* («Утерянная *pictura poesis*») вписывает произведения Кифера в давнюю традицию дебатов между Живописью и Поэзией/Литературой о том, какое из искусств все же первично и какой паттерн восприятия и воспроизведения действительности иерархически выше (Kvaran 2019). Творчество норвежского художника Эдварда Мунка, который был не только художником, но и писателем — хотя при жизни опубликовал совсем немного текстов, — безусловно, также может быть рассмотрено в рамках этого многовекового спора.

Впервые в научный оборот понятие «интермедальность» было введено в 1983 г. немецким литературоведом-славистом О. А. Ханзен-Лёве, который считает, что сама рефлексия на тему интермедальности есть порождение эпохи модернизма — прежде всего символизма, а затем и постсимволистского авангарда (Ханзен-Лёве 2016, 15). Несмотря на то, что последователи Ханзена-Лёве активно применяют и исследуют это понятие в своих работах

(см., например, работы Е. П. Шиньева, И. Раевски, А. Ю. Тимашкова, Н. В. Исагулова), можно утверждать, хотя и с некоторой осторожностью, что в отечественной науке данная область *Medienwissenschaften* все же пока представлена недостаточно широко. В русскоязычной традиции на сегодняшний день преимущество отдается термину «интертекстуальность», понимаемому как цитирование и взаимодействие различных текстов в широком смысле (Владимирова 2016, 100). Кроме того, с интермедиаальностью коррелирует понятие «паратекстуальность» — отношение между текстом и его ближайшим околотекстовым окружением: заглавием, пред- и послесловием, эпиграфом, иллюстрациями. Объектом интермедиаального анализа в рамках семиотического подхода становится «особый тип структурных взаимосвязей внутри художественного произведения, основанный на взаимодействии языков разных видов искусства в системе единого художественного целого» (Владимирова 2016, 97).

Таким образом, анализируя творчество того или иного пишущего художника или рисующего писателя, мы анализируем не интермедиаальность как онтологическую категорию и имманентное свойство текста, а индивидуальные авторские стратегии ее реализации — как в рамках конкретного художественного произведения, так и в рамках всего творчества. Нас интересует прежде всего воплощение интермедиаальности в авторском узусе, что сближает наш предмет рассмотрения с понятием «идио-стиль».

Виды интермедиаальности

Существует целый ряд классификаций видов интермедиаальности, из которых ниже в предельно сжатом виде представлены две, показавшиеся нам наиболее любопытными и соответствующими целям нашего исследования.

Так, немец Шрётер выделяет четыре вида интермедиаальности: **синтетическая** — *synthetische Intermedialität* (синтез двух разных медиа); **формальная/трансмедиаальная** — *formale oder trans-mediale Intermedialität* (реализация структур и паттернов одного медиума в другом — к примеру, проявления визуальности в тексте); **трансформационная** — *transformationale Intermedialität* (прямая репрезентация одного медиума внутри другого — экфрасис); **онтологическая** — *ontologische Intermedialität* (выявление характерных свойств медиума посредством его сопоставления с другими медиа) (Schröter 1998; Paech, Schröter 2008).

У российского исследователя интермедиаальности Тимашкова находим несколько иную классификацию взаимодействий между вербальным и визуальным искусствами: (1) **сближение разных видов искусства через художественный образ**: «визуально объемные» описания предметов в литературе, визуализация метафоры в произведении изобразительного искусства (анализируется на примере «романтической повести» английского художника О. Бёрдсли «Под Холмом, или История Венеры и Тангейзера»); (2) **совмещение разных художественных кодов, битекстуальность**: равноправное существование двух разных кодов в рамках одного произведения (на примере романа австрийского художника А. Кубина «Другая сторона», к которому он сам выполнил иллюстрации, назвав роман «пояснительным текстом» к ним); (3) **паритетный синтез текстов разных видов искусства в пределах одного произведения** — комбинация разных текстов, которые одновременно воздействуют на реципиента по всем доступным каналам (пример — «футуристическая опера» «Победа над Солнцем») (Тимашков 2012, 12).

Основываясь на этих двух подходах к проблеме интермедиаальности, мы создали собственную классификацию видов интермедиаальности, проявившихся в творчестве Эдварда Мунка. Однако, прежде чем ее представить, необходимо сделать несколько вводных замечаний об особенностях **сенсориума художников**, влияющих на их писательский стиль. Мунк — один из «пишущих художников» европейской культурной традиции, наряду с Дюрером (автором первого в истории дневника художника), Гогеном, Ван Гогом, Дали и многими другими. Ключевым модусом восприятия для таких художников, как правило, является зрительный, однако у многих присутствуют и признаки синестетического восприятия.

Феноменология художественного восприятия

Феноменолог Мерло-Понти так описывал процесс перевода зрительных впечатлений в произведение: материал первичного восприятия — «качество, освещение, свет, глубина» — пробуждает «отклик в нашем теле, воспринимается им»; затем появляется «икона» — «чувственно-телесная сущность», изображение этих восприятий, и выразиться они могут в любой технике, как литературной, так и живописной или графической (Мерло-Понти 1995, 222–223). Видение — это «не один из модусов

мышления или наличного бытия “для себя”: это данная мне способность быть вне самого себя, изнутри участвовать в артикуляции Бытия» (Мерло-Понти 1995, 248). Зрение есть особое «телесное мышление», более материально-конкретное, чем мышление вербальное:

«...не существует зрения без мышления. Но, чтобы видеть, недостаточно мыслить: видение — это мышление при определенных условиях, которое рождается “по поводу” того, что происходит в теле, “пробуждается” телом к мысли» (Мерло-Понти 1995, 235).

Американский эстетик и психолог Рудольф Арнхейм также считал, что «восприятие в основе своей представляет познавательный процесс, определяемый формами и типом зрительного восприятия». Визуальное восприятие имеет определенное сходство с процессом интеллектуального познания. Если интеллектуальное знание имеет дело с логическими категориями, то художественное восприятие, не будучи интеллектуальным процессом *per se*, тем не менее опирается на определенные структурные принципы, которые Арнхейм называет «визуальными понятиями». Он выделяет два типа таких понятий — *перцептивные*, с помощью которых происходит восприятие, и *изобразительные*, посредством которых художник воплощает свою мысль в материал искусства. Итак, по Арнхейму, «визуальное восприятие по своей структуре представляет собой чувственный аналог интеллектуального познания» (Арнхейм 1974, 12). Для Арнхейма восприятие зрительных образов есть «схватывание гештальтов»; в рамках такого подхода выделяется несколько основных законов зрительного восприятия, актуальных как для нашей повседневной визуальной перцепции, так и для творчества профессиональных художников: это *контраст фигуры и фона; соотношение части и целого, вертикали и горизонтали; стремление к «хорошей форме»; константность (сохранение постоянства) образа* (Арнхейм 1974, 15).

Один из немецких исследователей интермедиальности С. Д. Зауэрбир считал, что словесно-понятийное восприятие, основанное на акте указания на объект (каузальный, дейктический индекс — *Index*), в целом первично по сравнению с восприятием иконическим (*Ikon*) — что противоречит традиционному пониманию визуальных знаков как более «естественных» по сравнению с вербальными. Зауэрбир фактически опрокидывает схему *ut pictura poesis* — у него

выходит наоборот: *ut poesis pictura* (Sauerbier 1986). Вероятно, эта точка зрения на схему восприятия и мышления не лишена истинности. Так, несмотря на то, что у Мунка иконическое восприятие, по всей видимости, преобладало над вербально-понятийным, он сам же утверждал, что многие идеи рождались у него сначала в письменном виде, в форме рукописи, и лишь затем «распадались» на различные вербальные и/или визуальные вариации. Как пишет норвежский теолог П. Номе, рассматривающий писательское творчество художника в контексте его фактической и духовной биографии, «творческий процесс у Мунка зачастую начинался в форме записей и стихов» (Norne 2000, 13), а его «мысли, идеи и художественные мотивы, сформулированные словесно в этих записях, можно анализировать в связи с его картинами, в тех случаях, когда между ними прослеживается тематически-мотивная связь» (Norne 2000, 7). Мунк, по мнению Номе, в целом является «художником мировоззрения» (*livssynsmaler*), и в его искусстве, в каких бы медиа оно ни выражалось, первичны именно определенные темы, мотивы, концепты, а не техника их выражения.

Интермедиальность как перевод

У разных художников визуальное и вербальное медиа могут находиться в разных связях и соотношениях, а вербальное выражение может приобретать различные структурные формы, в зависимости от типа мышления. Общим для текстов художников остается, как правило, **обилие цветовых эпитетов и визуальных описаний**, а также применение определенных жанров, с помощью которых легче передать настроение и впечатление, — **зарисовка, арабеска, фрагмент, стихотворение в прозе** и т. п. Литературный талант Мунка проявился прежде всего именно в этих жанрах. Попытки художника «реализовать симбиоз текста и изображения свидетельствуют о его стремлении использовать оба медиа, однако если визуальные произведения он мог создавать независимо от текста, то произведения вербальные сложно представить без визуального подспорья — что отразилось в незавершенности его чисто литературных экспериментов» (Junillon 2001). В связи с этим вновь встает вопрос первичности — что же чему предшествует в ходе творческого процесса, какую медиальную форму сперва обретает в сознании художника образ, призванный отобразить то или иное сенсорное ощущение или впечатление?

По мнению Карла-Уве Кнауслора — известного норвежского писателя, который в 2018 г. курировал выставку работ художника в Музее Мунка и написал о его творчестве книгу, — в картинах 1890-х гг. Мунк «как раз ищет такие способы выражения, которые могут быть переведены на язык иных медиа, и сводит картины к наименьшему общему знаменателю выразительности, который заключается в иконичности... Он осуществляет этот перевод и в обратном направлении, перенося элементы, типичные для литературы, в свои картины, создавая пространство, сходное с театральным» (Knausgård 2017, 154; перевод наш. — М. М.).

Мунк одновременно «и стремится к аутентичной эмоциональности, и, с другой стороны, действует экономно и стратегически, с полным осознанием сути медиа» (Huber 2014, 1), часто начиная работу с литературных записей и лишь затем задумываясь о визуальном воплощении мотивов. Сначала он «концентрирует определенное переживание во множестве вариантов вербального текста» (что мы наблюдаем в случае «Крика»), а затем «переводит» их в первые наброски или картины маслом (Huber 2014, 2), которые затем также могут воспроизводиться и уточняться во множестве вариаций. Таким образом, можно обозначить важный художественный принцип Мунка — **перевод мотива с языка одного медиума на язык другого**.

Интермедиальность у Мунка

В целом в творчестве Мунка можно выделить несколько основных типов интермедиальности.

(1) Паратекстуальные зависимые отношения

(1) **визуальное произведение / поясняющее заглавие** (например, *Stemmen. Sommernatt* — «Голос. Летняя ночь»; *Kvinnen i tre stadier (Sfinks)* — «Три возраста женщины (Сфинкс)»);

(2) **текст/иллюстрация** (например, «Иллюстрированный дневник» ММ Т 2761¹ (1889–90) (eMunch), где изображение встроено в текст как «визуальная подпорка» памяти, образ прошлого; иллюстрации к стихотворениям Бодлера (рис. 1) и собственным текстам из круга мотивов «Фриза жизни»);

¹ Здесь и далее коды цитируемых текстов даются по классификации электронной базы данных текстов Эдварда Мунка на портале Музея Мунка eMunch.no: ММ Т — дневники и записные книжки, ММ N — отдельные записи, ММ UT — тексты, опубликованные при жизни.

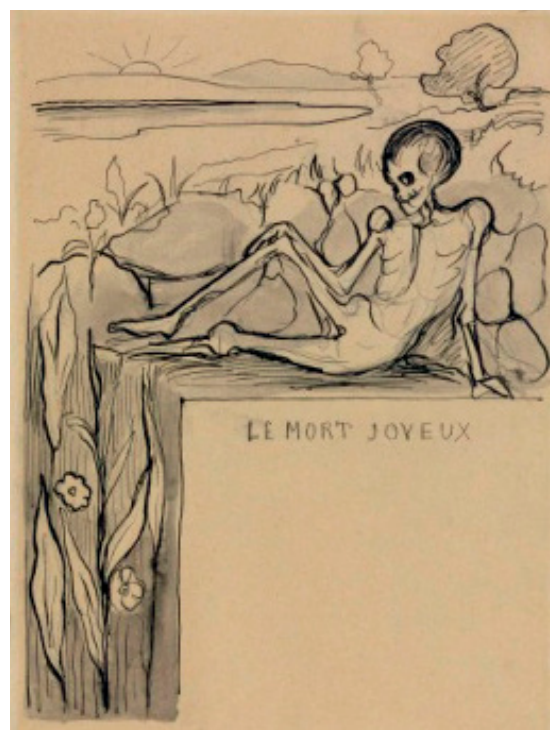

Рис. 1. Веселый мертвец. Иллюстрация к стихотворению Ш. Бодлера из сборника «Цветы зла». Музей Мунка. 1896

(3) **графическое произведение / позднейший пояснительный текст к нему** (альбом литографий и притча «Альфа и Омега»).

В связи с этим типом интермедиальности важен также вопрос наличия **рамки** во многих визуальных произведениях Мунка. Рамка помогает абстрагироваться от изначального сенсорного впечатления, выйти на символически-эмблематический уровень. В литературных же дневниках роль таких «рамки», помогающих переключаться с внешней на внутреннюю точку зрения, играет **использование третьего лица вместо первого, претерита и псевдонимов**, помогающее дистанцироваться от событий, заключив их в **ментальную нарративную рамку**. Особый случай, когда рамка «материализуется», — это наличие специального графического обрамления для текста внутри изображения или включение семантически нагруженного изображения внутрь текста как рамки.

Переходя за условную «рамку» художественного или литературного произведения, зритель или читатель получает возможность воспринимать его «изнутри», а не «извне», становясь «на внутреннюю по отношению к данному произведению точку зрения». При этом особую важность приобретает сам «процесс перехода от мира реального к миру изображаемому», то есть проблема специальной организации «рамки» художественного изображения (Успенский 1995, 174).

У Мунка рамки часто нагружаются символическим содержанием: так, зародыши, сперматозоиды и фигура женщины, заключенные в рамки литографий «Мадонна» и портрета Августа Стриндберга, отсылают к литературно-философским концептам эпохи символизма — и зрителя в момент «перехода» встречают знакомые символы.

Еще одним видом рамки является **наличие дистанцированного повествователя**, то есть повествование в третьем лице, встречающееся в большей части текстов, которые норвежский исследователь Глосли относит к «неопубликованному роману» Мунка (Glosli 1995, 4). Есть основания полагать, что из отдельных зарисовок, записей и дневников своих «литературных» лет (конец 1880-х — начало 1890-х гг.) Мунк намеревался со временем сложить более крупное эпическое полотно с двуплановой структурой (рис. 2). Так, Глосли считает, что сама дневниковая форма «часто использовалась для придания истории достоверности и убедительности» и называет тексты французского периода («тексты из Сен-Клу») «романом в дневниковой форме», а не просто дневником (Glosli 1995, 4).

Nederst ved
den store
dobbeltseng
sad det tæt
op til hinanden
på to små
barnestole;
den høie kvin-
deskikkels stod
ved siden { ... } stor
og mørk op mod
{H}vinduet
Hun sk sagde
hun skulde
forlade dem
måtte forlade
dem — og spurte
{ ... } om de blev
vilde blive
bedrøvede på når
hun var borte —
og de måtte love
hende { ... } at holde sig
til Jesus så vilde de
træffe hende igjen i himmelen
De forstod det ikke rigtig men syntes det
var så forfærdelig sørgeligt og så gråt de begge
to, storgråt —
{ ... } Skal tale i første person

В пользу литературности этого текста говорит и обилие псевдонимов, под которыми Мунк выводит как самого себя, так и других реальных лиц, превращающихся таким образом в персонажей, — еще одна «рамка»: главный герой выступает под именами *Karleman* (в детстве), *Brandt, Erik, Kristian, Bernhard* (в романтической истории любви с Милли Таулов), *Munk/Munken* (игра с собственной фамилией — «монах»), *Nansen* (отсылка к роману о жизни художников *Kjærka. Et atelierinteriør* («Храм. Интерьер мастерской», 1888) Хермана Колдица, где Мунк выведен под этим именем); его возлюбленная Милли становится *Fru Heiberg, Fru H, Fru D, Lilly*. Такой прием — использование псевдонимов — был вполне в духе времени (Prideaux 2005, 129).

Мунк нередко колеблется между выбором медиа для повествования — как, например, в этом отрывке из «иллюстрированного дневника» (рис. 3), где события из прошлого передаются одновременно визуальными средствами (иллюстрация) и вербальными (текст), причем оба медиа здесь плавно «перетекают» друг в друга, находясь в отношениях паратекстуальности и почти сливаясь:

Они сидели
у изножья
большой
двуспальной кровати,
плотно прижавшись
друг к другу,
на двух маленьких
детских стульчиках;
силуэт высокой женщины,
стоявшей рядом,
темнел
на фоне
окна
Она сказала, что
должна
покинуть
их — и спросила,
{ ... } будут ли
они
печалиться,
когда
ее не будет рядом —
и что, если они пообещают
следовать
за иисусом, тогда
они снова встретятся с ней на небесах
Они толком ничего не понимали, но все это
казалось им ужасно грустным, и они оба
расплакались, разрыдались —
{ ... } Надо писать от первого лица

Рис. 2. Воспоминание из детства. У двуспальной кровати.
Из записной книжки ММТ 2761. Музей Мунка, 1893–94

Рис. 3. «Иллюстрированный дневник». ММ Т 2761.
Музей Мунка, 1889–90. Л. 2г

Кроме того, он выбирает между повествованием от третьего и от первого лица, между «всеведущим» и субъективным рассказчиком, что может свидетельствовать о литературных амбициях. В этом «неопубликованном романе» обнаруживаются два пласта повествования, сообразно двум уровням отдаления и перспективизации событий: первый — в первом лице, где «я»-герой вспоминает о прошлом; второй — в прошедшем времени, в третьем лице (Glosli 1995, 5). Эта «бинокулярность», амбивалентность точки зрения — не случайность, а парадигма — прием, отражающий колебание между настоящим и прошлым, отдалением и приближением.

С точки зрения интермедийности здесь обнаруживается прямая параллель между дистанцированием от событий в литературном и живописном вариантах — «мунковедами» давно было отмечено, что в картинах и графике Мунка присутствует своего рода «аватар» художника (рис. 4–6): темноволосый мужчина без определенных черт лица, обычно изображенный вполоборота к зрителю, который в визуальных произведениях играет ту же роль, что и повествователь, ведущий рассказ от третьего лица в литературных дневниках, — это инстанция-наблюдатель. То есть можно сказать, что Мунк помещает себя в некоторые свои картины в третьем лице², применяя в визуальном искусстве литературный прием.

² Это соображение было любезно сообщено нам библиотечарем Музея Мунка Лассе Якобсеном (Lasse Jacobsen).

Рис. 4. Большое настроение на закате. Отчаяние. 1892.
Холст, масло. Тильская галерея, Стокгольм

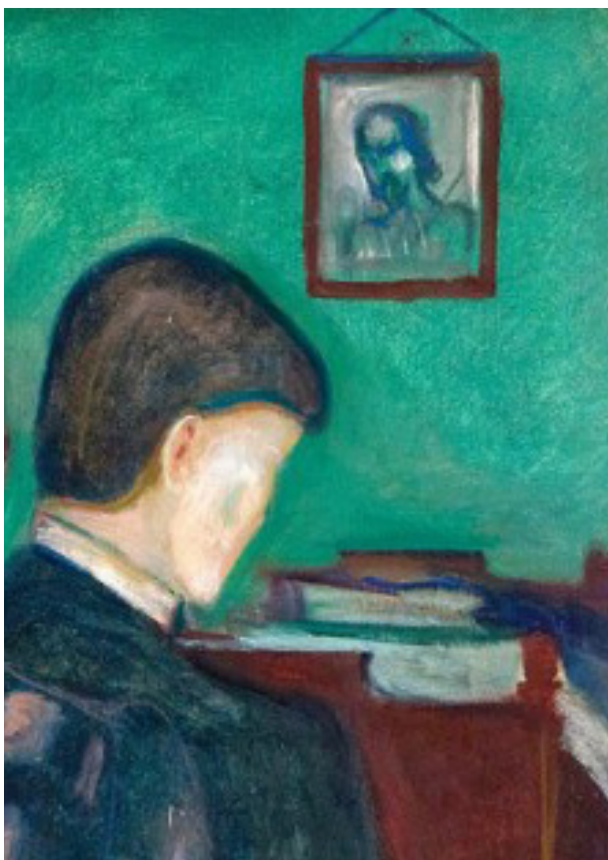

Рис. 5. Фрагмент картины
«Смерть в комнате больного». 1893.
Холст, масло. Музей Мунка, Осло

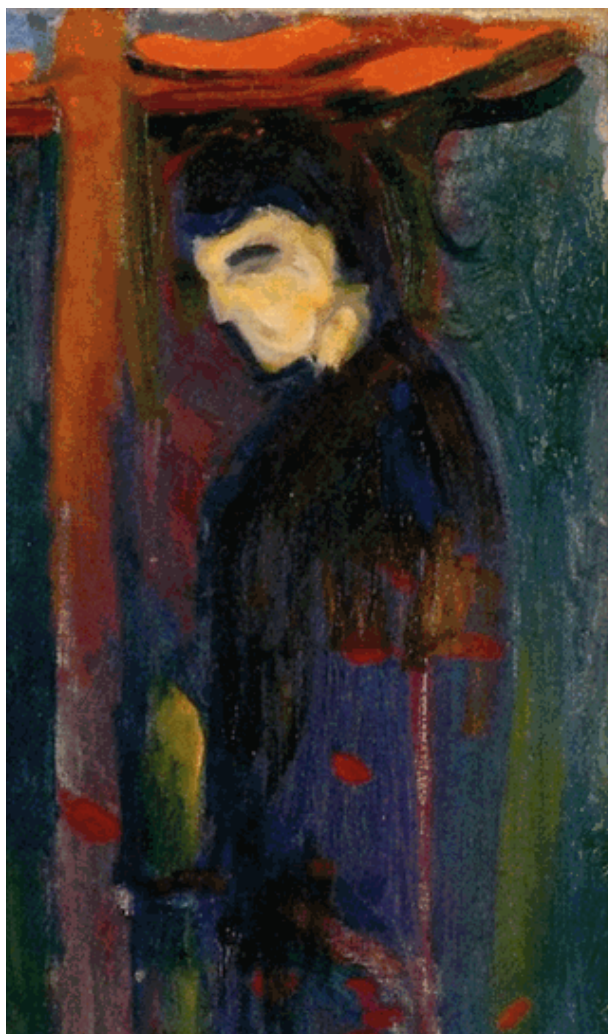

Рис. 6. Фрагмент картины «Женщина. Сфинкс». 1894.
Холст, масло. Музей Мунка, Осло

В дневниковых воспоминаниях об ужасе и отчаянии, царивших в доме Мунков, когда умирала мать (1868), затем и сестра художника София (1877), а также во время приступов туберкулеза у самого Мунка, обращает на себя внимание обилие деталей, сохранившихся в памяти автора спустя два десятилетия после описываемых событий (Eggum 1990, 12). Часто эти детали объемны, выпукло-визуальны — Мунк и в свои картины вставлял «**импрессионистические детали**» (такие, например, как маленький цветочек герани на подоконнике в центре композиции картины «Смерть предводителя богемы», 1915–17). Память Мунка сохраняла все — и визуальные, и тактильные, и слуховые впечатления. Вот пример сцены, записанной годы спустя после самих событий, и один из ее визуальных эквивалентов (Мунк воспроизводил мотив предсмертной агонии несколько раз), где мы видим отца семейства с молитвенно сложенными руками (рис. 7).

Вербально его молитвы описываются в дневниковой записи:

... «vær ikke ræd
gutten min».

Han Men han var så ræd
Det Han kjendte blodet rulle inde i brystet
— når han pustet — Det kjendtes som
om hele brystet var løsnet — og som
om alt hans blod vilde styrte ham ud af
munde{ ... }n —
Jesus Kristus Jesus Kristus
Han foldede hænderne —
{ ... }Du papa jeg dør — jeg kan ikke dø —
jeg tør ikke — Jesus — Kristus —

{S}Ikke snak for høit { ... }gutten min — Jeg skal
bede med dig —
Og han foldede hænderne over sengen og bad —
Herre hjælp ham hvis det er din villie —
lad ham ikke dø — Jeg ber dig Herregud —Ha Vi
kommer nu til dig i vor nød

... «не бойся,
мальчик мой».
Он Но ему было так страшно
Это Он чувствовал, как клокочет в груди
кровь — когда он дышал — Казалось, будто
вся грудь отслоилась — и что
вся его кровь сейчас
хлынет изо рта —
Иисус Христос Иисус Христос
Он сложил руки —
Папа я умираю — я не могу умереть —
я не смею — Иисус — Христос —
Не говори так громко мой мальчик
Я буду молиться
вместе с тобой —
И он сложил руки над кроватью и
стал молиться —
Господь, помоги ему, если такова твоя воля —
не дай ему умереть — Молю тебя, Господи —
К тебе прибегаем в скорби

Записная книжка ММ Т 2771,
Музей Мунка, 1890–91, л. 3r

Рис. 7. Агония. 1915. Холст, масло. Музей Мунка, Осло

«Неопубликованный роман» Мунка, в который предположительно должен был войти и этот фрагмент, представляет собой довольно аморфную текстуальную структуру, которой свойственна **разрозненность, фрагментарность, незавершенность** — собственно, этим трем принципам Мунк сознательно следовал во всем своем творчестве. Непросто найти красную нить, объединяющую эти «фрагментарные, неструктурированные изображения ситуаций» (Glosli 1995, 17). Такая же печать незавершенности лежит и на самом языке — грамматике, орфографии, пунктуации. Мунк может внезапно прервать предложение на полуслове, зачеркнуть отдельные части предложения или целые строки, вместо традиционной пунктуации (точки, точки с запятой, запятой) пользуется исключительно «импрессионистским» тире. Однако это выражение общих свойств его мышления, проявлявшихся как в визуальном, так и в вербальном медиа. Так, для него **«лучше написать хорошую неоконченную картину, чем плохую оконченную — многие думают, картина окончена, когда выписаны всевозможные детали»** (Мунк 2019, 11).

«Альфа и Омега»

Еще один пример паратекстуальности «наоборот» (уже на границе с битекстуальностью) — это **притча «Альфа и Омега»** (ММ UT 32) о «первых людях», сатирический парафраз одновременно и библейского повествования об Адаме и Еве, и «Фриза жизни» (Buchhart, Wolff-Thomsen, Woll 2013, 70). В 1908 г. 18 литографий были выполнены Мунком без текстового сопровождения. Однако, показав их в 1909 г. своему другу К. Гирлёффу, он убедился, что понять их без вербального пояснения зрителю затруднительно, и в 1910 г. написал «небольшое стихотворение» к «Альфe и Омeгe» (Buchhart, Wolff-Thomsen, Woll 2013, 72), нарушив свой принцип, согласно которому «объяснить картину невозможно <...> — Можно лишь дать тонкий намек на ее изначальный замысел» (Мунк 2019, 27). Так этот поначалу чисто графический проект, замысел которого возник у Мунка еще в 1894–96 гг., превратился в интермедиаальный. В тексте возникают новые детали, которых нет на литографиях, и перед нами появляются два отдельных нарратива: «...хотя текст на первый взгляд точно отражает литографии на поверхностном уровне, они не полностью соответствуют друг другу, и, исследуя отношения между текстом и изображением с этой точки зрения, мы обнаруживаем важные детали и отличия в вербальном медиуме» (Kittelsen 2017, 25). Текст явля-

ется, таким образом, не иллюстративным дополнением, а семантическим расширением и имеет автономную ценность, не являясь лишь «вербальным отражением» визуальных мотивов.

Однако не все исследователи согласны с тем, что этот текст автономен. Так, Эрик Форссман на основе того, что на 61 короткое предложение текста приходится 18 литографий, т. е. каждому третьему предложению соответствует картинка, делает вывод о том, что «это не совпадает с обычной практикой иллюстрирования текстов, и в этом отношении графическое повествование (*Bilderzählung*) Мунка попадает скорее в категорию **комикса**» (Forssman 1980, 122). Приведем пример такого полного соответствия текста и изображения — как на вербальном, так и на визуальном уровне здесь легко узнаются черты мотива «Крик» (рис. 8):

Han løb langs Havet; Himlen og Havet farvedes med Blod; han hørte Skrig i Luften og holdt sig for sine Øren; Jorden, Himlen og Havet skalv, og han følte en stor Angst [Он пустился бежать вдоль моря; небо и море окрасились кровью; он услышал в воздухе крик и зажал уши; земля, небо и море содрогнулись, и его охватил сильный ужас; *перевод наш.* — М. М.] — ММ UT 32 (eMunch).

Рис. 8. Литография из альбома «Альфа и Омега». 1908–09. Музей Мунка, Осло

Как пишет Владимирова, в комиксе как «промежуточной форме творчества», которая актуализируется на рубеже XIX и XX вв., нет «паритетного соприсутствия пластического и словесного начал, и реально она выживает между живописными миниатюрами, словесными репликами, микроанекдотами и мультимедийными видами творчества» (Владимирова 2016, 102).

Другим близким к комиксу видом интермедийных текстов у Мунка являются **карикатуры с текстом**. Художник с раннего детства имел тенденцию к карикатурности, и ее можно считать одной из ключевых черт его идиостиля (Anthology 2006, 105). В семье Мунков было принято рисовать шуточные альбомы с ребусами и «веселыми картинками» (ребусы представляют собой синтез медиа, а надписи под картинками в альбомах — паратекстуальность). В 1878 г. Мунк делает альбом «Рисунки пером» (*Pennetegninger*) и даже намеревается его продать (рис. 9–10). В 1882 г. он на свои деньги литогра-

фирует и публикует этот альбом с карикатурами, где изображения сопровождаются иллюстративным текстом (Guleng 2011, 110).

(2) Паритетные отношения — битекстуальность

Здесь вербальный и визуальный тексты могут существовать как отдельные произведения, объединенные общим мотивом (стихотворения в прозе из серии «Фриз жизни» 1890-х гг. и соответствующие визуальные произведения начиная с этого же времени, повторяемые Мунком во множестве вариантов). Сам художник дал этому своему центральному проекту жанровые

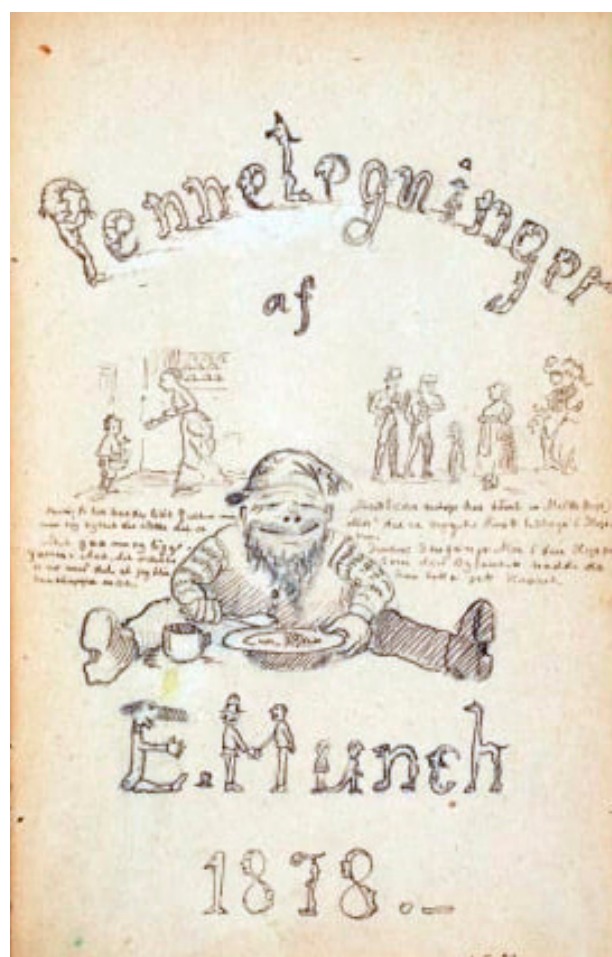

Рис. 9. Альбом «Рисунки пером». 1878. Музей Мунка, Осло

Рис. 10. Подпись пером к рисунку: «Слышны громкие голоса из соседней комнаты. Г-ну К. кажется, что некоторые из них ему знакомы.

Ему не дает покоя любопытство, он встает с постели, принимает к двери, чтобы разглядеть компанию сквозь дверное стекло, но, к несчастью, случайно нажимает на дверную ручку; дверь распахивается настежь, и его застанут врасплох».

Музей Мунка, Осло

обозначения в духе интермедиальности: «**поэма о жизни, любви и смерти**» (*et digt om livet, om kjærligheten og døden*, ММ UT 23, 1919, с. 4); «**симфония**» (*En frise mener jeg kan godt ha virkningen av en symfoni* [Фриз, по моему мнению, вполне может воздействовать как симфония] ММ UT 23, 1919, с. 11) (eMunch). Именно в связи с «Фризом» в 1897 г. журналист Эрик Ли, пораженный нарративностью, литературностью этих картин и их мощным совокупным воздействием, задал Мунку вопрос, не думал ли он когда-либо стать писателем, а не художником, и Мунк ответил утвердительно: «Да, я об этом думал. И возможно, именно так мне и следовало поступить» (Eggum 1996, 68). В 1929–30 гг. Мунк писал, что «вынашивал планы связать... записи с готовыми рисунками и гравюрами — По прошествии времени я, как и было сказано,

вновь попытался слегка навести в них порядок — Дело в основном за тем, чтобы их упорядочить» (ММ N 2268, с. 4) (eMunch). Хотя усидчивости для окончательного упорядочивания записей и создания запланированного интермедиального издания ему не хватило, «Фриз жизни», как видим, изначально задумывался им как вербально-визуальный проект, где изображение существует наравне с текстом — в паритетных битекстуальных отношениях. Один из примеров — текст (стихотворение в прозе) и картина с общим мотивом «Мадонна» (рис. 11), воспроизводящие одно и то же чувственное впечатление, однако являющиеся вполне самостоятельными произведениями искусства, доступными для раздельного зрительского и читательского восприятия:

Dit ansigt rummer al
verdens ømhed — dine øine dunkle
som den grønblåe sjø — suger mig
til dig — dine mund har
et smerteligt ømt smil —
som vilde du { ... } be mig om
tilgivelse for noget —
dine { ... } læber er vellustige — ~~bikk øin~~ \er/
~~purpur~~røde — som to ~~pur~~ blodrøde
orme —
Det er andagt i dit ansigt
der under måneskinslampen —
... ~~dit hår fra~~ {d} Din rene pande
er håret strøget tilbage —
~~Dit~~ ... Din profil er ...
{ ... } en Madonnas — din ~~mund~~
læber glider fra hinanden som
i smerte —
Dine øine er halvt lukket
som i Andagt —
Jeg spørger i angst om du
er bedrøvet — men du svar hvisker
blot jeg ~~elsk~~ er gla i dig —

В твоём лице вся
нежность мира — твои глаза темнеют
словно зелено-синее море — затягивают
меня в тебя — твой рот сложен
в болезненно-нежную улыбку —
как будто ты хочешь попросить у меня
прощения за что-то —
твои губы { ... } чувственные — ~~взгляд гла~~
~~пурпурно-красные~~ —
как две ~~пурпурово-красные~~
змеи —
В твоём лице молитва
в отсветах стеклянного светильника —
... Волосы откинута с твоего
чистого лба
Твой профиль как
у Мадонны — твой ~~рот~~
твои губы раскрываются
будто от боли —
Твои глаза полузакрыты
будто в молитве —
Я спрашиваю в страхе не
огорчена ли ты чем-нибудь — но ты лишь
шепчешь я люблю тебя —

Запись ММ N 645,
Музей Мунка, б/д, с. 1

Самой первой «литературной» картиной, относящейся к возникшему позднее «Фриз жизни», является «Ночь в Сен-Клу» (*Natt i Saint-Cloud*, 1890) (рис. 12). В этот период Мунк писал поэтичные письма Осе Нёррегор — женщине, в которую был влюблен, вышедшей замуж за его друга (Eggum 1996, 67). В картине он изображает себя «в третьем лице»,

как литературного персонажа; в вербальном тексте — изливает ей тоску и сетует, что она не может разделить с ним его зрительные впечатления. Мотив «прямоугольник лунного света» буквально совпадает в визуальном и вербальном медиа; на картине видны и те же «огоньки», и «газовые фонари» на другом берегу Сены:

Hvor mange aftener jeg
har sat alene her ved
vinduet — og ærgret mig
over at de ikke var her
så vi kunde sammen beundre
scenen udenfor i måneskinnet —
med alle lysene på den
anden side og gaslygterne
udenfor på gaden — og alle
damp bådene — med grønne
og røde lamper og gule lamper
Og så det rare halvmørket inde
i værelset — med den blåagtige lyse
firkant som månen kastet ind
på gulvet —

Как много вечеров я
просидел здесь один у
окна — жалея
что вас здесь нет
чтобы мы могли вместе любоваться
пейзажем, освещенным луной — со всеми
этими огоньками на том берегу и газовыми
фонарями
на улице под окном — и всеми этими
пароходами — с зелеными
красными и желтыми лампочками
И этот странный полумрак в
комнате — с голубоватым
прямоугольником лунного света
на полу —

Черновик письма Осе Нёррегор,
ММ N 1922, Музей Мунка,
1890, с. 2–3

Поворотным произведением во «Фризе», как и в истории мирового искусства в целом, стал «Крик» как синестетическое откровение, в котором художник через вербальное и визуальное медиа выражает всеобъемлющее сенсорное ощущение, захватывающее все чувства. «Крик» можно назвать «иконой интермедиальности»

в ее трансмедиальном аспекте: здесь средствами визуального искусства выражен слуховой феномен, а само визуальное произведение сопровождается в некоторых случаях параллельным текстом. Симптоматично, что при публикации этого текста во французском и американском изданиях изображение дано

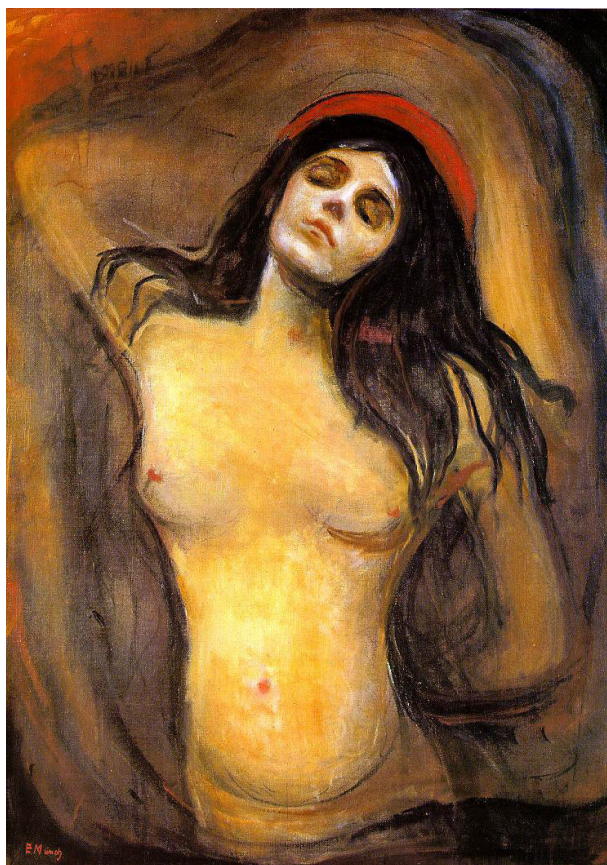

Рис. 11. Мадонна. 1894–95. Холст, масло.
Национальная галерея, Осло

Рис. 12. Ночь в Сен-Клу. 1890. Холст, масло.
Национальная галерея, Осло

в графической версии и соединено с текстом, а Мунк представлен не только как художник, но и как писатель; во французской публикации (*La revue blanche*, 1895) писали о «литературных интересах норвежского художника» (*des préoccupations littéraires du peintre norvégien*) (рис. 13). По мнению Тойнера, с годами текст к этому мотиву — в форме подписи, названия, предисловия, объяснения — «завоевывал все больше места рядом с картиной», делая из Мунка своего рода протоконцептуалиста (Tøjner 2013, 173).

Аудиальное впечатление — «крик природы» — выражается здесь средствами живописи, которой изображение звуков недоступно в принципе. Об этом в связи с «Лаокооном» Лессинга рассуждал Шопенгауэр: изображение крика для пластического искусства «совершенно чуждо и невозможно», и если бы художник взялся изображать крик, то ему пришлось изобразить бы «открытый рот, это напряженное средство крика», и это «было бы в самом деле неразумно, потому что этим перед нашим взором ставилось бы средство, требующее в остальных отношениях так много жертв, тогда как цель его, самый крик, отсутствовал бы, как и воздействие его на душу» (Шопенгауэр 1999, 199). Однако Мунк бросает вызов Шопенгауэру и вплотную подходит к синтезу аудиального и визуального.

(3) Взаимопроникновение медиа — синтез

На этом позднем этапе визуальность охватывает текст полностью — буквы наделяются цветностью, и вербальное и визуальное вступают в отношения синтеза. Альбом «Древо познания добра и зла» (*Kunskabens Træ paa Godt og Ondt*, ММ Т 2547, 1930–35) (eMunch), представляет собой совершенно особое произведение, где в интермедийальной форме выражены ключевые идеи Мунка, которые он выработал на протяжении своего творческого пути. Вербальное и визуальное здесь оказываются связаны неразрывно: сам текст обретает визуальные параметры, актуализируется чисто чувственная сторона языка — большие цветные буквы. Был ли этот альбом результатом упорядочивания его старых записей или реализацией плана по объединению текста и изображения вокруг основных мотивов «Фриза», сказать трудно. Однако он представляет собой итог его размышлений о сути используемых им медиа.

И как раз тот факт, что Мунк «раскрашивает» не отдельные буквы, а слова целиком в один определенный цвет, свидетельствует в пользу того, что он не был синестетом в полном смысле этого слова. Как доказали исследования, для человека, имеющего синестетическое восприя-

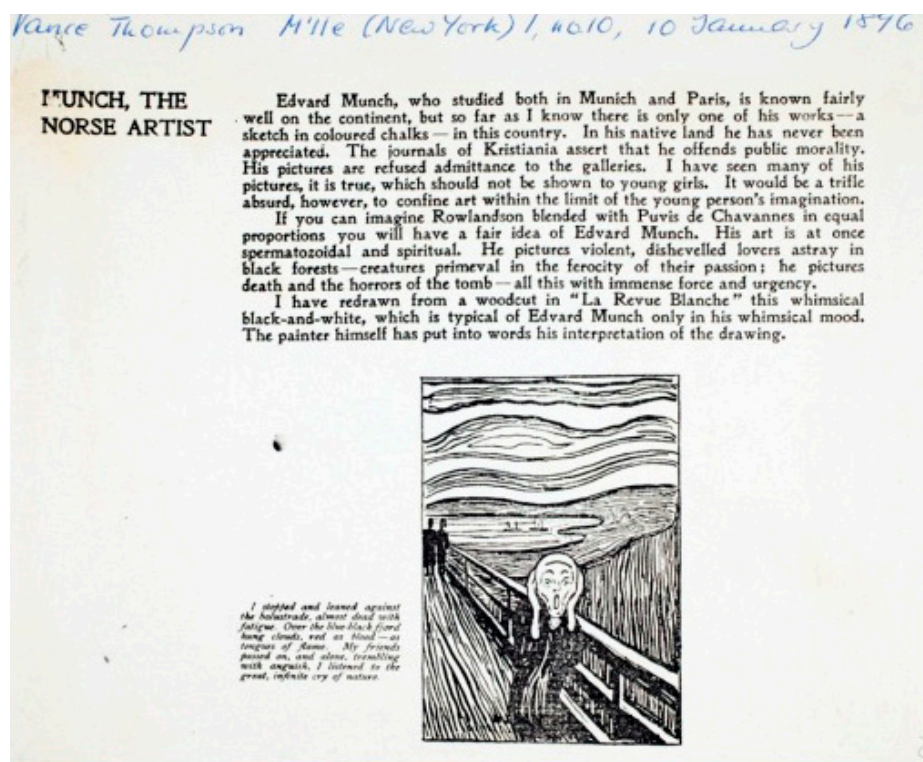

Рис. 13. Копия страницы с публикацией текста и литографии «Крик» в американском журнале *Mademoiselle*, Нью-Йорк, № 10, 10 января 1896. Библиотека-архив Музея Мунка, Осло

тие, каждая буква имеет свой фиксированный окрас, что продемонстрировал, в частности, Артур Рембо в своем сонете «Гласные» (Ofstedahl 2007, 88).

Итак, можно утверждать, что ключевым каналом восприятия для Мунка как для художника и писателя является зрительный. Зрение может приобретать для него как физиологически-эмоциональное, так и метафизическое измерение — он видит образы «на внутренней стороне глаза», переживает видения о смерти как «царстве кристаллизации» и света, грезит об ином, расширенном «рентгеновском» зрении, остро воспринимает цвета. Кроме того, присутствует у Мунка и ретроспективное зрение: модус воспоминания привносится не только в вербальные, но и в визуальные произведения, вопреки антитемпоральной сути этого медиума. Один из ключевых психических топосов для Мунка — темное внутреннее пространство, из которого он через окно смотрит наружу, на светлое царство любви, которого не может достичь; а ключевой сценарный концепт — движение «к свету», к прояснению смысла жизни через визуальные и вербальные произведения.

На пути к постижению смысла жизни одним из основных инструментов становится для него повторение мотивов в разных техниках с вариациями, служащими «постепенному смещению смысла». Цель такой стратегии — объективация переживаний, индивидуация, осознание механизмов собственной судьбы. В процессе такой объективации художник пользуется разными типами дистанцирования от первоначального события — чаще всего рамками (в тексте это рассказ в третьем лице и прошедшем времени, применение псевдонимов; в визуальных произведениях — семантизация рамок, «аватар»). Ключевые мотивы рассматриваются художником как модули, которые можно свободно комбинировать как в вербальном, так и в визуальном медиа, в рамках интермедиальной языковой игры. На психологическом уровне этот принцип

связан с необходимостью самоанализа, на философском — с концепциями Ницше о «вечном возвращении», Кьеркегора о повторении, а также с «припоминанием» греков. Свободное обращение с мотивами как «деталью конструктора» соотносится с принципиальной открытостью, незавершенностью как еще одной творческой стратегией Мунка. Эта свобода может проявляться в обоих видах интермедиальности: и между разными версиями визуального произведения, и между текстами вербальными и визуальными. При этом последние складываются в единство, метанарратив не столько на сюжетном, сколько на мотивном уровне.

В творчестве Мунка прослеживается несколько типов интермедиальности, и по ним можно судить о первичности того или иного медиального канала. Судя по высказываниям самого Мунка, визуальные мотивы часто рождались у него на основе уже готовых записей; в случае с притчей «Альфа и Омега» текст возник как позднейшая вербализация-пояснение. О прямой иллюстративности говорить не приходится, и точное иерархическое соотношение установить затруднительно, однако можно утверждать, что одним из ключевых принципов творчества для Мунка был принцип перевода мотивов с одного медиального языка на другой.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке норвежского Центра интернационализации образования (SIU), который предоставил автору стипендию на исследование в библиотеке-архиве Музея Мунка в сентябре-октябре 2017 года.

Выражаю благодарность библиотекарям Музея Мунка Лассе Якобсену и Ингер Энган за их помощь и консультации, а также моему научному руководителю А. Н. Ливановой за поддержку, юмор и мотивацию.

Литература

- Арнхейм, Р. (1974) *Искусство и визуальное восприятие*. М.: Прогресс, 386 с.
- Владимирова, Н. Г. (2016) *Интертекстуальность. Интермедиальность. Интердискурсивность*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 170 с.
- Ермакова, П. (2019) *Сентиментальные иконы Лоренса Стерна. «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» и визуальная культура Европы конца XVIII — середины XIX века*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 182 с.
- Левитт, М. (2015) *Визуальная доминанта в России XVIII века*. М.: Новое литературное обозрение, 528 с.
- Мерло-Понти, М. (1995) Око и дух. В кн.: *Французская философия и эстетика XX века. Вып. 1*. М.: Искусство, с. 215–252.
- Мунк, Э. (2019) *Бесплотной тенью покидаю тебя: цитаты Эдварда Мунка*. М.: Эксмо, 168 с.

- Тимашков, А. Ю. (2012) *Интермедиальность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX–XX вв. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата искусствоведения*. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 23 с.
- Успенский, Б. А. (1995) Семиотика иконы. В кн.: *Семиотика искусства*. М.: Школа «Языки русской культуры», с. 221–296.
- Ханзен-Лёве, Оге А. (2016). *Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду*. М.: РГГУ, 450 с.
- Шопенгауэр, А. (1999) *Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление*. М.: ТЕПРА–Книжный клуб; Республика, 496 с.
- Buchhart, D., Wolff-Thomsen, U. Woll, G. (2013) *Edvard Munch. Alpha & Omega*. Alkersum: Museum der Westküste Forlag, 150 S.
- Eggum, A. (1990) *Edvard Munch. Livsfrisen fra maleri til grafikk*. Oslo: J. M. Stenersen Forlag, 303 p.
- Eggum, A. (1996) Literary reflections in Munch's Frieze of Life. In: P. Paszkiewicz (ed.). *Totenmesse. Modernism in the culture of Northern and Central Europe*. Warsaw: Institute of Art, Polish Academy of Sciences Publ., pp. 65–78.
- Forssman, E. (1980) "Alfa und Omega". Edvard Munch als Erzähler. In: G. Baumann, G. Schnitzler, J. Schröder (Hrsg.). *Bild und Gedanke. Festschrift für Gerhart Baumann zum 60. Geburtstag*. München: Fink, S. 120–132.
- Glosli, S. A. (1995) *Frå tekst til bilete. Ein analyse av Edvard Munchs romanutkast frå St. Cloud Paris, 1890*. Hovudoppgåve i nordisk. Oslo: UiO, Institutt for nordistikk og litteraturvitenskap, 101 s.
- Guleng, M. B. (ed.). (2011) *eMunch.no — tekst og bilde*. Oslo: Munch-museet forlag, 303 p.
- Huber, H. D. (2014) *Edvard Munch. Materiality, metabolism and money*. Berlin: epubli GmbH, 60 p.
- Junillon, I. (2001) *Le théâtre d'Henrik Ibsen dans l'oeuvre d'Edvard Munch: Scénographie, "illustration" et "variations graphiques"*. Thèse de doctorat (Histoire de l'Art Contemporain). Lyon, Université Lumière Lyon 2. [Online]. Available at: http://theses.univ-lyon2.fr/documents/lyon2/2001/junillon_i/info (accessed 22.02.2020).
- Kittelsen, E. (2017) Myth of 1910. Reading Edvard Munch's Alpha and Omega. *Kunst og Kultur*, vol. 100, no. 1–2, pp. 20–33.
- Knausgård, K. O. (2017) *Så mye lengsel på så liten flate. En bok om Edvard Munchs bilder*. Oslo: Oktober Forlag, 233 p.
- Kvaran, Gunnar B. (ed.). (2019) *Anselm Kiefer — Bøker og tresnitt. 30.05–15.09.19. Fondation Jan Michalski pour l'écriture et la littérature. Exhibition catalogue*. Oslo, Astrup Fearnley Museet, 56 p.
- Mørstad, E. (ed.). (2006) *Edvard Munch. An anthology*. Oslo: Oslo Academic Press, 225 p.
- Nome, P. (2000) *Kunst som "Krystallisasjon": En studie i Edvard Munchs notater om hans tro, livssyn og kunstforståelse, relatert til hans bilder. PhD dissertation (Theology)*. Oslo, University of Oslo, 290 p.
- Oftedahl, S. (2007) *Monism and synaesthesia: Two metaphysical concepts in the art of Edvard Munch. Thesis in the History of Art*. Oslo: University of Oslo Publ., 104 p. [Online]. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/30853624.pdf> (accessed 22.02.2020).
- Paech, J., Schröter, J. (Hrsg.). (2008) *Intermedialität — Analog/Digital. Theorien — Methoden — Analysen*. München: Wilhelm Fink, 618 S.
- Prideaux, S. (2005) *Edvard Munch: Behind the scream*. London: Yale University Press, 391 p.
- Sauerbier, S. D. (Hrsg.). (1986) *Rainer Gross — ut poesis pictura. 1977–1986*. (Mit Beiträgen von Steven Westfall, Carl Haenlein, Robert Sawyer, Sabine Fehleemann, Uli Bohnen, S. D. Sauerbier.) Köln, 82 S.
- Schröter, J. (1998) Intermedialität. Facetten und Probleme eines aktuellen medienwissenschaftlichen Begriffs. *montage AV*, Bd 7, H. 2, S. 129–154.
- Tøjner, P. E., Gundersen, B. R. (2013) *Skrik. Historien om et bilde*. Oslo: Forlaget Press, 415 p.

Sources

Emunch.no. [Online]. Available at: <https://emunch.no/english.xhtml> (accessed 22.02.2020). (In English)

References

- Arnheim, R. (1974) *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie [Art and visual perception. A psychology of the creative eye]*. Moscow: Progress Publ., 386 p. (In Russian)
- Buchhart, D., Wolff-Thomsen, U. Woll, G. (2013) *Edvard Munch. Alpha & Omega*. Alkersum: Museum der Westküste Forlag, 150 S. (In German)
- Eggum, A. (1990) *Edvard Munch. Livsfrisen fra maleri til grafikk [Edvard Munch: The frieze of life from painting to graphic art]*. Oslo: J. M. Stenersen Forlag, 303 p. (In Norwegian)
- Eggum, A. (1996) Literary reflections in Munch's Frieze of Life. In: P. Paszkiewicz (ed.). *Totenmesse. Modernism in the culture of Northern and Central Europe*. Warsaw: Institute of Art, Polish Academy of Sciences Publ., pp. 65–78. (In English)

- Ermakova, P. (2019) *Sentimental'nye ikony Lorensa Sterna. "Sentimental'noe puteshestvie po Frantsii i Italii" i visual'naya kul'tura Evropy kontsa XVIII — serediny XIX veka* [Laurence Stern's sentimental icons. "A sentimental journey through France and Italy" and European visual culture in the late eighteenth and mid-nineteenth century]. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg Publ., 182 p. (In Russian)
- Forssman, E. (1980) "Alfa und Omega". Edvard Munch als Erzähler. In: G. Baumann, G. Schnitzler, J. Schröder (Hrsg.). *Bild und Gedanke. Festschrift für Gerhart Baumann zum 60. Geburtstag*. München: Fink, S. 120–132. (In German)
- Glosli, S. A. (1995) *Frå tekst til bilete. Ein analyse av Edvard Munchs romanutkast frå St. Cloud Paris, 1890* [From text to image. An analysis of Edvard Munch's draft novel from St. Cloud Paris, 1890]. PhD dissertation (Nordic Studies). Oslo: University of Oslo, Institute for Nordic and Literary Studies, 101 p. (In Norwegian)
- Guleng, M. B. (ed.). (2011) *eMunch.no — tekst og bilde* [eMunch.no — text and image]. Oslo: Munch-museet forlag, 303 p. (In Norwegian)
- Hansen-Löve, Aage A. (2016) *Intermedialität in der russischen Kultur. Vom Symbolismus zur Avantgarde*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 450 p. (In Russian)
- Huber, H. D. (2014) *Edvard Munch. Materiality, metabolism and money*. Berlin: epubli GmbH, 60 p. (In English)
- Junillon, I. (2001) *Le théâtre d'Henrik Ibsen dans l'œuvre d'Edvard Munch: Scénographie, "illustration" et "variations graphiques"* [The importance of Henrik Ibsen's theatre in Edvard Munch's work: Scenography, "illustration" and graphic variations]. PhD dissertation (History of Contemporary Art). Lyon, Université Lumière Lyon 2. [Online]. Available at: http://theses.univ-lyon2.fr/documents/lyon2/2001/junillon_i/info (accessed 22.02.2020). (In French)
- Kittelsen, E. (2017) Myth of 1910. Reading Edvard Munch's Alpha and Omega. *Kunst og Kultur*, vol. 100, no. 1–2, pp. 20–33. (In English)
- Knausgård, K. O. (2017) *Så mye lengsel på så liten flate. En bok om Edvard Munchs bilder* [So much longing in so little space: The art of Edvard Munch]. Oslo: Oktober Forlag, 233 p. (In Norwegian)
- Kvaran, Gunnar B. (ed.). (2019) *Anselm Kiefer — Bøker og tresnitt* [Anselm Kiefer — books and woodcuts]. 30.05–15.09.19. Fondation Jan Michalski pour l'écriture et la littérature. Exhibition catalogue. Oslo, Astrup Fearnley Museum, 56 p. (In Norwegian)
- Levitt, M. (2015) *Visual'naya dominanta v Rossii XVIII veka* [The visual dominant in eighteenth-century Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 528 p. (In Russian)
- Merleau-Ponty, M. (1995) *Oko i dukh* [L'Œil et l'esprit]. In: *Frantsuzskaya filosofiya i estetika XX veka* [French philosophy and aesthetics of the XX century]. Iss. 1. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 215–252. (In Russian)
- Munch, E. (2019) *Besplotnoj ten'yu pokidayu tebya: tsitaty Edvarda Munka* [Like a ghost I leave you: Quotes by Edvard Munch]. Moscow: Eksmo Publ., 168 p. (In Russian)
- Mørstad, E. (ed.). (2006) *Edvard Munch. An anthology*. Oslo: Oslo Academic Press, 225 p. (In English)
- Nome, P. (2000) *Kunst som "Krystallisasjon": En studie i Edvard Munchs notater om hans tro, livssyn og kunstforståelse, relatert til hans bilder* [Art as "Crystallization": A study in Edvard Munch's notes on his beliefs, views on life and understanding of art, related to his pictures]. PhD dissertation (Theology). Oslo, University of Oslo, 290 p. (In Norwegian)
- Oftedahl, S. (2007) *Monism and synaesthesia: Two metaphysical concepts in the art of Edvard Munch. Thesis in the History of Art*. Oslo: University of Oslo Publ., 104 p. [Online]. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/30853624.pdf> (accessed 22.02.2020). (In English)
- Paech, J., Schröter, J. (Hrsg.). (2008) *Intermedialität — Analog/Digital. Theorien — Methoden — Analysen* [Intermediality — Analog/Digital. Theories — methods — analyses]. München: Wilhelm Fink, 618 p. (In German)
- Prideaux, S. (2005) *Edvard Munch: Behind the scream*. London: Yale University Press, 391 p. (In English)
- Schopenhauer, A. (1999) *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1: Mir kak volya i predstavlenie* [Collected works: In 6 vols. Vol. 1: Die Welt als Wille und Vorstellung]. Moscow: TERRA — Knizhny klub Publ.; Respublika Publ., 496 p. (In Russian)
- Schröter, J. (1998) Intermedialität. Facetten und Probleme eines aktuellen medienwissenschaftlichen Begriffs. *montage AV*, Bd 7, H. 2, S. 129–154. (In German)
- Timashkov, A. Yu. (2012) *Intermedial'nost' kak avtorskaya strategiya v evropejskoj khudozhestvennoj kul'ture rubezha XIX–XX vv.* [Intermediality as author's strategy in the European artistic culture at the turn of the 20th century]. Extended abstract of the PhD dissertation (Art History). Saint Petersburg, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 23 p. (In Russian)
- Tøjner, P. E., Gundersen, B. R. (2013) *Skrik. Historien om et bilde* [The Scream. The story of an image]. Oslo: Forlaget Press, 415 p. (In Norwegian)
- Uspenskij, B. A. (1995) Semiotika ikony [Semiotics of the icon]. In: *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury" Publ., pp. 221–296. (In Russian)
- Sauerbier, S. D. (ed.). (1986) *Rainer Gross — ut poesis pictura. 1977–1986*. (With the participation of Steven Westfall, Carl Haenlein, Robert Sawyer, Sabine Fehleemann, Uli Bohnen, S. D. Sauerbier.) Köln, 82 p. (In German and English)
- Vladimirova, N. G. (2016) *Intertekstual'nost'. Intermedial'nost'. Interdiskursivnost'* [Intertextuality. Intermediality. Interdiscursivity]. Velikij Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 170 p. (In Russian)

Проблемы применения системы дистанционного образования MOODLE при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей педагогического вуза

М. С. Хахалина^{✉1}, О. Ю. Щерба¹, Н. В. Порязь¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Марина Сергеевна Хахалина,
SPIN-код: 8044-2246,
Scopus AuthorID: 23485589600,
ResearcherID: ABE-4774-2020,
ORCID: 0000-0001-6510-9099,
e-mail: KhaxalinaM@gmail.com

Оксана Юрьевна Щерба,
SPIN-код: 4630-5399,
ResearcherID: AAA-8196-2019,
ORCID: 0000-0003-3837-705X,
e-mail: oksanand@yandex.ru

Надежда Вадимовна Порязь,
SPIN-код: 3000-5235,
ResearcherID: Y-2501-2019,
ORCID: 0000-0002-1475-6605,
e-mail: poryaznv@herzen.spb.ru

Для цитирования:

Хахалина, М. С., Щерба, О. Ю., Порязь, Н. В.
(2021) Проблемы применения системы дистанционного образования MOODLE при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей педагогического вуза. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 3, № 1, с. 97–105.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-97-105>

Получена 25 ноября 2020; прошла рецензирование 20 января 2021; принята 3 февраля 2021.

Права: © Авторы (2021).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Данная статья рассматривает проблемы дистанционного образования при обучении студентов неязыковых специальностей иностранному языку. В реалиях нашего времени данная тема очень актуальна, т. к. опыта повсеместного использования онлайн-обучения до этого не существовало. В статье приведен анализ взглядов некоторых исследователей на проблему дистанционного обучения. В статье также представлена характеристика MOOK (массовых открытых онлайн-курсов) и платформы MOODLE по таким параметрам, как динамика посещаемости и количество слушателей, которые прошли курс до конца.

Необходимо отметить, что выполнение заданий в системе MOODLE в РГПУ им. А. И. Герцена с весны 2020 г. используется как обязательное условие для получения аттестации. Таким образом, основное содержание исследования составляет анализ факторов, влияющих на эффективность академического онлайн-обучения в данной системе. Авторы интересовали показатели академической успеваемости и посещаемости студентами онлайн-занятий.

В работе проанализировано психологическое и психолого-педагогическое влияние на эффективность образовательного процесса в рамках системы MOODLE. Особое внимание уделялось условиям записи студентов на курс дистанционного обучения (записался ли студент сам или его зачислил на свой курс преподаватель), наличию дедлайнов при выполнении заданий студентами и форме итоговой аттестации. Из трех рассматриваемых авторами факторов эффективности онлайн-курса наиболее весомым является наличие дедлайна выполнения работы, что оказывает влияние на внешнюю мотивацию студентов и тем самым повышает дисциплинированность студентов в сдаче работ.

Следует также отметить, что группы студентов, активно использовавшие видеочаты, имеют более высокую академическую успеваемость.

На основе проведенных исследований авторы дают рекомендации для повышения эффективности работы студентов в дистанционном формате.

Ключевые слова: дистанционное образование, MOODLE, онлайн, дедлайн, эффективность, успеваемость, мотивация, прокрастинация.

Some problems of using MOODLE platform when teaching ESL to university students of non-linguistic departments majoring in Education science

M. S. Khakhalina^{✉1}, O. Yu. Scherba¹, N. V. Poriaz¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Marina S. Khakhalina,
SPIN: 8044-2246,
Scopus AuthorID: 23485589600,
ResearcherID: ABE-4774-2020,
ORCID: 0000-0001-6510-9099,
e-mail: XaxalinaM@gmail.com

Oksana Yu. Scherba,
SPIN: 4630-5399,
ResearcherID: AAA-8196-2019,
ORCID: 0000-0003-3837-705X,
e-mail: oksanand@yandex.ru

Nadezhda V. Poriaz,
SPIN: 3000-5235,
ResearcherID: Y-2501-2019,
ORCID: 0000-0002-1475-6605,
e-mail: poryaznv@herzen.spb.ru

For citation:

Khakhalina, M. S., Scherba, O. Yu.,
Poriaz, N. V.
(2021) Some problems of using
MOODLE platform when teaching
ESL to university students of non-
linguistic departments majoring
in Education science. *Language
Studies and Modern Humanities*,
vol. 3, no. 1, pp. 97–105.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-97-105>

Received 25 November 2020;
reviewed 20 January 2020;
accepted 3 February 2021.

Copyright: © The Authors (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. This article examines the problems of distance education in teaching students of non-linguistic departments a foreign language. In the realities of our time, this topic is very relevant, because there was no experience of widespread use of online learning before. The article analyzes the views of some researchers on the problem of distance learning. It also provides characteristics of MOOKS (mass open online courses) and the MOODLE in terms of such parameters as the dynamics of attendance and the number of students who completed the course to the end.

It should be noted that the performance of tasks in the MOODLE system at the Herzen State Pedagogical University has been used as a prerequisite for obtaining certification since the spring of 2020. Thus, the main content of the study is the analysis of factors that affect the effectiveness of online academic training in this system. The authors were interested in indicators of academic performance and students' attendance at online classes.

The article analyzes the psychological and psychological-pedagogical impact on the effectiveness of the educational process in the framework of the MOODLE system. Special attention was paid to the conditions for students to enroll in a distance learning course (whether the student signed up or was enrolled in their course by the teacher), the availability of deadlines for completing tasks by students, and the form of final certification. Of the three factors considered by the authors for the effectiveness of an online course, the most significant is the presence of a deadline for completing work, which affects the external motivation of students and thereby increases the discipline of students in passing work.

It should also be noted that groups of students who actively used video chats have higher academic performance.

Based on the research, the authors give recommendations for improving the effectiveness of students' work in the distance format.

Keywords: distant learning, MOODLE, online, deadline, efficiency, progress, motivation, procrastination.

Вступление

В связи с интенсификацией использования различных систем дистанционного обучения представляются актуальными психолого-педагогические исследования, посвященные данной тематике, в частности рассмотрению различных факторов, которые могут оказать влияние на эффективность учебного процесса в условиях дистанционного обучения.

Основной целью и задачей нашей работы является рассмотрение влияния на эффективность онлайн-обучения таких факторов, как

форма дедлайнов, форма контроля и форма записи студентов на онлайн-курс при обучении английскому языку.

Начало подобным педагогическим исследованиям было положено в 2014 г., когда Гарвардский и Массачусетский технологический институты опубликовали результаты проведенного ими анализа семнадцати массовых открытых онлайн-курсов (MOOK), охватывавших широкий спектр естественно-научных и социогуманитарных дисциплин, размещенных на базе платформы EdX.

Несмотря на то, что специфика работы на базе платформы MOODLE несколько отлича-

ется от подобных МООК в силу того, что для студентов посещение электронных учебных курсов (ЭУК) и выполнение его программы является обязательным условием для получения аттестации, имеет смысл привести здесь некоторые основные результаты данного исследования (Макаров 2014).

Во-первых, одной из отличительных особенностей МООК по сравнению с традиционными курсами является достаточно высокий отсев слушателей. Так, из более чем полумиллиона студентов полностью завершили курс с получением соответствующих сертификатов всего лишь около 43 тысяч участников (приблизительно 5%), еще примерно 4% слушателей выполнили программу своих курсов более чем наполовину, в то время как большая часть слушателей (56%) сделала менее половины заданий. Наконец, около трети участников, записавшихся на МООКи, даже не приступали к выполнению программы. Таким образом, по результатам на 2014–15 гг., 10–15% слушателей, прошедших курс до конца, считались достаточно высоким результатом.

Что касается динамики посещаемости, то, согласно результатам того же исследования, максимальный отсев наблюдается, как правило, в начале курса, когда в период времени с первой по восьмую неделю посещаемость снижается в среднем в восемь раз; при этом при переходе с первой ко второй неделе наблюдается снижение в два раза, а к концу третьей наблюдается некоторая стабилизация обстановки, когда на курсе остаются те студенты, которые мотивированы к дальнейшему обучению (Макаров 2014).

Как было сказано выше, специфика работы на базе платформы MOODLE в некоторых аспектах значительно отличается от МООК. Эти аспекты проанализированы в статье В. С. Макарова (Макаров 2014), однако описанные выше результаты также следует принимать во внимание, в особенности в том, что касается такого важного параметра эффективности, как посещаемость. Так, весной 2020 г. после перехода с офлайн- на онлайн-формат обучения студенты неязыковых специальностей РГПУ им. А. И. Герцена были поставлены в известность о том, что прохождение программы ЭУКа является обязательным условием для получения итоговой аттестации; тем не менее при условии отсутствия жестких дедлайнов посещаемость дисциплины «Иностранный язык» была примерно такой же, как и в приведенном выше исследовании, т. е. регулярно посещали занятия, знакомились с материалами и своевременно сдавали задания только 10–15% студентов.

В связи с этим нами было принято решение проанализировать факторы, влияющие на эффективность онлайн-обучения в системе MOODLE. Под эффективностью мы в данном случае понимаем регулярность посещения и сдачи работ (без учета академической успеваемости, т. к. этот фактор зависит от академического уровня группы), а факторы мы подразделяем на внутренние, преимущественно психологические, и внешние, организационно-педагогические.

Обзор исследований по проблематике

Обширное исследование МООК и различных факторов, влияющих на его эффективность, приводится в работе М. В. Клименских и соавторов (Клименских 2019). Под эффективностью онлайн-обучения в данном контексте понимается, как правило, целая совокупность различных компонентов, важнейшими из которых являются академическая успеваемость и посещаемость, рассматриваемые как объективные критерии, а также многочисленные субъективные компоненты, к которым обычно относят оцениваемую студентом сложность того или иного курса, его пользу, субъективное приращение знаний, мотивированность, самомотивацию и т. д.

Объективный компонент исследуется путем анализа академической успеваемости студентов, посещаемости занятий, времени, затрачиваемого на выполнение тех или иных работ, своевременности сдачи заданий и т. д. Субъективный компонент оценивается путем проведения опросов и анкетирования студентов.

Что касается субъективного компонента, то данный аспект также рассматривается в упомянутой работе (Клименских 2019) на примере анализа эффективности обучения студентов Уральского федерального университета, примерно половина из которых уже имела опыт онлайн-обучения, а другая половина сталкивалась с МООК впервые. В результате данного исследования были выделены следующие ключевые факторы онлайн-обучения:

- **мотивация** внутренняя и внешняя; если внутренняя мотивация связана с личной заинтересованностью и проявлением инициативы, то внешняя мотивация заключается преимущественно в ориентации на чувство долга и общественное мнение;
- **уровень интеллекта**; данный фактор предсказуемо коррелирует с эффективностью как онлайн-, так и офлайн-обучения;

- **личностные качества;** например, склонность к кооперации и волевая составляющая;
- **учебный опыт;** в целом исследователи отмечают, что успешный опыт прохождения МООК в прошлом, как и следовало ожидать, повышает вероятность дальнейшего эффективного онлайн-обучения;
- **открытость опыту;** интересно, что в данном исследовании не было выявлено существенных отличий эффективности обучения в зависимости от типа восприятия информации студентом (аудиального, визуального, кинестетического).

Как следует из вышеприведенного списка факторов эффективности онлайн-обучения, одним из важнейших внутренних факторов эффективности является мотивация и самомотивация студентов. Согласно теории саморегулирующегося обучения, разработанной Б. Циммерманом в 90-е гг. XX в., мотивированными следует считать таких слушателей, которые способны самостоятельно поставить перед собой цели обучения (Макаров 2014). При этом данные цели должны быть конкретными и индивидуальными, а основным внешним признаком такой мотивации будет являться обмен между студентами опытом, выходящим за рамки учебной программы на базе форумов, чатов и других интерактивных инструментов. Таким образом, присутствие подобных инструментов является важным условием для создания и поддержания внутренней мотивированности студентов.

С другой стороны, также очевидно, что из приведенного выше списка факторов эффективности на практике легче всего поддается контролю фактор внешней мотивации, достигаемый за счет формализации процесса обучения — выстраивания четкой структуры занятий, подробно расписанных дедлайнов, прозрачной системы начисления баллов и т. д., чем и обусловлена тематика нашей работы, а именно рассмотрение влияния таких факторов, как форма контроля, дедлайны и форма записи при обучении студентов английскому языку.

Наиболее противоречивым из аспектов, согласно различным психолого-педагогическим исследованиям в области образования и менеджмента, является наличие дедлайнов. С одной стороны, оно традиционно считается одним из ключевых факторов контроля, а также повышения производительности работы в целом и эффективности учебного процесса в частности, с другой, может негативным образом сказаться на внутренней мотивации (Amabile, DeJong, Lepper 1976; Balasubramanian, Jeongsik, Jagadeesh 2016).

Известно, что в целом установка дедлайнов повышает исполнительность студентов (Макаров 2014; Щербаков, Кирина, Кириллова 2019). Также установка четких сроков работы рекомендуется как одно из основных средств мотивации студентов и борьбы с прокрастинацией (Хонский, Бутыко 2016), в т. ч. в академической среде: подобный эффект нередко встречается среди студентов первого курса в связи с адаптацией к новым условиям. Однако некоторые исследования указывают на то, что данный эффект оказывает лишь краткосрочное воздействие, а в долгосрочной перспективе наличие жестких сроков сдачи проектов снижает способность коллектива к творчеству и восприятию инновационных воздействий, а также не лучшим образом сказывается на морально-психологическом настрое коллектива.

Тем не менее ограничение временных рамок для выполнения академических заданий является одним из основных принципов педагогической работы. Например, в исследовании К. Грэхема (Graham, Cagiltay, Lim et al. 2001) описывается следующий педагогический эксперимент: сравниваются два курса, в одном из которых не устанавливалось вообще никаких дедлайнов — с целью пойти студентам навстречу и позволить им работать по более гибкому графику в связи с тем, что многие из студентов рассматриваемых онлайн-курсов совмещали учебу с работой с полной занятостью. Это также справедливо для некоторых категорий наших студентов, в особенности магистрантов и аспирантов, которые имеют частичную либо полную занятость в школах, колледжах и других образовательных учреждениях.

Результаты исследования К. Грэхема (Graham, Cagiltay, Lim et al. 2001) показали, что по сравнению с данным «гибким» курсом остальные студенты, которые должны были придерживаться определенных временных рамок, работали со значительно большей регулярностью и имели меньшую склонность к прокрастинации, а также чаще общались с преподавателем и одногруппниками.

Обратимся к статье К. Смоленски-Нельсон, в которой автор обобщает и анализирует свой опыт работы со студентами в традиционном офлайн-формате и в онлайн-формате (Smolenski-Nelson 2004). Согласно результатам данного педагогического исследования, целесообразно устанавливать для онлайн-курсов приблизительно такие же временные рамки сдачи заданий, как и для офлайн-обучения (один-два раза в неделю, в зависимости от интенсивности обучения и особенностей конкретного курса).

К. Смоленски-Нельсон приводит ряд причин, обуславливающих необходимость установления таких крайних сроков, основным из которых является мотивация. Практика показывает, что в случаях, когда педагог принимает студенческие работы, сданные с опозданием, не назначая при этом никаких штрафных санкций и не снижая максимальный балл, значительно снижается внешняя мотивация студентов: начинается систематическая прокрастинация, что, с одной стороны, сказывается на качестве усвоения материала, с другой стороны, создает дополнительную (и часто весьма значительную) нагрузку на преподавателя, например вынуждая его при проверке сданной с опозданием работы возвращаться к темам, которые были разобраны несколько недель назад.

При установлении дедлайнов К. Смоленски-Нельсон рекомендует выдерживать следующие требования (Smolenski-Nelson 2004):

- **регулярность:** назначать крайние сроки сдачи работ один-два раза в неделю, желательно в одни и те же дни, чтобы установить привычную рутинную процедуру;
- **неотвратимость последствий:** работы, сданные после крайнего срока, либо по умолчанию оцениваются ниже, чем работы, сданные в срок, либо вовсе не принимаются к рассмотрению; исключения могут быть сделаны только в тех случаях, когда студент заблаговременно уведомляет педагога о невозможности сдать работу в установленные сроки по какой-либо уважительной причине.

Помимо этих основных требований, К. Смоленски-Нельсон также дает несколько дополнительных рекомендаций, которые могут повысить эффективность учебного процесса в онлайн-формате, с одной стороны, и снизить нагрузку на преподавателя онлайн-курса, с другой стороны. Применительно к нашим условиям обучения эти рекомендации могут быть реализованы следующим образом: например, во избежание большого потока электронных писем со стороны студентов является целесообразным прикрепить к онлайн-курсу раздел Frequently asked questions, в котором могут быть размещены ответы на вопросы, наиболее часто задаваемые по почте, такие как критерии оценивания работ, требования к зачету, требования к экзамену, отработка пропущенных занятий и т. д. Также в данном разделе целесообразно разместить контакты технической поддержки, так как зачастую технические вопросы адресуются именно педагогу.

Еще одна рекомендация от авторов данной статьи, которая может повысить эффективность ЭУКа, заключается в установлении не одного, а двух еженедельных дедлайнов (при условии занятий один раз в неделю): первый дедлайн — в начале или середине недели, к которому необходимо, например, ознакомиться с теоретическими материалами и выполнить по ним несколько не слишком больших по объему заданий; второй дедлайн — к концу недели, когда студент должен будет выполнить более трудозатратную работу. Такая система, с одной стороны, способствует более равномерному усвоению знаний, с другой — позволяет до некоторой степени приблизить онлайн-формат к традиционному обучению с разделением работы на аудиторную и самостоятельную, выполняемую в течение более длительного срока.

Некоторые особенности прокрастинации в академической среде, а именно зависимость академической успеваемости от установленных дедлайнов, рассматривается в работе Д. Арнотт и С. Дако (Arnott, Dacko 2014). В данной статье анализируется успеваемость студентов факультета менеджмента Уорвикского университета первого и третьего курсов (всего в исследовании участвовало более семисот студентов); при этом анализировались баллы, начисленные за задания, сданные заранее (более чем за сутки до дедлайна), а также работы, сданные за сутки, и работы, сданные менее чем за один час до крайнего срока.

Интересно отметить, что результаты первых двух групп (работы, сданные более чем за сутки и сданные за одни сутки до дедлайна) практически друг от друга не отличались и имели средний балл 64,32 и 64,04 из 100 баллов соответственно, в то время как среднее значение для работ, сданных менее чем за час до крайнего срока, составляло около 59 баллов из 100, т. е. наблюдалось снижение академической успеваемости на 5%.

Далее, результаты студентов-первокурсников и третьекурсников в данном отношении не показывали каких-либо существенных различий, что позволяет предположить, что привычка к прокрастинации остается своего рода константой на протяжении всего периода обучения.

На основании результатов работы авторы делают вывод, что одной из причин снижения такого параметра эффективности онлайн-курса, как академическая успеваемость, является недостаток навыков тайм-менеджмента у студентов.

Во многом похожее исследование описано в работе Н. Баласубраманиан, Л. Джонгсик,

С. Джагадиш (Balasubramanian, Jeongsik, Jagadeesh 2016), в которой также рассматриваются проблемы прокрастинации и тайм-менеджмента, однако авторы приходят к качественно иным выводам. В данном масштабном исследовании авторы проанализировали заявки на патенты, подаваемые различными компаниями на протяжении длительного времени (в целом рассматривалась деятельность нескольких сотен компаний на протяжении нескольких десятков лет). Согласно полученным результатам, заявки, поданные в конце месяца, непосредственно перед дедлайном, в среднем отличаются более низким качеством, чем те, что подавались в начале или в середине месяца, что согласуется с исследованием о влиянии дедлайнов на академическую успеваемость (Arnott, Dacko 2014). Однако выводы, к которым приходят авторы, несколько отличны — причину снижения качества работы видят в данном случае не столько в склонности к прокрастинации (которую теоретически можно устранить путем организации тренингов по тайм-менеджменту), сколько в самом факте установления дедлайнов. Таким образом, при работе над творческими проектами авторы рекомендуют взвесить плюсы, заключающиеся в более четкой структуре организации работы, и минусы, связанные со снижением качества работы.

Также, согласно некоторым психолого-педагогическим исследованиям, наличие дедлайнов в работе снижает интерес и внутреннюю мотивацию студентов. Так, например, в статье Т. М. Амабиль, У. Дежонг, М. Р. Леппер (Amabile, DeJong, Lepper 1976) сравниваются две группы студентов (в каждой насчитывалось по двадцать человек), которые в рамках исследования должны были выполнять достаточно увлекательные сами по себе виды заданий — творческие головоломки. При этом одной из групп было поставлено условие в обязательном порядке выполнить задание в определенный срок, другой же группе никаких ограничений по времени не ставилось. Результаты исследования показали, что заинтересованность и вовлеченность студентов в процесс были выше во втором случае.

Следует, конечно, отметить, что в данной работе студенты выполняли не стандартное академическое задание, а игровую головоломку, поэтому несколько сложно судить о том, насколько данные результаты можно перенести на наш контингент учащихся. Таким образом, данный фактор может неоднозначным образом сказываться на производительности работы.

Описание хода сравнительного исследования и выводы

В ходе нашего исследования мы рассматривали эффективность учебного процесса, осуществляемого в онлайн-формате, в течение весеннего семестра 2020 г., начиная с середины марта — момента перехода на дистанционное обучение в РГПУ им. А. И. Герцена — и до конца семестра.

Исследование было проведено с группами бакалавров неязыковых специальностей первого и второго курсов (факультета биологии, факультета химии, института дефектологического образования и реабилитации, института информационных технологий и технологического образования), изучающих английский язык. Численность каждой группы составляла порядка 10–15 человек. В институте дефектологического образования и реабилитации рассматривалась статистика для четырех групп общей численностью 62 студента, на факультете биологии и факультете химии — по две группы общей численностью 51 студент, в институте информационных технологий и технологического образования использовались данные 14 групп первого и второго курса общей численностью 149 студентов.

Учебный процесс осуществлялся на платформе MOODLE, где студенты выполняли различные лексико-грамматические письменные работы в соответствии с учебной программой дисциплины. В нашем исследовании главным образом сравнивалась регулярность, с которой выполнялись данные письменные работы, а не посещаемость и итоговые оценки студентов, ввиду того, что фиксирование посещаемости в чатах не всегда отражает объективную картину, а итоговые оценки определяются, помимо прочего, таким не поддающимся нашему контролю фактором, как уровень довузовской подготовки студентов (в частности, были случаи, когда студенты, сдавшие в течение семестра менее половины письменных работ, тем не менее получали оценку «хорошо» или «отлично» за экзаменационные задания).

Как было сказано выше, в данном исследовании мы рассматривали следующие факторы эффективности дистанционного обучения:

- наличие дедлайнов для сдачи работ студентами;
- форма и наличие итоговой аттестации; данный фактор представляется актуальным в связи с тем, что, согласно новым стандартам, для ряда неязыковых специальностей не предусмотрено никакой ито-

говой аттестации по иностранному языку в течение всего курса ни в первом, ни во втором семестре;

- условия записи студентов на курс дистанционного обучения;
- наличие в курсе интерактивных инструментов (например, видеочатов).

Первый фактор — наличие дедлайнов — мы сравнивали для следующих групп студентов:

- группы, в которых дедлайны (по некоторым причинам организационного и технического характера) не выставлялись в течение семестра;
- группы с «гибким» дедлайном, в которых устанавливался определенный срок для сдачи работ, но отправка работ после дедлайнов не была запрещена, и студенты имели возможность сдать работы с опозданием;
- группы с жестким дедлайном, где отправка работ после определенного срока была запрещена.

Согласно полученной нами статистике, в среднем студенты из третьей категории посещали занятия и сдавали работы значительно регулярнее, чем из первых двух категорий. Так, в отсутствие дедлайнов в среднем процент сданных работ варьировался от 40 до максимум 60% в группе, в то время как наличие жесткого дедлайна с запретом на отправку повышало данное значение до 80%, в некоторых группах — до 90%. Частично такое различие в отношении к учебному процессу может быть связано с тем, что в некоторых случаях (в институте дефектологического образования и в институте информационных технологий) группы с жестким дедлайном также изначально были более сильными по результатам вступительного тестирования, однако даже в тех случаях, когда уровень довузовской подготовки и академическая успеваемость были примерно сопоставимы, разница в количестве сданных письменных работ составляла не менее 20%.

При этом интересно отметить, что регулярность сдачи работ у первых двух групп была практически одинаковой, т. е. если за просроченные работы не вводятся никаких санкций, то наличие такого формального, гибкого дедлайна никак не влияет на склонность студентов к прокрастинации. Данный результат согласуется с выводами, сделанными в работе К. Смоленски-Нельсон (Smolenski-Nelson 2004).

Кроме того, полученная в результате нашего сравнительного исследования статистика показывает, что в первых двух группах имеется значительная склонность к прокрастинации,

т. е. около 75% студентов сдают все просроченные работы за неделю до начала сессии. Очевидно, что при таких темпах работы усвоение материала также будет невысокого качества. Таким образом, наличие гибких дедлайнов приводит к неравномерности усвоения учебного материала, а также, что немаловажно, к значительной нагрузке на педагога.

Следующим фактором, рассматриваемым в данном исследовании, является влияние формы (либо сам факт наличия) того или иного вида контроля в конце семестра на регулярность выполнения студенческой работы.

Мы рассматривали следующие группы студентов:

- группы, для которых в качестве промежуточной аттестации предусмотрен экзамен;
- группы с дифференцированным зачетом в качестве промежуточной аттестации;
- группы с обычным зачетом в качестве промежуточной аттестации;
- группы, для которых не предусмотрено никакой формы контроля на первом курсе.

Логично было бы предположить, что группы с более «жестким» контролем (экзамен и дифференцированный зачет) будут сдавать работы регулярнее и в целом будут более мотивированы, т. к. наличие оценки влияет и на академическое, и на финансовое положение учащихся. Тем не менее разница в количестве сданных работ в рассмотренных нами группах была весьма незначительной, порядка 1–2%, причем группы без формы контроля в первом семестре показывали примерно такие же результаты, как и те, у которых предусмотрен экзамен и дифференцированный зачет.

Форма записи студентов на курс, и, в частности, влияние самостоятельной записи студентов, рассматривается в данном исследовании в связи с тем, что из социально-психологических исследований давно известно, что участники какой-либо группы тем более будут привержены данной группе, чем больше усилий им придется затрачивать для того, чтобы вступить в данную группу (Cialdini 2007). Примерами могут служить различные студенческие клубы или сообщества. В системе дистанционного обучения данный фактор, т. е. приложение студентом усилий для присоединения к курсу, контролируется путем осуществления самозаписи или записи преподавателем, и, хотя данный фактор менее важен, чем, например, установление дедлайнов, он также рассматривается в нашем исследовании, т. к. легко поддается

контролю в рамках системы MOODLE. Действительно, согласно полученной нами статистике, в среднем студенты, записавшиеся самостоятельно, несколько более регулярно посещают онлайн-занятия, чем студенты, записанные преподавателем; при этом разница составляет примерно 5%.

Влияние наличия интерактивных инструментов на эффективность учебного процесса рассматривалось нами на примере студентов-химиков первого курса. Полученные в нашем сравнительном исследовании результаты показывают, что группы, активно использовавшие видеочаты, не только показали в конце семестра высокую академическую успеваемость по сравнению с группами, где чаты использовались преимущественно для решения организационных вопросов, но и более регулярно (примерно на 10%) сдавали письменные работы. Это согласуется с положениями исследования В. С. Макарова (Макаров 2014), в котором говорится, что подобные инструменты способствуют укреплению заинтересованности и внутренней мотивации.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что из трех рассматриваемых нами факторов эффективности онлайн-курса, наиболее весомыми являются наличие дедлайна, а также интерактивных инструментов, при этом первый в основном связан с внешней мотивацией, второй — с внутренней мотивацией. Несмотря на то, что среди исследователей нет единого мнения по поводу положительного влияния первого из факторов на успеваемость в академической среде, плюсы от его наличия тем не менее перевешивают возможные минусы. Возможно, в дальнейшем было бы интересно более подробно рассмотреть влияние дедлайнов на выполнение различных видов учебных работ, в том числе творческого характера. В связи с вышесказанным представляются перспективными дальнейшие психолого-педагогические исследования в данной сфере.

Список сокращений

МООК — массовые открытые онлайн-курсы

ЭУК — электронный учебный курс

Литература

- Клименских, М. В., Лебедева, Ю. В., Мальцев, А. В., Савельев, В. В. (2019) Психологические факторы эффективного онлайн-обучения. *Перспективы науки и образования*, № 6 (42), с. 312–321. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2019.6.26>
- Макаров, В. С. (2014) Массовые открытые онлайн-курсы: оценки эффективности и рекомендации экспертов. *Образовательные технологии*, № 2, с. 38–46.
- Хонский, С. И., Бутко, А. Г. (2016) Оптимизация учебного процесса при работе со студентами-первокурсниками, склонными к прокрастинации. В кн.: А. А. Легчилин, Е. В. Беляева (ред.). *Междисциплинарность как стратегия образовательного процесса: материалы XIII научно-методической конференции, посвященной памяти профессора И. А. Зеленковой, факультета философии и социальных наук БГУ (29 марта 2016 г.)*. Минск: Изд-во БГУ, с. 68–70.
- Щербаков, Н. В., Кирина, И. Б., Кириллова, С. С. (2019) Опыт формирования онлайн-курсов в аграрном образовании. В кн.: С. Ф. Суханова (ред.). *Современные методики учебной и научно-исследовательской работы. Сборник статей по материалам II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (11 апреля 2019 г.)*. Мичуринск: Изд-во Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т. С. Мальцева, с. 130–133.
- Amabile, T. M., DeJong, W., Lepper, M. R. (1976) Effects of externally-imposed deadlines on subsequent intrinsic motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 34, no. 1, pp. 92–98. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.34.1.92>
- Cialdini, R. B. (2007) *Influence: The psychology of persuasion*. New York: Collins Publ., 336 p.
- Graham, C., Cagiltay, K., Lim, B.-R. et al. (2001) Seven principles of effective teaching: A practical lens for evaluating online courses. *The Technology Source*, March/April 2001. [Online]. Available at: http://aris.telug.quebec.ca/portals/598/t3_graham2001.pdf (accessed 10.09.2020)
- Putkonen, A. (2009) Predicting the effects of time pressure on design work. *International Journal of Innovation and Learning*, vol. 6, no. 5, pp. 477–492. <https://www.doi.org/10.1504/IJIL.2009.025061>

Smolenski-Nelson, K. (2004) Determining deadlines when teaching online. *Interface: The Journal of Education, Community and Values*, vol. 4, no. 3. [Online]. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/48851457.pdf> (accessed 10.07.2020).

Sources

Arnott, D., Dacko, S. (2014) Students take note: Evidence that leaving essays to the last minute ruins your grades. *Science Daily*, 9 September. [Online]. Available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2014/09/140909144542.htm> (accessed 10.10.2020). (In English)

Balasubramanian, N., Jeongsik, L., Jagadeesh, S. (2016) Rushing to complete work on deadline could mean more mistakes. *ScienceDaily*, 19 September. [Online]. Available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2016/09/160919133449.htm> (accessed 10.07.2020). (In English)

References

Amabile, T. M., DeJong, W., Lepper, M. R. (1976) Effects of externally-imposed deadlines on subsequent intrinsic motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 34, no. 1, pp. 92–98. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.34.1.92> (In English)

Cialdini, R. B. (2007) *Influence: The psychology of persuasion*. New York: Collins Publ., 336 p. (In English)

Khonskij, S. I., But'ko, A. G. (2016) Optimizatsiya uchebnogo protsessa pri rabote so studentami-pervokursnikami, sklonnymi k prokrastinatsii [Optimization of the educational process when working with first-year students prone to procrastination]. In: A. A. Legchilin, E. V. Belyaeva (eds.). *Mezhdistsiplinarnost' kak strategiya obrazovatel'nogo protsessa: materialy XIII nauchno-metodicheskoy konferentsii, posvyashchennoj pamyati professora I. L. Zelenkovo, fakul'teta filosofii i sotsial'nykh nauk BGU (29 marta 2016 g.)* [Interdisciplinarity as a strategy of the educational process: Materials of the XIII scientific-methodological conference dedicated to the memory of Professor I. L. Zelenkova, Department of Philosophy and Social Sciences, BSU (29 March 2016)]. Minsk: Belarusian State University Publ., pp. 68–70. (In Russian)

Klimenskikh, M. V., Lebedeva, Yu. V., Mal'tsev, A. V., Savel'ev, V. V. (2019) Psikhologicheskie faktory effektivnogo onlajn-obucheniya [Psychological factors of online-learning efficiency of students]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya — Perspectives of Science and Education*, no. 6 (42), pp. 312–321. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2019.6.26> (In Russian)

Makarov, V. S. (2014) Massovyie otkrytye onlajn-kursy: otsenki effektivnosti i rekomendatsii ekspertov [MOOCs: Performance evaluations and expert recommendations]. *Obrazovatel'nye tekhnologii — Educational Technologies*, no. 2, pp. 38–46. (In Russian)

Putkonen, A. (2009) Predicting the effects of time pressure on design work. *International Journal of Innovation and Learning*, vol. 6, no. 5, pp. 477–492. <https://www.doi.org/10.1504/IJIL.2009.025061> (In English)

Shcherbakov, N. V., Kirina, I. B., Kirillova, S. S. (2019) Opyt formirovaniya onlajn-kursov v agrarnom obrazovanii [Experience of formation online courses in agricultural education]. In: S. F. Sukhanova (ed). *Sovremennyye metodiki uchebnoy i nauchno-issledovatel'skoj raboty. Sbornik statej po materialam II Vserossiyskoj (natsional'noj) nauchno-prakticheskoy konferentsii (11 aprelya 2019 g.)* [Modern methods of teaching and scientific research. Collection of articles based on the materials of the II All-Russian (national) scientific-practical conference (11 April 2019)]. Michurinsk: Kurgan State Agricultural Academy by T. S. Maltse Publ., pp. 130–133. (In Russian)

Smolenski-Nelson, K. (2004) Determining deadlines when teaching online. *Interface: The Journal of Education, Community and Values*, vol. 4, no. 3. [Online]. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/48851457.pdf> (accessed 10.07.2020). (In English)

Check for updates

Обзоры, рецензии, персоналии

УДК 81.25

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-106-115>

Конкурс переводов как диагностический и дидактический инструмент, или Уроки *Sensum de Sensu*: к 20-летию юбилею конкурса

И. С. Алексеева^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Ирина Сергеевна Алексеева, SPIN-код: 3828-9080, ORCID: 0000-0001-8351-1700, e-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Для цитирования: Алексеева, И. С. (2021) Конкурс переводов как диагностический и дидактический инструмент, или Уроки *Sensum de Sensu*: к 20-летию юбилею конкурса. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 3, № 1, с. 106–115. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-106-115>

Получена 31 января 2021; принята 2 февраля 2021.

Права: © Автор (2021). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Translation competition as diagnostic and didactic tool, or Lessons of *Sensum de Sensu*: Marking the 20th anniversary of the competition

I. S. Alexeeva^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Irina S. Alexeeva, SPIN: 3828-9080, ORCID: 0000-0001-8351-1700, e-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

For citation: Alexeeva, I. S. (2021) Translation competition as diagnostic and didactic tool, or Lessons of *Sensum de Sensu*: Marking the 20th anniversary of the competition. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 106–115. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-106-115>

Received 31 January 2021; accepted 2 February 2021.

Copyright: © The Author (2021). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](#).

*Сравнение — великая движущая сила,
которая побуждает нас к соревнованию
и самосовершенствованию.
Александр Вертинский*

Вступление

Люди любят конкурсы. Конкурсы пронизывают всю нашу жизнь. Все детские и взрослые игры, включая настольные, построены на принципе конкурса. Самая грандиозная система

конкурсов в истории человечества — это спорт. Принцип конкурса: кто лучше? — подсказан самой природой — это отражение борьбы за существование, но в мягкой и несмертельной форме. В жестко структурированной жизни человека конкурс позволяет выбрать лучшего для обучения в университете и получения высшего образования, используется для отбора специалистов при поступлении на работу. И все же на этом фоне профессиональные конкурсы занимают особое место, потому что у них есть обучающий ресурс и, шире, образовательная

миссия. Вот почему нам представляется важным взглянуть на конкурсы переводов в контексте современной системы образования.

Виды переводческих конкурсов

Ежегодно в России проводится несколько десятков конкурсов перевода. Преобладают конкурсы письменного перевода, среди которых особое, почетное место занимают конкурсы художественного перевода, традиционно любимого в нашей стране. Можно выделить несколько разных видов по составу участников.

Конкурсы для школьников

Проводятся либо внутри школ (помню конкурс «Лошадь просвещения», проводимый в школе № 515 с углубленным изучением немецкого языка в 90-е гг.), либо на городском уровне. Это могут быть конкурсы перевода поэзии или прозы. В первом случае их проводят учителя с целью мотивировать школьников к изучению иностранных языков, а также помочь реализовать творческие способности. По этой последней причине переводам позволяет довольно далеко отстоять от оригинала, потому что школьные педагоги зачастую ориентируются на лозунг: «Как чувствуешь, так и пиши в переводе», и поэтому внешним экспертам очень трудно их оценить.

Во втором случае конкурсы проводят культурные институты города. Например, в год 250-летнего юбилея И.-В. Гёте Гёте-Институт в Петербурге проводил конкурс среди школьников по переводу произведений Гёте. Конкурс проходил в 2 этапа: на первом этапе оценку производили учителя школ, выдвигая своих лучших кандидатов, а на втором — профессиональные переводчики города. И если первый этап был скорее частью обучения в школе, то второй приблизил школьников к атмосфере профессиональной оценки. И оказался неплохим индикатором профессиональных талантов: победительница того конкурса 1999 г. стала впоследствии известной переводчицей с немецкого — это Е. В. Бурмистрова.

Студенческие конкурсы

По большей части конкурсы проводятся внутри вузов, хотя привлекают студентов из других вузов. Именно так выглядят ежегодные конкурсы специального перевода в сфере музыки, которые проводит энтузиастка музыкального перевода Альбина Бояркина: конкурсы «Вагнер 1» и «Вагнер 2» (Всероссийский конкурс переводов «Вагнер по-русски» 2013) в 2013 г.,

посвященные 200-летию Рихарда Вагнера, Gelehrter Musicus (Всероссийский конкурс искусствоведческих текстов... 2019) в 2019 г., посвященный 300-летию Леопольда Моцарта, наконец, «Бетховен 2020» (Конкурс перевода «Бетховен 2020» 2020), посвященный 250-летию Людвиг ван Бетховена. Такие конкурсы служат мотиваторами обучения профессии переводчика, а их участники как бы проходят дополнительный экзамен не только (и не столько!) на переводческую зрелость, но и на умение освоить предметную сферу, к которой относится этот текст. Кстати, такие конкурсы объединяют студентов-музыковедов и студентов-лингвистов (в данном случае это Московская консерватория, Санкт-Петербургская консерватория, СПбГУ и РГПУ им. А. И. Герцена), подтверждая жизненное наблюдение, что переводчиком можно стать двумя путями: отталкиваясь от специальности и идя затем к языковой специфике, и наоборот — отталкиваясь от языковой специфики и идя к тематическим специализациям.

Как только студенческие конкурсы стали проводиться в онлайн-формате, их дидактический потенциал увеличился: для участия в жюри, объявления результатов, а также специального семинара для победителей с разбором ошибок стало возможно привлекать известных музыковедов и переводчиков.

Конкурсы дилетантов

Как ни удивительно на первый взгляд, конкурсы дилетантов не только существуют, но и вносят свою лепту в интенсивное функционирование переводческого сообщества: они укрепляют положительный имидж профессии и создают еще одну открытую площадку в социуме для обсуждения профессиональных проблем. На сегодня наиболее известен конкурс художественного перевода «Св. Иероним», ежегодно проводимый ООН (Пятнадцатый Переводческий конкурс им. Св. Иеронима 2020).

Конкурсы профессионалов

Особую группу составляют переводческие конкурсы, проверяющие или подтверждающие меру профессионализма переводчика. Как правило, для участия в них не нужно предварительно предъявлять документальные свидетельства профессионализма, поэтому в принципе в них имеет право участвовать кто угодно, иногда назначается лишь возрастной ценз (для *Sensum de Sensu* это 35 лет). Следовательно, это конкурсы всенародные.

В устном переводе наиболее всеохватным и амбициозным представляется международный

конкурс «Косинус-Пи» (COSINES Pi), организованный МГУ.

Для письменного перевода наиболее авторитетным — и одновременно самым первым по времени создания (за рамками мы оставляем разнообразные переводческие премии) — является конкурс *Sensum de Sensu* (Санкт-Петербургский конкурс молодых переводчиков... 2020).

Исторический экскурс

Для того чтобы не допустить никаких неточностей, дадим слово непосредственному основателю самого популярного российского конкурса письменного перевода — Павлу Семеновичу Бруку, который поделился подготовленным им юбилейным материалом для сайта Санкт-Петербургского отделения Союза переводчиков России:

«Замысел петербургского конкурса приобрел реальные очертания после празднования 30 сентября 2000 года — Всемирного дня перевода. В ходе встречи переводчиков города состоялось знакомство с Алевтиной Евгеньевны Захаровской, представлявшей переводческую компанию “ЭГО Транслейтинг”, и было положено начало многолетнему сотрудничеству Союза переводчиков России с “ЭГО”. Нужно принять во внимание, что у меня в то время не было компьютера и первый адрес моей электронной почты появился лишь в феврале 2001 года. Состояние переводческого дела и подготовки переводчиков все еще оставалось в традициях и объемах советского времени, тогда как потребность в переводчиках и объемы переводов возросли в десятки раз. В петербургском отделении СПР нужность конкурса именно молодых переводчиков была ясна, но технических возможностей не было. Заинтересованность в конкурсе проявило руководство компании “ЭГО Транслейтинг”, проект поддержала Наталья Александровна Молчанова. На фоне того уровня преподавания перевода наши интересы совпали — СПР нужен конкурс молодых переводчиков, “ЭГО” заинтересовано в молодых кадрах, квалификация которых уже проверена конкурсом. Все делалось быстро, без лишних обсуждений и согласований: концепцию конкурса определил сам, Положение о конкурсе написал сам, членов конкурсной комиссии “уговорил” сам. Проект был одобрен и поддержан “ЭГО”. Первый конкурс молодых переводчиков состоялся в 2001 году. Техническую и информационную поддержку конкурсу оказала компания “ЭГО”

на базе имевшегося компьютерного арсенала. На заседании правления Санкт-Петербургского отделения СПР 05 мая 2001 года обсуждался ход конкурса, предложения и пожелания. В частности, было подчеркнуто, что предпочтительно участниками конкурса должны быть не вузы, а практикующие переводчики-специалисты; обсуждено Положение о конкурсной комиссии, критерии анализа и оценки конкурсных работ. Была принята рекомендация: в последующих конкурсах должен присутствовать перевод научно-технической литературы. Заседание конкурсной комиссии для подведения итогов и определения победителей состоялось под председательством Тамары Анатольевны Казаковой 23 мая 2001 года в помещении компании “ЭГО Транслейтинг”. В январе 2002 года началась подготовка к Второму конкурсу. Стало ясно, что конкурсу нужны название и девиз. В ходе поисков подходящих вариантов мое внимание привлек “постулат” св. Иеронима Стридонского: “Non verbum de verbo sed sensum de sensu exprimere”. Так появилось название конкурса *Sensum de Sensu*. Девиз конкурса “Работая с иностранным языком, береги русский язык” не имеет предыстории, он просто придуман мной как важное условие всего проекта. Так, начиная со второго конкурса, у конкурса появилось название и девиз. Год 2002 был объявлен годом Виктора Гюго в связи с 200-летием со дня его рождения, поэтому было естественно посвятить конкурс этой дате. Конкурсное задание во французском разделе включало перевод стихотворения В. Гюго, конкурсную комиссию во французском разделе возглавил Михаил Давидович Яснов. Третий Санкт-Петербургский конкурс молодых переводчиков *Sensum de Sensu* был посвящен 300-летию Санкт-Петербурга и проводился с 13 февраля по 17 мая 2003 года. Конкурс проводится отдельно по пяти разделам: “300 лет Санкт-Петербургу”, “Английский язык”, “Французский язык”, “Немецкий язык”, “Польский язык”. Четвертый Санкт-Петербургский конкурс молодых переводчиков *Sensum de Sensu* проводился в пяти языковых разделах: английском, немецком, французском, испанском и польском. Заключительная церемония и награждение победителей и призеров Четвертого Санкт-Петербургского конкурса молодых переводчиков *Sensum de Sensu* состоялась 17 мая 2004 года. Многолетнее сотрудничество с компанией “ЭГО Транслейтинг” выразилось, в частности, в технической поддержке конкурса: на серверах “ЭГО” размещались материалы конкурса,

работники “ЭГО” по указанию Натальи Александровны Молчановой участвовали в рутинных процедурах, без которых, тем не менее, конкурс не провести. Традицией стало подведение итогов конкурса, награждение победителей и призеров в зале Санкт-Петербургской торгово-промышленной палаты, в прошлом — особняке Великой княгини Ольги Александровны, и это стало возможным благодаря многолетнему сотрудничеству с отделом переводов палаты, возглавляемом Аллой Борисовной Большаковой. Конкурсную комиссию неизменно возглавляют ее сопредседатели: Тамара Анатольевна Казакова (английский раздел), Ирина Сергеевна Алексеева (немецкий раздел), Анастасия Юрьевна Миролюбова (испанский раздел), Анатолий Петрович Нехай (польский раздел). Эпизодами в истории *Sensum de Sensu* остались конкурсы во французском, финском, итальянском, шведском, чешском языках. Материалы конкурса неизменно размещаются на сайте www.utr.spb.ru Санкт-Петербургского отделения СПР, дизайнер которого — Виталий Евгеньевич Ашкинази. К началу 2021 года история сохранила более или менее полные материалы о конкурсах *Sensum de Sensu*, начиная с Пятого конкурса 2005 года. Идет подготовка к публикации этих материалов на сайте www.utr.spb.ru (СПР).

Таким образом, создание конкурса стало новым качественным этапом становления профессионального переводческого сообщества в России.

Идеология, организация и структура конкурса

Идеология конкурса формировалась постепенно. Первоначально создатели конкурса рассматривали его задачи скорее как информационно-просветительские, призванные определить, какие на сегодня есть письменные переводчики в Северо-Западном регионе России (напомним, конкурс и сегодня географически дислоцирован как конкурс Северо-Западного отделения СПР) и каково в целом качество их работы. Конкурс должен был помочь выявить таланты на фоне неудовлетворительного, по мнению СПР, уровня подготовки переводчиков в вузах.

Но очень скоро выявился богатый потенциал этого проекта, его важная социальная роль. Кроме того, конкурс стал популярен и любим.

Опираясь на обширную статистику, представленную П. С. Бруком, отметим прежде всего широкий всероссийский охват конкурса.

Это добрая сотня больших и малых городов России (и — в меньшей степени — ближнего зарубежья), таких как Иваново, Орел, Сыктывкар, Воронеж, Ростов, Кемерово, Волгоград, Брянск, Тольятти, Тернополь, Самара, Петрозаводск, Оренбург, Пермь, Пятигорск, Тверь, Ульяновск, Йошкар-Ола, Уфа, Томск, Елец, Екатеринбург, Нижний Новгород, Великий Новгород, Барнаул, Муром, Хабаровск, Благовещенск, а также множество поселков и деревень.

Что касается участников, то в категорию «до 35 лет» укладываются далеко не только студенты, хотя их, наверное, около половины. В конкурсе участвуют молодые учителя, часто — сельские, причем именно они иногда подают свои переводы сразу по двум языкам и при этом зачастую становятся призерами конкурса. Участвуют и молодые переводчики, и представители других профессий, которым по роду деятельности приходится иметь дело с иноязычными текстами.

Первоначально конкурс проводился только для переводчиков с английского, почти сразу присоединился немецкий, затем польский, французский, испанский. Была попытка задействовать редкие скандинавские языки (норвежский), но, к сожалению, из-за малого числа участников номинации с этим языком долго не продержались.

Конкурс *Sensum de Sensu* с самого начала стал собирать большое число участников, и это свидетельствовало, во-первых, о том, что такой конкурс нужен, и во-вторых, о том, что готовность к конкурсам в обществе есть всегда.

Так, согласно выборочным данным последнего десятилетия, конкурс 2013 года собрал 459 участников, а конкурс 2014 года — 1042. Правда, у нас нет возможности вычлнить тех, кто подавал на несколько номинаций сразу, — но таких меньшинство. Большинство заявок с первых лет конкурса и до сих пор подается на перевод с английского (больше половины); на втором месте немецкий — одна четверть всех заявок или чуть больше; остальные языки представлены значительно меньше.

Первоначально на конкурс предлагались три варианта заданий: (1) перевод специального текста на русский язык; (2) перевод текста о культуре России на иностранный язык; (3) перевод художественного текста на русский язык. Вскоре второй вид заданий отпал, т. к. не всегда жюри могло считаться достаточно компетентным для оценки качества перевода на иностранный язык.

Первый и третий вид заданий рассматривался достаточно широко: в номинации

«специальный текст» предлагались различные типы текстов, специализированных на разнообразных сферах человеческой деятельности, — типологически это могли быть инструкции, договоры, законы, формулы изобретения, реклама, научные и научно-публицистические статьи, по специализации — медицинская техника, судостроение, автомобилестроение, история, искусствоведение, биология и мн. др.

Задания по художественному переводу также всегда варьировались в довольно широких пределах. Здесь многое зависит от предложений членов жюри. В целом преобладают стихотворные задания, реже — небольшие прозаические произведения (или фрагменты) и, наконец, эссеистика.

Конкурс с самого начала проводился в одну ступень: конкурсанты направляли материал по определенному адресу, им присваивался номер, заменяющий имя, и далее комплект направлялся каждому из членов жюри. Участник конкурса всегда имел право участвовать как во всей номинации по одному языку, так и в ее части (первой или второй), а также в нескольких языковых номинациях одновременно.

Затем члены каждого жюри обсуждают результаты, вырабатывают консенсус по поводу награждаемых (три места основного пьедестала и приз «Надежда» — тем, кто явно имеет профессиональный потенциал, но пока его в полной мере не проявил) и создают протокол.

Позже, обычно — весной, в ходе публичного объявления результатов, эти протоколы оглашаются, и члены жюри выступают с кратким анализом конкурсных работ.

Диагностические функции конкурса

Молодежь недаром стремится поучаствовать в конкурсе: он зарекомендовал себя как надежный инструмент диагностики профессионального уровня переводчика (но только в случае, если этот переводчик работает не в условиях дефицита времени). Первоначально, в первые годы конкурса, предлагались сформулированные критерии оценки, но затем, когда выяснилось, что понимание качества перевода у членов жюри во всех комиссиях одинаковое, полностью перешли на экспертную оценку, тем более что каждый эксперт всегда подробно аргументирует свой выбор и свои замечания.

Что же оценивалось и каков спектр типичных случаев в конкурсном переводе?

Рассмотрим эти вопросы на материале работы немецкого жюри в последние 10 лет.

Участие в немецких номинациях колебалось от года к году с некоторой тенденцией к сокращению (в таблице первая цифра после года — количество участников в переводе специального текста, графа 2; вторая — в переводе художественного текста, графа 4):

Табл. Конкурс *Sensum de Sensu* (немецкий язык)

Год	Количество	Название текста	Количество	Название текста
2010	33	договор о поставках	16	баллада Ф. Фрейлиграта XIX в.
2011	62	тех. инструкция автомобил.	51	стихи А. фон Арнима и К. Брентано XIX в.
2012	50	юридический текст	36	стихи Н. Ленау XIX в.
2013	86	исторический текст о XX в.	44	стихи Б. Брехта, Э. Михлер XX в.
2014	58	лазерная резка стекла	49	И.-В. Гёте. Художественная публицистика (к 265-летию со дня рождения)
2015	30	технический текст	30	стихи Эбнер-Эшенбах; Мушг XX в.
2016	конкурс не проводился			
2017	20	1) формула изобретения по патентному описанию устройства; 2) статья 7 Конституции Германии	35	стихи Г. Бёлля XX в.
2018	36	текст по археологии	13	стихи К. Брентано XIX в.
2019	29	текст по истории XX в.	17	проза Ф. Зальтена для детей XX в.
2020	33	медицинская техника	22	поэзия Х. Мюллера XX в.

Как мы видим, заявок с конкурсными переводами специального текста несколько больше, чем заявок с переводами художественных текстов. Связано это, наверное, в первую очередь с доминирующим в обществе представлением о сложности художественного текста по сравнению со всеми остальными и недооценкой проблем перевода в текстах другого типа. Вместе с тем опыт перевода художественной литературы естественным образом должен быть меньше представлен в среде молодых переводчиков, поскольку на профессиональном переводческом рынке полностью доминирует нехудожественный перевод.

Начнем наш анализ с оценки макростратегий конкурсантов, которые оценивались членами жюри.

А. Макростратегические решения и проблемы

1. Плагиат

Такого рода подлоги предлагались редко, поскольку среди материалов конкурса преобладают тексты, которые никогда не переводились. Тем не менее изредка это наблюдается. Два случая плагиата замечены в 2011 г. при переводе стихов Н. Ленау — конкурсанты заимствовали перевод К. Бальмонта; плагиат встретился 4 раза в 2017 г. в переводах стихотворений Г. Бёлля, казалось бы, никем ранее не переводившихся. Во всех этих работах полностью или почти полностью повторяются переводы известного российского переводчика Изара Горюхина, который, к сожалению, разместил их на сайте «Самиздат» в конце января 2017 г., и плагиаторы успели этим воспользоваться; все плагиаторы от конкурса были отстранены.

Два раза попадалась немецкому жюри несамостоятельность другого рода: сразу несколько человек присылали идентичные тексты переводов. В одном из случаев это были студенты Воронежского университета, и туда было направлено письмо с объяснением причин, почему данные участники сняты с конкурса.

2. Сохранение типологических признаков текста

Поскольку в конкурсе предлагались для перевода разные типы текста, одним из базовых макростратегических решений было верное определение типологических признаков текста и их передача.

В целом по работам, представленным на конкурс в течение последних 10 лет, отмечались следующие особенности:

- 1) Достаточно высокий уровень владения институциональным дискурсом и стилем официального документа (2010).
- 2) Недостаточный уровень знакомства со спецификой инструкций как типа текста (2011).
- 3) Пробелы во владении языком гуманитарного дискурса в широком диапазоне (2013).
- 4) Ошибочный выбор стилового регистра: при переводе детской литературы неуместным комиссия сочла построенный на диминутивах «сюсюкающий» стиль: «домик», «башенка», «вершинка» и др. (2019).
- 5) Отсутствие представлений о специфике и типологических доминантах поэтического текста — как силлаботонического, так и верлибра. Поэтому в протоколах встречаются следующие критические формулировки: *«встречаются талантливые работы, однако в большинстве случаев переводчики, очевидно, решили, что поэтический перевод — это возможность посочинять на данную тему, не заботясь о смысле и форме произведения»* (2011) или *«многие из конкурсантов не сохранили размер, каденцию и чередование рифм»* (2010); *«среди рассмотренных работ около половины представляют собой вольные вариации на тему стихотворений без соблюдения формы стиха и без сохранения образов»* (2012).

3. Архаизация

Архаизация была необходима как макростратегическое решение всего один раз — при переводе публицистики И.-В. Гёте. Основной задачей при переводе была передача сложной логики размышлений Гёте и одновременно — создание исторической стилизации, поскольку текст относится к концу XVIII века. Во многих работах прослеживается осознанная попытка создать этот архаизирующий колорит; но такое решение приняли примерно 2/3 всех участников (2014).

Отмечен также любопытный феномен — при переводе стихотворных текстов, написанных современным разговорным языком, конкурсанты зачастую используют книжный или даже возвышенный поэтический стиль: «изредка наблюдается не очень сознательное использование высокого стилового регистра с включениями церковнославянизмов, которые

не отвечают тону подлинника» (2017). Такое завышение исходного стиля может объясняться общим традиционным представлением о возвышенности поэзии по сравнению с прозой повседневности.

4. Литературная письменная норма русского языка как основа для специального дискурсивного стиля

Поддержка статуса русского языка как основного средства оформления текста при переводе и осознание того, что переводчики являются образцовыми носителями родного языка, побуждает особенно пристально относиться к его уровню в конкурсных работах. Следует отметить медленное, но неуклонное повышение качества русского языка у молодых переводчиков-конкурсантов в последние годы.

Макростратегические решения по выбору ненормативного русского языка, как правило, принимались конкурсантами неосознанно; например, в 2010 г. комиссия отмечает: «Основные недостатки связаны с культурой русского языка и навыками саморедактирования». Это означает, что отсутствует привычка контролировать качество русского языка в собственных переводах.

5. Подготовка к переводу

В макростратегиях переводчика первым пунктом должна значиться подготовка к переводу. Ее отсутствие сказывается на разных гранях результата, но всегда оборачивается снижением качества. Поэтому комиссия регулярно отмечает это как минус: «В большинстве случаев не проведена предварительная работа по уточнению терминов» (2011); «для проникновения в смысл текста необходимо было собрать дополнительную информацию о специфике отношений Гёте и Шиллера, что сделали явно не все» (2014).

6. Жанровые макростратегические решения

В целом такие решения должны приниматься относительно художественной литературы, поэтому в качестве критерия они выступают именно здесь. Сюда относится умение создавать единое сюжетное повествование, умение сохранять напевность простых размеров, что в качестве положительных черт отмечалось в премированных работах 2018 г. При всей синтаксической свободе поэзии как грех отмечаются «неестественные синтаксические структуры» (2018).

7. Передача индивидуального авторского стиля

Передача авторского своеобразия — всегда задача макростратегическая. Решать ее по плечу далеко не каждому конкурсанту. Например, для того чтобы перевести стихи Клеменса Брентано, необходимо сочетать умение работать в форме силлаботоники с примесью дольника, подражать народной куплетности, использовать устойчивые образы, сочетать архаичное просторечие с книжным стилем, передавать народную иронию, искрометный авторский юмор.

В. Микростратегические решения и проблемы

В конкурсных работах переводчики стараются показать все, на что способны. Поэтому удачных находок, метких слов, эффективных приемов встречается много. В протоколах конкурса нередко высокие оценки, сопровождающиеся уточнениями, как, например, в одной из работ 2012 г.: «передана даже сонорная звукопись».

Однако разнообразие огрехов также велико. И выявление их на фоне зачастую весьма благополучного, удачного текста перевода особенно важно, потому что допустившие их люди смогут впоследствии поработать над своими ошибками. При этом микростратегические решения, как правило, результат неопытности переводчика, свидетельство недостаточной уверенности в своих решениях и недостаточного умения видеть собственные ошибки.

Разграничим три категории ошибок:

Категория 1. Ошибки, не зависящие от типа текста

- 1) Нарушение семантической сочетаемости: «благоухающая местность», «залежи бананов раскиданы в низкой траве», «ужас поглотил ее до окоченения», «изобилие пахучих зарослей», «чудовищная ярость разразилась внутри Юппы» (самая частотная ошибка во все годы проведения конкурса).
- 2) К комическому эффекту приводит деформация фразеологизмов из-за неуверенного их использования: «Час сменялся часом, день за днем», или: «тут и сям»).

Категория 2. Ошибки в специальных текстах

- 1) Серьезные ошибки в оформлении (такие как отсутствие рубрикации) и лишние заглавные буквы.

- 2) Неточности в переводе терминов: гуманитарных (2013), исторических (Volksschule, öffentliche Schule, bekenntnisfrei, Gemeinde, Religionsunterricht, Bekenntnisschule, Gemeinschaftsschule, Weltanschauungsschule).
 - 3) При переводе терминов — недопустимая замена мн. ч. на ед. ч. или наоборот (например, «коронарный сосуд» вместо «коронарные сосуды»).
 - 4) Неверное обозначение датировки: до н. э. / до Р. Х.
- Слабое владение техникой описания архитектурных сооружений (например, когда речь идет о каркасных постройках древности).
- 5) Неумелое описание материалов и технологий.
 - 6) Неуместное применение канцелярского стиля.
 - 7) Незнание реалий быта и сочетаемости с глаголами при их описании.
 - 8) Сочетание книжного, нейтрального письменного и разговорного стилей речи.

Категория 3. Ошибки в художественных текстах

- 1) Разрушение формы оригинала.
 - 2) Добавление от себя: «чтоб пилюлю тишины ты скорее принял»; «и поверить в это должен каждый патриот страны».
 - 3) Современные словечки, прозаизмы в переводе поэзии: «страсть пусть дружит с головой».
 - 4) Пошлые, романсные обороты речи в переводе: «в объятьях тишины», «уто-ни с головой в безмолвии»; «и терзает он струны души» вместо авторских в подлиннике.
- «Разбавление» скупого современного словаря автора поэтизмами довольно тривиальными, такими, как «великолепная красота», «мерцает пыль», «чаруют красотой», «небес бирюза» и др.
- 5) Нарушение грамматических правил русского языка: «чтоб Германия с коленей встала», «мы живем *среди на мир надежд*, ... Одера и Рейна *меж*»; «вырвись на волю, в лес, в *наружу*».

Необходимость глубоких культурных знаний для выявления и передачи аллюзий: владение библейской символикой, глубокие знания в сфере германоязычной культуры. К упомянутым особенностям относятся, например, упоминание Рейна в стихотворении «Ангел», скрытая аллю-

зия на сказание о Зигфриде в эпосе «Песнь о Нибелунгах» в стихотворении «Моя муза» (Drachenblut), а также заглавная буква при употреблении местоимения «Du» в стихотворении «Ангел» (2017).

- 6) Неумение описывать по-русски облик человека и физические действия в прозаическом тексте: впервые за долгие годы существования немецкой номинации конкурсантам был предложен прозаический текст, который оказался для всех настоящим камнем преткновения. Поскольку основной темой текста является общение человека и гориллы, для переводчиков он обернулся школой передачи движений живого существа, а также наименований частей его тела: лапы/руки, ладонь/рука, лицо/морда и т. п. Из-за некорректных решений у гориллы Юппы — главной героини повествования — оказывался весьма странный облик: «Свесив (?) длинные худые руки над головой...», «сложив длинные тонкие руки над своим лбом...», «красные, закрученные в пряди волосы на голове» и др. (2020).
- 7) Ошибка ложных ожиданий — в поэтическом тексте логический компонент принимается за образный, и возникает ошибка почти комического характера: термин “Mammutkriege” (гигантские войны) понят как «охота на мамонта», «императорские войны мамонтов» и т. п. (2020).
- 8) Среди вольных переводов дважды встретилась попытка изменить логику подлинника и установить свою.
- 9) Попытка передать уникальность образов оборачивается иногда головоломками, такими как: «Еще вчера сегодня было завтра».

Как отмечалось выше, такая диагностика служит основой дальнейшего совершенствования молодых переводчиков. В сущности, это независимый экзамен, сданный очень компетентной комиссией.

Дидактический потенциал конкурса

Первоначально экспертная оценка при объявлении результатов почти не комментировалась, но постепенно члены жюри все подробнее и подробнее останавливались на плюсах и минусах работ.

Как известно, абсолютно безошибочных переводов не бывает — даже с точки зрения общих закономерностей вербальной коммуникации текст всегда организован с «запасом

прочности», допускающим небольшой процент вербальных ошибок. Однако сосредоточение на высоком качестве перевода и, главное, публичная конкретизация ошибок не раз приводили к тому, что жюри по разным языкам оставляло незанятым первое и второе призовые места в конкурсе, а на процедуре объявления результатов звучали критические обращения со стороны жюри ко всем участникам.

Эта ситуация привела к дискуссии в переводческом сообществе о предназначении такого конкурса и его дидактической перспективе. Приведем в этой связи несколько соображений.

Разумеется, диагностическая функция любого конкурса неоспорима. И определение качества перевода профессионалами должно быть честным. Однако любой молодежный конкурс априори предполагает определение лучших на начальном этапе профессионального пути, указывает направления самосовершенствования. И с этой точки зрения пустая призовая пирамида — это отказ от такого рода векторов и утрата важного дидактического ресурса.

А в чем можно видеть дидактический потенциал такого конкурса в будущем?

Прежде всего — в выявлении положительных черт представленных конкурсных работ, их публичном формулировании и, таким образом, укреплении практики сознательного применения макро- и микростратегий перевода. Ведь ведущийся на протяжении 20 лет экспертный анализ позволил выявить самые главные черты удавшегося перевода: умение вести единый связный рассказ; точное сохранение актуального членения каждого высказывания; сохранение образной структуры, стилевое единство — именно эти критерии служат сегодня основанием для присуждения призовых мест.

Во-вторых, это выработка навыка саморедактирования текста путем развития самокритики и самоанализа. Для этого, пожалуй, обзор работ должен быть более детальным и, возможно, должен публиковаться, например на сайте СПР.

Наконец, это формирование групп экспресс-обучения и проведение практических семинаров по переводу конкурсных текстов (этого года и прежних лет), примыкающих к конкурсу. Развитие этой, третьей, составляющей еще недооценено и присутствует как факультативный фрагмент завершающей фазы конкурса. Между тем именно она делает профессиональный переводческий конкурс полноправной частью современной матричной структуры профессиональной подготовки переводчиков. Ведь предположение о том, что вузовское обучение пере-

водчиков недостаточно, имеет под собой основание, и пассажи в протоколах конкурса вроде: *«возможно, навык перевода таких текстов не привит молодым переводчикам в обучении в их вузах»* (2011) только подтверждают актуальность проблемы.

Отметим важные особенности этого экспресс-цикла: 1) участники хотят стать переводчиками; 2) участники готовы работать над собой; 3) занятия ведут известные профессионалы. Понятно, что в очной форме такие семинары доступны только для жителей Санкт-Петербурга. Но современная эпоха, отточившая инструменты онлайн, подсказывает решение и здесь: это могут быть циклы вебинаров, объединяющих самые разные регионы России.

Просветительская миссия Sensum de Sensu

Просветительское воздействие конкурса оказалось широким и устойчивым. Во-первых, тексты для 2-го задания «Перевод художественного текста» стали подбирать с ориентацией на значимые даты в истории мировой культуры, приурочивая выбор к юбилеям поэтов и писателей. Если говорить, например, о немецком жюри, которое возглавляет автор этих строк, то за последние 10 лет существования конкурса задания были посвящены таким фигурам, как И.-В. Гёте, Ф. Фрейлиграт, А. фон Арним и К. Брентано, Б. Брехт, Николаус Ленау, Г. Бёлль, Ф. Зальтен и др. Немного забегаая вперед, отметим, что поэтическое задание в конкурсе следующего, 2021 года, предлагает австрийскую детскую поэзию и посвящено безвременно погибшему осенью 2020 г. поэту и переводчику Михаилу Яснову.

Во-вторых, это расширение представлений о переводе среди широких публичных кругов, где очень важно новое для многих сведение о несводимости задачи письменного переводчика только к переводу художественной литературы. И здесь у конкурса дел еще непочатый край, потому что большая часть типов текста, актуальных для переводчика, пока остается за кадром.

Наконец, это возможность «достучаться» до самых дальних уголков России, вовлечь их в общее действо, охватить единой сетью профессионального продвижения, что может для некоторых из них стать дорогой к социальному лифту и осуществлению своей мечты. Кстати, тот факт, что в конкурсе Sensum de Sensu принимают активное участие сельские учителя, свидетельствует не только о том, что им хочет-

ся как-то задействовать свое знание языка, но и о том, что переводческие навыки укрепляют также и учительский статус, а также о том, что, имея на вооружении дистанционные сетевые средства, учитель может рассматривать совмещение своей деятельности с деятельностью профессионального переводчика.

Заключение

Итак, профессиональный конкурс письменных переводчиков *Sensum de Sensu* оказался и заметным общественным явлением, и сложным организмом, обладающим эффективными

диагностическими функциями, широким дидактическим потенциалом и важной просветительской миссией.

Своим широким географическим охватом конкурс создает систему связи между регионами, они ощущают свою равноположенность по отношению к инструментам оценивания и анализа; участвовавшие в конкурсе молодые переводчики продолжают поддерживать связь с экспертами и пользоваться их поддержкой. В случае завоевания призовых мест грамоты об этом, а также почетные призы рассылаются в регионы и служат немалой опорой в укреплении статуса.

Сокращения

СПР — Союз переводчиков России, Санкт-Петербургское отделение

Источники

- Всероссийский конкурс переводов «Вагнер по-русски». (2013) *Рихард Вагнер*. [Электронный ресурс]. URL: <http://wagner.su/node/885> (дата обращения 30.01.2021).
- Всероссийский конкурс искусствоведческих текстов «Gelehrter Musicus». (2019) *Красноярское региональное отделение союза переводчиков России*. [Электронный ресурс]. URL: <https://krasnoyarsk-translation.sfu-kras.ru/node/49> (дата обращения 30.01.2021).
- Конкурс перевода «Бетховен 2020». (2020) *ВКонтакте*. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/public199537466> (дата обращения 30.01.2021).
- Пятнадцатый Переводческий конкурс им. Св. Иеронима. (2020) *ООН. Департамент по делам Генеральной Ассамблеи и конференциальному управлению*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/dgacm/ru/content/st-jerome-translation-contest> (дата обращения 30.01.2021).
- Санкт-Петербургский конкурс молодых переводчиков *Sensum de Sensu*. (2020) *Союз переводчиков России. Санкт-Петербургское отделение*. [Электронный ресурс]. URL: https://utr.spb.ru/Competitions/Competition_2020/index.html (дата обращения 30.01.2021).
- COSINES Pi*. [Online]. Available at: <https://cosines-pi.ru/> (accessed 30.01.2021).

Sources

- COSINES Pi*. [Online]. Available at: <https://cosines-pi.ru/> (accessed 30.01.2021). (In English)
- Konkurs perevoda "Betkhoven 2020" [Translation contest "Beethoven 2020"]. (2020) *Vkontakte*. [Online]. Available at: <https://vk.com/public199537466> (accessed 30.01.2021). (In Russian)
- Pyatnadtsatyj Perevodcheskij konkurs im. Sv. Ieronima [15th St. Jerome translation contest]. *United Nations. Department for General Assembly and Conference Management*. [Online]. Available at: <https://www.un.org/dgacm/en/content/st-jerome-translation-contest> (accessed 30.01.2021). (In English)
- Sankt-Peterburgskij konkurs molodykh perevodchikov Sensum de Sensu [Sensum de Sensu young translators competition]. (2020) *Soyuz perevodchikov Rossii. Sankt-Peterburgskoe otделение [Union of translators of Russia. Saint Petersburg Branch]*. [Online]. Available at: https://utr.spb.ru/Competitions/Competition_2020/index.html (accessed 30.01.2021). (In Russian)
- Vserossiiskij konkurs perevodov "Vagner po-russki" [The All-Russian translation contest "Wagner in Russian"]. (2013) *Rikhard Wagner [Richard Wagner]*. [Online]. Available at: <http://wagner.su/node/885> (accessed 30.01.2021). (In Russian)
- Vserossiiskij konkurs iskusstvovedcheskikh tekstov "Gelehrter Musicus" [The All-Russian translation contest of art history texts "Gelehrter Musicus"]. (2019) *Krasnoyarskoe regional'noe otделение soyuza perevodchikov Rossii [Union of Translators of Russia. Krasnoyarsk Regional Department]*. [Online]. Available at: <https://krasnoyarsk-translation.sfu-kras.ru/node/49> (accessed 30.01.2021). (In Russian)